

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
Властелин Багровой Звезды Зла

Гай Юлий Орловский

ДЛЯЧ@ДАД

Длинные Руки —
Властелин
Багровой Звезды Зла

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — босс Господи
Ригард Длинные Руки — падфин Господи
Ригард Длинные Руки — сконю
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — вихори
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — дул
Ригард Длинные Руки — диф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оберлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маукэз
Ригард Длинные Руки — прессграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майдудом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — изограф
Ригард Длинные Руки — фройграф
Ригард Длинные Руки — владграф
Ригард Длинные Руки — ягураф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — цуцэ
Ригард Длинные Руки — зуцэргэц
Ригард Длинные Руки — фюриз
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — пресбюрист
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — гранд
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — зембюрист
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт
Ригард Длинные Руки — вице-принц
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — курфюрц
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — принц короны
Ригард Длинные Руки — грандюнк
Ригард Длинные Руки — принц-регент
Ригард Длинные Руки — король
Ригард Длинные Руки — король-консорт
Ригард Длинные Руки — монарх
Ригард Длинные Руки — императалер
Ригард Длинные Руки — краю империюской маинки
Ригард Длинные Руки — император

Ригард Длинные Руки —
Властелин Баевой Звезды Зла

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фицорд
Длинные Руки

Первый том первого сезона

Властелин
Барабанной Звезды Зла

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *Андрея Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован коллаж
художника *Вячеслава Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки. Первый том первого сезона.
Властелин Багровой Звезды Зла : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-94525-2

Наконец-то лавина закованных в стальные доспехи коней с грохотом копыт понеслась по земле страшного и чудовищно опасного Юга, проклятой страны магов, колдунов, волшебников и прочих чародеев, извечных врагов Святой Церкви.

Рыцари армии крестоносцев, опустив забрала, всматриваются на скаку в призрачные замки, где много добычи, где слава, богатство, титулы, роскошные женщины...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94525-2

© Орловский Г.Ю., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Глава 1

Втени деревьев рыцари и простые воины, потрясенные случившимся, ошелевшие, переводят дух, с трудом понимая и все еще не до конца веря, что да, победили.

Земля медленно впитывает пролитую кровь, на листьях травы страшно и зловеще блестят в лучах яркого солнца красные капли, медленно и тяжело сползая по сочным стеблям.

С металлическим грохотом, словно шагающая башня, приблизился сэр Растер, доспехи в два пальца толщиной, никакой топор не пробудит, сам в железе от шеи и до подошв, только шлем величаво поконится на сгибе левой руки, открывая квадратную глыбу головы.

— Сэр Ричард, — проревел он, — мы же доблестно погибли в кровавом бою на радость бардам и менестрелям? Значит, в рай?.. а если недоблестно, то в ад?

Я смотрел с нежностью, он весь как из древнего камня, особо прочного, если верить слухам, в старину все было лучше, голова почти квадратная глыба, узкие щели глаз между массивными надбровными валами и высокими скулами, грубый нос, грубые губы и тяжелый

подбородок, сэр Раster рожден для подвигов, даже не представляю его с арфой в раю.

— Ну-ну, — подбодрил я, — а что беспокоит?

Он громыхнул тяжело:

— Но ведь погибли же?.. Но что-то не помню рая... интересно, в самом деле там все... поют хвалу Господу? А то у меня голос не очень... да и ада не увидел... Слышил еще, есть какое-то чистилище, вроде большой ко-нююшни...

Я вскинул ладонь, останавливая такие же тяжелые размышилизмы, как и он сам.

— Дорогой друг, никто из нас не погиб. По-настоящему. Раньше вообще считали, что если человек перестал дышать, то уже мертв! Даже зеркальце прикладывали, смотрели, запотело ли... Представляете, сердце еще бьется, а человека считают мертвым! Ну... не дурь ли?.. Потом люди поумнели, начали щупать сердце и ждать, когда перестанет биться.

Он кивнул.

— Да, это точнее. Но я чувствовал, как сердце перестает стучать!.. Потом все в глазах потемнело.

— И это еще не все, — сказал я бодро. — Утопленника можно вытащить и откачать, если утонул недавно, верно?.. И не дышит, и сердце не бьется! Так и с павшими. И дыхания уже нет, и сердце перестало биться, но мозг живет!.. И будет жить даже не знаю сколько. Может, десять минут, может, час, я не такой уж и лекарь, точно не знаю. И потому душа еще там сидит до-о-олго. Священники говорят, девять дней, но это загибают... В общем, никто из вас не умер...

— До конца?

— Вот-вот, — сказал я, — сэр Раster, вы мудер, как бобр!.. Крупный такой, как на знамени королевства Убелунгия. Сказано очень точно, словно руба-

нули своей неустрашимой секирой. А раз не умерли до конца, то какой рай, какой ад?.. Так что вас не воскрешали, а просто излечили... Соберите грехов побольше для следующего раза.

Он повеселел, расправил могучие плечи, в глазах засияли грозы.

— Это да, — рыкнул он довольно, — это по-нашему!.. Спасибо за разъяснение, сэр Ричард. Удивительно, как много знаете. Нам повезло, что у нас такой вождь. Сразу от сердца отлегло. Ну, я пошел!

— Берегите себя, — велел я. — Маркус все еще опасен, а ваша мощь и отвага востребованы, сэр Раster!

Хрен он себя побережет, подумал я, глядя в его уделяющуюся спину, широкую, как ворота в замок. Для него позор и стыд, если кто-то опередит в бою.

Альбрехт в сторонке раздает указания своим вассалам, все еще доверяет им больше, перехватил мой взгляд, тут же направился ко мне четкими шагами военного человека.

Доспехи сверкают, хотя придется поменять из-за глубоких зарубок, барон Альбрехт, теперь уже граф, отъявленный перфекционист, у него все должно быть самое лучшее, от перьев на щегольском шлеме до новеньких сапог.

Я ощущал на себе холодный взгляд его серых глаз, ясных и серьезных, недюжинный ум Альбрехта и умение быстро мыслить не теряются даже в пылу жарких схваток.

— Граф, рад вас видеть... Кстати, выигранную битву нужно, как это принято, отметить.

Он произнес ровным голосом:

- По методу сэра Раstера?
- Не совсем...

— Уже отметили, — напомнил он, — когда спасли наши королевства. Да и чужие тоже. Здравствуйте, сэр Ричард.

Мне показалось, что хотел произнести «ваше величество», после победы над филигонами я, понятно, еще величественнее.

— Да, — согласился я, — но заметнее будет, если просыпается дождь из титулов и земель. Да, земель тоже. Так принято.

— Справедливое, — уточнил он, — перераспределение за счет тех, кто не явился на великую битву?

— Да...

От большой группы воинов донесся довольный рев. Слышно было, как, покрывая весь шум, загрохотал могучий голос сэра Растира, довольный, как у боевого коня, которому высыпали в кормушку целый мешок отборного овса:

— Теперь пир!.. Как же люблю такую жизнь, когда красивый бой, а потом красивый пир!

Альбрехт сказал тихонько:

— Любитель прекрасного, оказывается, наш сэр Растир. И возвышенного.

— Да, — пробормотал я, — пир... здесь и сейчас...

Он спросил еще тише:

— Что-то не так?

Я старался держать лицо радостным и исполненным если не величия, это пока получается хреново, то хотя бы уверенности. Вождь должен излучать уверенность, как бы ни чувствовал себя на самом деле, но Альбрехта так просто не обманешь, взгляд его серых глаз цвета закаленной стали всегда прям и проникает глубоко.

— Что не так? — повторил он. — Мы же спасли мир!

— И сделали его другим, — ответил я. — Хотя бы потому, что многие короли ушли в глубокие пещеры. Только через недели или месяцы начнут разбирать залы и пробиваться на поверхность...

Его взгляд стал строже, а лицо потвердело.

— Ах да...

— Вот-вот.

— Трона им не видать, — уточнил он, — как своих ушей? Их дворцы и королевства захватят те, кого не взяли с собой, оставив на неминуемую гибель?

Я сказал быстрым шепотом:

— Потому надо ковать железо, пока горячо. Вы не забыли послание от императора Германа, что передала его личная доверенная?

Его глаза сузились, взгляд стал острым, как наконечник стрелы.

— Опасаетесь вторжения? Но разве теперь не готовы дать ему бой?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Но сейчас император, как и вообще все короли Юга, явно в своей норе!.. Да поглубже, поглубже. И будут там сидеть долго, пережидая, пока Маркус закончит перепахивать землю.

Он подумал, кивнул.

— И что вы задумали?

Я оглянулся по сторонам, сказал совсем тихо:

— Есть идея. Сумасшедшая, правда. Но разве мы не сумасшедшие?.. А что, если... вдруг найдем способ добраться до Юга достаточно быстро? Всей этой армией?

Он отшатнулся.

— Тьфу-тьфу, даже слушать такое страшно.

— Но если получится, — сказал я настойчиво, — какой выигрыш!.. Мы сможем взять всю южную империю без единого убитого!.. С нашей стороны, естественно,

чужие потери не в счет. Полагаете, император один ушел в пещеры? Наверняка с ним те, с кем надеется восстанавливать империю: королевские войска, военачальники, советники, жены и дети... Представляете?

Альбрехт, судя по напряженному лицу, обдумывал так и эдак, наконец пробормотал:

— Добыча просто невероятная... если, конечно, успеть до того момента, как полезут из нор. Можно сразу поставить стражу. Как только начинают вылезать — по голове дубиной и — обратно в яму!.. Нечего тут лазить, разлазились... Но, сэр Ричард... как?

— Маркус, — повторил я.

Он отступил на шаг.

— Ваше величество... это такая шутка? Маркус провалился сквозь землю, все видели.

— Надо проверить одну идею, — прошептал я азартно. — Эй вы, двое! Из отряда сэра Дарабоса? Отлично. Отыщите коней себе и сэру Альбрехту!.. Вам доверяю сопровождать мою императорскую особу.

Альбрехт буркнул:

— Императорская была до битвы с филигонами... А сейчас даже и не знаю...

Среди веселящихся военачальников Палант посмотрел поверх голов в нашу сторону, мы что-то очень серьезные среди такого ликования, раздвинул друзей и пошел к нам быстрыми шагами, весь в страшно изрубленных доспехах, без шлема, со слипшимися от уже засохшей крови волосами.

— Сэр Ричард, — сказал он почтительно, — сэр Альбрехт... Что-то случилось? Располагайте мною!

Я сказал все еще тяжелым голосом, но постарался, чтобы для Паланта он звучал победно:

— Мы сокрушили самого чудовищного противника в мире!.. Но сейчас в мире такое... Так что армию после

великой победы по домам, всем по большому прянику, а горстка останется завершать.

Альбрехт молчал, а Палант осторожно поинтересовался:

— Ваше величество... а что завершать?

— Начатое, — ответил я лаконично. — Или кажется, что уже все?

Он сказал с поспешностью:

— Нет, ваше величество! Сплю и вижу, как прилетит что-то еще страшнее! Так понравилось, когда меня убивают...

— Ну вот, — одобрил я, — значит, отыхать не тянет, жаждется снова обагрить меч и услышать крики мертвцевов?.. Сэр Альбрехт, запишите нашего беззаветно отважного сэра Паланта в передовой отряд десанта. Он будет счастлив столкнуться с превосходящими силами противника... Кто еще?.. А-а-а, сэр Гевекс, вижу, вижу!.. Вы даже побледнели от ужаса, что не замечу ваш пыл и жажду красиво умереть на поле брани. Еще раз умереть как-нибудь страшнее, чем в прошлый...

— Мы должны превосходить отцов своих, — подтвердил сэр Альбрехт голосом Растира, даже интонации скопировал, — и самих себя. А пока отыхайте, сэр Палант, битвы еще предстоят, вы же знаете, под чье знамя встали!

Палант послушно вернулся к веселящимся друзьям, а мы прошли пешком почти милю, прежде чем нас догнал стук конских копыт. Испуганных коней, как понимаю, пришлось искать и ловить достаточно долго.

Альбрехту передали повод крупного жеребца в яблоках, а я свистнул, через мгновение от лагеря в нашу сторону понеслись две черные точки, что почти мгновенно превратились в Зайчика и Бобика, огромных и полных свирепой мощи.

Бобик попытался лизнуть меня в лицо, я отпихнулся.

— Брысь, предатель... От тебя Боудерией пахнет. Опять чесала и гладила?

Арбогастр фыркнул, подтверждая, что да, хотя собаки не предают, но какая из Бобика собака, какой-то пес непонятный и безродный.

Я поднялся в седло, колени ощутили жар и могучие мышцы этого зверя. Люблю чувство свирепой моли, любителям держать хомячка в клеточке не понять лошадника.

Бобик ринулся вперед, конь Альбрехта идет рядом с арбогастром, но когда вдали наметился обрыв, мы видели, как Бобик там затормозил всеми четырьмя и резко остановился.

Не представляю, что чувствует Альбрехт, если даже у меня не просто неспокойно, а настоящий липкий страх в груди. Наконец он натянул повод и с тревогой посмотрел в мою сторону.

Не просто обрыв, а зеркально гладкая стена уходит далеко в стороны, загибается вперед и смыкается с такой же за несколько миль от нас.

Чудовищно широкий котлован, дна не видно, а послать коня к самому краю, чтобы заглянуть и увидеть дно, что-то не тянет.

Я тайком поскреб ногтем среднего пальца середину ладони, там в глубине запульсировало в ответ нечто теплое. Альбрехт помалкивает, ждет, лицо бесстрастное, но я тоже за несколько лет присмотрелся к нему и отчетливо вижу тщательно скрываемый испуг, которого не замечают другие.

Оба разведчика на легких конях вроде бы невзначай и очень деликатно, но постарались вклинииться между нами и опасным обрывом.

Бобик подошел к самому краю и, свесив голову, с интересом засмотрелся вниз.

— Скачите в лагерь, — велел я разведчикам. — Если там увидят что-то необычное здесь, передайте мой настоящий приказ продолжать победный отдых!..

— У его величества, — уточнил Альбрехт, — все под контролем. Как обычно, хотя и не часто.

Один тут же повернул коня, второй сказал с беспокойством:

— Ваше величество, вам бы отодвинуться от края... Вдруг земля под копытами обвалится?.. Ваш конь... он тяжеловат.

— Ты прав, — ответил я коротко и заставил арбогастра попятиться от опасного обрыва. — А теперь скачите оба!.. Бобик, отойди, морда ушастая.

Альбрехт тоже отступил вместе с Бобиком, поглядывает с тревогой, а я сосредоточился на мысленном приказе этому таинственному Маркусу включить двигатели, какие бы они у него ни были, и начинать медленный, очень медленный подъем из продавленной им земли.

Глава 2

В ладони застучало чаще, ощущался жар. Я стиснул челюсти, терпел, в висках стрельнуло, и весь мир затянуло кровавой пеленой, в мозгу точно порвались какие-то сосуды, пронзило острой болью.

Я старался не поворачиваться к Альбрехту, да не увидит залитые кровью глазные яблоки, все тело наполняется расплавленным металлом, сцепил челюсти и не дышу, не выдать бы себя истошным воплем...

Целую минуту дикий жар разламывал череп и сжигал мозг, затем медленно пошел по телу вниз, воспламенил внутренности, превращая их в горелые ошметки, ноги заорали дикой болью, затем все ушло, только все тело дрожит мелко-мелко, продолжая что-то восстанавливать, регенерировать, возвращать в исходное состояние.

Альбрехт беспокойно задвигался, спросил сдавленным голосом:

— Ваше величество?.. Сэр Ричард?

Я просипел:

— Граф, не отвлекайте...

— Вам плохо?

— Я в трансе, — шепнул я и опустил верхние веки на глазные яблоки, куда словносыпнули мелко расщертый сухим порошком перца. — Медитирую... Интерфейс «мозг—машина»... или даже «мозг—компьютер» нащупываю...

— Ничего не понял, — ответил он обеспокоенно, — но не стойте так близко к краю.

Я послушно отступил на шагок, а следом из котлована пошла тугая волна разогретого воздуха. Горячую массу выдавливает наружу, как из гигантского поршня, Альбрехт потянул ноздрями, тоже ощутил запах горелой земли. Хотя это могут быть деревья, что Маркус сплющил и вдавил на глубины, а какие-то втер в стены.

Альбрехт тихохонько охнулся, конь под ним беспокойно попятился, а Бобик отпрыгнул и зарычал.

Все трое то и дело косились в мою сторону, хотя тут же поворачивали головы в сторону котлована.

— Сэр Ричард, — сказал Альбрехт шепотом, — оно там поднимается!.. Вы... уверены?

Боль ушла совсем, только в ногах тяжесть, я ответил почти своим голосом:

— Нет... Но если получится... вы представляете...

— Нет. А вы?

— Тоже.

— Тогда как...

— Что-то просматривается, — сообщил я, — вроде рыбы в тумане.

— Большой?

— Левиафан перед такой вроде пескарика.

На внутреннюю стену котлована снизу пал страшный багровый отсвет. С замиранием сердца смотрели, как поднимается все выше, призрачное багровое пламя выметнулось наружу и воспламенило низко проплывающее облачко, превратив из белоснежного барабашка в пропитанную кровью повязку на голове раненого.

Появилась и быстро пошла вверх красная вершина купола, а в глубине угадывается эта блестящая красная гора металла, пугающе громадная и страшная в своей несокрушимости, похожая на литой панцирь бога размером с горный хребет.

— Маркус, — сказал я властно, хотя голосок в конце сорвался на мышиный писк, — остановись!

Тугой жар ударил в голову, я невольно взмыл, но Альбрехт не заметил, остановившимися глазами смотрит на вершину горы из красной стали, что замерла всего в ярде от края котлована.

Он шумно выдохнул, лицо белое, как мел, едва прошептал:

— Сэр Ричард... это сумасшествие...

— Еще какое, — ответил я с дрожью, — хорошо, что я частенько вот так, не подумавши... Если бы подумал, ни за что бы... Маркус, пандус!.. В смысле, трап, трап!.. Сходни!

И снова боль и жар во всем теле, но я инстинктивно набрал в грудь воздуха и терпел, Альбрехт тоже застыл, страшась шевельнуться и даже вдохнуть.

Несколько секунд ничего не происходило, затем прямо на верхушке купола, на сплошной и с виду монолитной плите вздулся горбик, преобразился в подобие трапа и начал быстро вытягиваться в нашу сторону, длинный, тонкий и ничем не поддерживаемый в воздухе, вот-вот переломится под собственным весом.

Наметились даже ступеньки, грубые и плохо оформленные, по краям висят неопрятные красные сосульки, сам трап выглядит так, будто наскоро слепили из щедро смешанного с красным перцем теста.

Преодолев под углом снизу вверх бездну от вершины купола и до края котлована, трап бесшумно лег концом на край обрыва, а сосульки, как зубы, глубоко вошли в землю.

Я поежился, но сердце, несмотря на боль, колотится, как птичка в клетке, чувствуя, как вот-вот выпустят на свободу.

— Сэр Альбрехт, — прошептал я, — это эпохально...

— Мой лорд?

— Разве не видите, — сказал я, — общаемся!.. Начало хорошее, а потом и до баб дойдем...

Он расширенными глазами, едва удерживая коня, смотрел, как я покинул седло и, подобрав под ногами тяжелый валун, прижал им длинный повод.

— Пойдемте, сэр Альбрехт.

— Ох... вы всерьез? Вот так, без нужды?

— Нужда у людей всегда, — ответил я. — Иначе бы не слезли с деревьев... Смелее, сэр!

Он нервно оглянулся в сторону далекого лагеря.

— А там сейчас пирут...

Я проговорил вздрогивающим голосом:

— Если не мы цари природы, то кто? А Маркус... это как бы природа.

Альбрехт молча, как в ступоре, слез на землю, накинул повод на обломок дерева с уцелевшими сучками и двинулся за мной деревянными шагами.

Бобик, обогнав нас, бодрыми прыжками пронесся вперед, а я торопливо прикидывал, насколько Маркус улавливает мои желания...

Когда прошли до середины трапа, под ногами дрогнуло. Трап понес со все возрастающей скоростью прямо в стену металла.

Альбрехт оглянулся, охнул.

— Сзади нас ничего нет!.. Мы в ловушке!

Бобик попятился, шерсть поднялась дыбом, а из горла вырвался грозный рык. Я ответить не успел, нас ударило о стену... этого ожидал и уже напряг мышцы, но стены нет... хотя есть, вон позади, а нас внесло в огромный зал странной и дико изогнутой формы, даже под ногами пол в ямах, наростах и трещинах.

Бобик тут же соскочил с трапа, осмотрелся и запрыгал вокруг нас, приглашая побегать в такой интересной пещере.

Альбрехт оглянулся, голос его задрожал, как туго натянутая тетива:

— А где эта самодвижущаяся лестница?

У меня у самого голос прозвучал как-то нетвердо и не по-императорски:

— Растворяла, — ответил я, — за ненадобностью.

— Здесь все на магии?

— Замрите, сэр Альбрехт... Это как новый жеребец... Купить купили, но вот с какого боку подойти, чтоб ни зубами, ни копытами не достал...

Он прошептал:

— По каким вы только базарам ходите... Чуть сердце не выскочило!

— Тихо, — повторил я. — Думаете, у меня не трястется?.. Но все через тернии, все через тернии... Маркус, я на месте. Твой глава, босс, руководитель и твой мозг. Говорить можешь?.. Ладно, мысленный интерфейс тоже неплохо, хотя предпочитаю вслух, так надежнее, а то мысли у меня такие бывают... сам бы себе... погрозил пальчиком. Бобик, перестань...

Бобик перестал, но тут же совершил каскад красивых прыжков через нарости и выпуклости, хоть мог бы обойти, затем с разбегу влетел в стену и... пропал.

Я похолодел, хотя, возможно, собака видит, где стена настоящая, литая, а где легко трансформируемая или вообще голограммическая проекция.

Альбрехт не сдвинулся с места, а я осторожно пошел по нижнему этажу, притрагиваясь к стенам, ощущал нарости и сталагмиты, вырастающие из пола на высоту моего роста.

Все непонятное и чужое, везде металл, который невозможно даже поцарапать, но легко меняющий форму по каким-то неведомым мне причинам.

И с каждым шагом чувствуется нарастание некого единения с этим существом. Чем-то странно напоминает Бобика в момент нашего с ним знакомства, когда тот и присматривался ко мне с недоверием, и в то же время страстно жаждал подойти к этому незнакомцу, вдруг станет хозяином, которому так сладостно служить и повиноваться!

В построенных людьми дворцах и замках из камня свод поддерживают массивные колонны, Маркус благодаря металлу мог бы позволить себе пространства намного больше без всяких колонн, однако здесь, ви-

димо, срабатывает то же, что в муравейнике. Мураши могли бы вырыть огромную пещеру, однако же копают тысячи ходов, что ведут в сотни различных помещений, больших и маленьких, круглых и вытянутых, расположенных на разных уровнях.

Возможно, не только человеку тревожно спать в огромном зале, все-таки в небольших помещениях уютнее, будь это спальня или кабинет.

Альбрехт наблюдал за мной с вытянутым, как у коня, лицом, а когда я приблизился, проговорил напряженным голосом:

— Ну... и как?

— Дружелюбен, — ответил я, подумал и добавил чуть осторожнее: — Даже больше, чем с его предыдущими хозяевами.

— Даже так?

Я сказал все еще без уверенности:

— Возможно, ориентируется на уровень интеллекта?.. Пусть я не гений, но все-таки в сравнении с теми обезьянами... Долго же скитался, раз даже их принял как поводырей!.. И Бобика вроде бы принял, а тот, паразит, унесся мышкой искать, не понимает, как за него страшно.

— Мне и за нас тоже страшно, — ответил он почти прежним суховатым тоном. — Хотя, конечно, за Бобика больше, как же иначе.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — нужно запустить сюда наиболее трезвых...

Он сказал со вздохом:

— Все трезвые и уже голодные! Мы прибыли на битву без обоза.

— Я о другой трезвости, — сказал я. — Все, для первого раза достаточно, пойдемте отсюда. Маркус, трап на землю!

Голос мой прозвучал почти уверенно, но дыхание я задержал и напряг все мышцы.

Разламывающий череп жар снова начал выжигать мозг, однако Альбрехт с напряжением и заметным испугом смотрит, как прямо из-под ног поднимается широкий и ровный, словно выструганная доска, трап, с трудом отрывается от липкого пола, и не заметил, с какими усилиями я борюсь, стараясь не грохнуться в обморок.

Широкая полоса разбилась на ступеньки, первым на них взмыгнул Бобик и оглянулся в нашу сторону с нетерпением. Едва мы с ошелевшим Альбрехтом осторожненько встали на нее, стремительно понесла прямо в металлическую стену.

И снова запоздалый холод в желудке, хотя прошли сквозь стену, словно ее не существует в том месте во все. Альбрехт шумно выпустил запертый в груди воздух, а я подумал, что надо как-то объяснить Маркусу, что вход-выход нужно бы сделать хотя бы прозрачным.

Хотя зачем? Не собираюсь водить сюда экскурсии. А все остальные пусть лучше видят сплошные толстые стены.

Движущаяся платформа скользила к краю этой чудовищной ямы. Бобик сделал три шага для разбега и в длинном прыжке, преодолев расстояние над бездной, приземлился на краю котлована.

Зайчик уже выдернул из-под камня повод, презрительно фыркнул, видел он такие прыжки, жеребята и то умеют лучше и дальше.

— Возвращаемся, — сказал я. — Или хотите еще что-то посмотреть, сэр Альбрехт?

Он зябко передернул плечами.

— У вас чудовищные шуточки, мой лорд.

Глава 3

От места недавней битвы несутся веселые вопли, кличи, с разных концов поля орут боевые победные песни. Конь Альбрехта, который побаивается громады котлована больше хозяина, без всяких понуканий пошел галопом, а мой охотно ринулся догонять.

На приличном расстоянии от впадины со скрытым от взглядов Маркусом Альбрехт придержал лошадь, поджиная меня.

— Вина, — напомнил он, — как и еды, нет. Если не считать того, что во флягах, да если вдруг у кого завалится в мешке черствый кусок хлеба.

— Паршиво, — ответил я. — Вся армия здесь! Тысячи и тысячи здоровых бойцов, что шли на верную смерть. Дескать, на тот свет обоз не потащишь.

— Послать конников Норберта в села? — предложил он.

— Лучше в Штайнфурт и Воссу, — ответил я. — Маркус сел как раз между ними, горожане убежали в лес.

— По кладовкам можно шарить, — согласился он, — возражать некому.

— Капля в море, — сказал я, — но на первый случай годится. А вообще-то нужно убираться отсюда.

В импровизированном лагере, завидев нас, люди вскакивали и радостно орали, все еще не придут в себя как от победы над таким врагом, так и от всего, что случилось после.

Навстречу вылетел, настегивая коня, Волсингейн, уже в полных доспехах, только забрало потерял в бою, бледный и трепещущий, прокричал с невыразимым отчаянием в голосе:

— Сэр Ричард!.. Багровая Звезда вылезает из недр?..

Альбрехт оглянулся.

— Где? Вы это чего, сэр Волсингейн?

— Облака, — выкрикнул Волсингейн, — в небе вспыхнули!

Альбрехт сказал спешно:

— Скажите всем, что это сэр Ричард, его хозяин, вызвал себе на службу. Так и скажите!

Волсингейн охнулся, но Альбрехт смотрит холодно, как большой змей на крохотного мышонка, и молодой военачальник, поспешило развернув коня, понесся с той же скоростью обратно к лагерю.

Победные песни умолкли, я видел, как все поднялись в едином порыве и, ухватившись за оружие, развернулись в сторону той страшной пропасти, где свободно поместился бы большой город вместе с пригородами.

Я с поднятой над головой дланью и широкой улыбкой на лице, даже мышцы рта заболели, проехал на середину поля, бывшего местом жесточайший битвы, помахал рукой над головой.

Последние голоса затихли, все ждут в напряжении, в переднем ряду барон Гастон Келляве и Каспар Волсингейн, они всю битву прошли плечо к плечу, прикрывая друг друга. Келляве в полуутяжелых, но устрашающих доспехах, даже шлем украшен острыми рогами в виде кривых зазубренных ножей, при одном взгляде становится не по себе, не говоря уже о том, что на фигурном щите, который в бою всегда обращен в сторону противника, выпукло и четко изображена мертвая голова.

Плечи и предплечья усажены короткими, но острыми шипами, по мне, так бесполезны, но сэр Гастон из немногих, которые умеют ими пользоваться умело и быстро.

У Волсингейна настолько тщательно сделанные и хорошо подогнанные доспехи из незнакомого металла, что его создатели наверняка умели бы клепать в своей оружейной мастерской и танки, если бы знали, что это и как их делать.

Я как-то вскользь спросил насчет доспехов, он смущенно признался, что переходят в их роду из поколения в поколение, а сейчас вот он удостоен чести владеть ими.

Сейчас вся армия уже с оружием в руках, люди ждут, лица суровы, но в глазах страшное напряжение и готовность к новой страшной сече.

Я приподнялся в стременах, хотя подо мной арбогастр сам по себе громадный, как гора, прокричал, чуть не срывая голос:

— Слушайте, слушайте все!.. Багровая Звезда Зла уже не звезда зла, а захваченный обоз противника!.. Мы его мудро не уничтожили, он теперь наш. Наша добыча. Сейчас он в своей подземной... конюшне.

Альберт добавил главное, чего ждали:

— Потому продолжайте пир!

После мгновения тишины вопли загремели с новой силой, а я повернул коня и ускакал к далекой кучке священников, что сгрудились возле сидящего на стволе поваленного дерева отца Дитриха.

Передо мной расступились, я соскочил на землю и, метнув небрежно повод ближайшему из монахов, пошел быстрыми шагами к отцу Дитриху.

Он даже сделал движение встать, но я поспешил опередил, почти подбежал и, опустившись на колено, почтительно поцеловал ему руку, чувствуя под губами совсем тонкие пальцы, покрытые сухой дряблой кожей.

— Отец Дитрих!

Он повел взглядом в сторону, священники поклонились и начали расходиться.

Я тоже выждал, а когда мы остались наедине, отец Дитрих жестом велел встать с колен и сесть рядом.

— Отец Дитрих, — сказал я, осторожно опускаясь рядом на бревно, — отряд троллей во главе с сэром Растером сражался доблестно, ни один не отступил. Две трети погибли... и, увы, думаю, Вельзевул не стал распространять на них условия нашей сделки.

Он взглянул с сочувствием.

— Сын мой, у тебя слишком выразительное для императора лицо. Я прочел по нему все, что ты хотел сказать, еще когда ты был в седле.

— Отец Дитрих?

Он покачал головой.

— Конечно же, теперь мир будет иным. Не думаю, что придется долго пробивать в Ватикане решение о признании равными нам троллей, эльфов и всех, кто сражался с нами плечо к плечу. Возможно, Господь и сотворил этих созданий для того, чтобы они в таком вот испытании показали свою настоящую суть?..

— А если Ватикан не пойдет на такой шаг?

Он вздохнул.

— Там тоже люди, могут ошибаться. Горько такое говорить, но мы не обязаны выполнять ложные указания даже Ватикана, ибо служим Господу, а его заповеды превыше всего, в том числе и церкви. Возможно, именно самопожертвование троллей, когда ударили в спину филигонам, помогло одержать победу? Или погибшие эльфы, что постоянно уничтожали филигонов стрелами на пути к селам и обратно? Уверен, здесь нет человека, который не ощущал троллей, эльфов и даже колдунов своими кровными братьями, что дрались ря-

дом и погибали рядом. Ватикану придется отступить перед возможностью раскола церкви.

Я шумно перевел дыхание.

— Спасибо, отец Дитрих... Вы такой камень сняли с моей души!

Он взглянул с мягким укором.

— Сын мой, церковь не чудовище. Она продолжает вести человека, иногда и тащить слишком жестко, признаю, из тьмы к свету. Сообразуясь не только с вечными ценностями, но и с реальностью... Конечно же, те маги, которых ты называешь алхимиками, пусть они и маги, но теперь в официальных бумагах они все будут именоваться алхимиками...

— Спасибо, отец Дитрих, — сказал я жарко. — Догадываюсь, что это значит.

Он кивнул.

— Верно догадываешься. К ним отныне такое же отношение, как к любым лекарям, аптекарям, травникам, плотникам или каменщикам. Никакого преследования... Ты что-то задумал?

Я помялся, сказал с неловкостью:

— Знаю, сейчас бы закрепить здесь все, что мы вырвали с таким трудом у врага, но... отец Дитрих, перекладываю все на ваши плечи и на армию ваших священников. А я рискну нанести визит на Юг. Сейчас самое подходящее... Юг — это Юг, отец Дитрих!.. Все, кто может склониться в глубоких и очень глубоких пещерах, уже там. И выходы замурованы, чтобы вслед не полезла всякая голодная чернь в попытке спасти и свои жалкие жизни.

Взгляд его стал острым и оценивающим.

— И королевские троны, как и дворы, опустели?

— Императорский, — ответил я, — наверняка в первую очередь.

Он покачал головой.

— Рискованно. Просто безумно... хотя да, другого такого случая уже не будет.

Я воскликнул воспламененно:

— Отец Дитрих! Только вы меня и поняли!.. Даже мои близкие друзья и военачальники не верят в такую затею.

— Судя по крикам в лагере, ты пытаешься оседлать эту летающую колесницу?

Я кивнул.

— Спасибо, отец Дитрих. Только вы сразу все понимаете. Все верно, это всего лишь гигантская колесница. Она не может быть злой или доброй, ей все равно, кто на ней едет.

Он подумал, произнес медленно:

— Я даже понимаю, почему намерен отправиться без священников...

— Отец Дитрих?

— Там сложившиеся империи, — сказал он серьезно. — Тебе придется трудно. Не только в воинском деле. Вообще. Сам увидишь. А пока да, нам предстоит очень много работы здесь. Потом... потом посмотрим.

Я молча, чтобы не брякнуть лишнее, поцеловал ему руку.

В правой части импровизированного лагеря отдыхают после страшного боя рыцари ордена Марешала. Меня завидели издали, несколько рыцарей поднялись навстречу.

Глядя на них, невольно подумал, что хотя рыцарям-монахам доспехи делают в одной оружейной мастерской, но работа эта штучная, при общем сходстве всегда есть различия. Вот у смиренного брата Отто, в

прошлом графа Шварцбург-Рудольфштадта из рода Кенисбергов, доблестного Зальм-Райнграфенштайна, барона Эттинга Гогенцоллерн-Зигмарингена и барона Эльзарцер-Бергского доспехи, как у партии и Ленина, что близнецы и братья, но у брата Отто рога на шлеме в виде оскаливших один на другого золотых змей, у графа Зальм-Райнграфенштайна серпы, у барона Эттинга Гогенцоллерн-Зигмарингена две части солнечного нимба, что почти смыкаются над макушкой, а у барона Эльзарцер-Бергского ангельские крыльшки.

Щиты у маршальцев треугольные, сильно вытянутые книзу, снежно-белого цвета с кричаще-красным крестом на все поле щита. Страшное и прекрасное зрелище людей, воспламененных одной священной идеей построения огнем и мечом Царства Божьего на земле прямо щас.

Вперед вышел брат Отто, я покинул седло и, шагнув навстречу, крепко обнял, тепло улыбнулся другим.

— Поздравляю вас, братья великого ордена, с величайшей победой!

Отто ответил смиренно, но с достоинством:

— Во славу Господа.

— Именно, — подхватил я. — Господь испытывал нас, теперь он доволен своей работой.

— Во имя Господа...

— Дорогой друг, — сказал я приподнято, — я намерен сложить на ваши плечи тяжкую ношу, в то время, как простые люди будут отдыхать и отстраивать то, что враги рода человеческого успели разрушить...

Он смотрел молча, а доблестный Зальм-Райнграфенштайн воскликнул пламенным голосом и весь в блеске юных глаз:

— Во имя Господа!.. Что нам предстоит?

— Враг побежден, — напомнил я, — сейчас на волне энтузиазма можно и нужно усилить роль церкви и ее основных заповедей, пока все в пламени веры...

Барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген, не помню его монашеского имени, поинтересовался осторожно:

— Брат Ричард... вы говорите так, словно сами отстраняетесь от такого богоугодного дела...

— Ради вящей славы Господа, — подчеркнул я суровым и значительным голосом. — Для нас бой не окончен, братья!

Они смотрели все внимательно и ожидающе, лучшая часть армии, элита человечества, наконец барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген уточнил:

— Брат Ричард?

Я перевел дыхание и сказал все так же сурово и страстно:

— Господь повелел мне с отборным отрядом рыцарей отправиться на Юг. Именно там земное логово Зла, Нечистой веры и самое море скверны. И да воссияет слава Господа над всем миром!

Они разом перекрестились и произнесли благочестиво в один голос:

— Во имя Господа!

Я обнял по очереди старших братьев Ордена, остальным рыцарям-монахам помахал рукой и, вскочив в седло, вернулся к Альбрехту, к которому уже стягиваются мои военачальники: Норберт Дарабос, Палант, Макс, Волсингейн, Келляве и даже те, кто предпочитает сражаться в одиночку или в небольших группах, как Тамплиер, Сигизмунд, Митчелл...

Альбрехт спросил первым:

— Как прошло?

Я покинул седло и хлопнув Зайчика по толстому крупу, кивком указал на поле битвы, где из поли-

той кровью травы торчат сломанные мечи, разбитые вдребезги щиты.

Зайчик ринулся добывать себе пищу, там вообще лакомства, Бобик взбрехнул и понесся за ним.

— Уболтал, — сообщил я. — С радостью и пеньем псалмов будут разгребать говно здесь, а мы отправимся в страну сладкого порока и доступных женщин... Чего все заулыбались? Мы же борцы с пороком, забыли?

Рыцари переглянулись, Митчелл пробормотал:

— Да, но... доступные женщины... пусть остаются, наверное... На них же не женятся...

— На Юге женятся, — ответил я серьезным голосом. — Потому что чем выше по статусу, тем доступнее. Это Юг, там иные нравы.

Митчелл охнулся, у остальных как-то слишком уж для борцов с пороком засияли глаза.

Альбрехт проговорил с сомнением:

— Как угадать, когда шутите, а когда всерьез?

— Так вся жизнь такая, — пояснил я. — Думаешь, что шутит, а она тебя моргенштерном по голове!..

— Сэр Ричард, — сказал Митчелл лицемерно, — вся наша жизнь!.. Тоже такая же веселая.

— И радостно-моргенштерная, — добавил сэр Палант в тон.

Я сказал серьезно:

— А теперь о важном. Народ пусть пирет, а вы хоть и народ, но не народ, так что мы с Господом спросим с вас больше. И горе тому, кто не!.. В общем, так, страшная сила и скорость давали филигонам преимущества, мозги не требовались вовсе. На самом же деле Маркус, которым незаслуженно пользовались, может гораздо больше, чем просто уничтожать материки и служить небесным обозом.

Они посерезнели, подтянулись, Палант спросил почти испуганно:

— Ваше величество?

Я кивнул.

— Угадали, сэр Палант. Ищу. Я ведь человек, потому жадный, и мне всегда всего мало.

Альбрехт сказал серьезно:

— Мой лорд, можно подавиться.

— Или лопнуть, — заметил Палант.

— В лучшем случае, — добавил Митчелл, — обос... облегчиться быстрее обычного. Намного быстрее.

Я оглядел их свысока.

— А если нет?.. Вот что, умники. Народу пока не говорю, но вам сообщаю секрет государственной важности. Хватит отдыхать, а то сами от безделья лопнете. Вы хоть понимаете, что весь мир, завидя Маркуса в небе, ринулся в самые глубокие пещеры?.. И будет там сидеть, насколько жратвы нахомячил?

Глава 4

Они продолжали смотреть вопрошающими глазами, только Альбрехт сказал в нетерпении:

— Наш мудрое императорское величество изящно намекает вот так это молотом в лоб, что королевские троны опустели. Везде.

Митчелл проговорил очень серьезным голосом:

— Ага, везде. Страшно и подумать... Везде-везде.

— Вот-вот, — сказал Альбрехт. — Как догадываюсь, оно имеет в виду не столько королевства нашего континента, а южного...

Все заметно напряглись, Келляве сказал осторожно:

— Насколько мы уже знаем размах нашего величества, оно не имеет в виду краешек на берегу?

Я ответил с надлежащей высокомерностью в голосе:

— Краешек у меня уже есть. Целый процветающий маркизат! С огромным флотом, как вы уже видели.

Митчелл проговорил подчеркнуто строгим и ясным голосом, изображая не то Альбрехта, не то всегда сурового Норберта:

— Верно, хватит отдыхать... Уже целую минуту лежим. Или почти лежим. Куда столько?.. С сэром Ричардом никогда так долго не отдохали. От безделья уже все кости болят. Нельзя лежать, когда страна в лице нашего неукротимого и закусившего удила вождя трубо и зычно зовет и кличет...

— На свершение, — сказал Палант значительно. — Ибо это путь мужчин! Плодиться и размножаться. А на Юге мы еще не размножались, верно? Разве что наш великий император успел, но мы, хоть и не догоним, должны стараться!.. Сэр Ричард!

— А сейчас, — велел я, — пойдемте в народ. Народники, в общем, передвижники. Поднимем ярость масс!..

— Насчет пира?

— Насчет пропитания, — пояснил я. — Кто-то из нас думал, что оно понадобится?

— Собирались обедать в раю, — подтвердил сэр Келляве.

В лагере народ, завидя меня, за которым, как гуси, идут все знатнейшие рыцари, начал подниматься, почтение выказывают, я властным жестом велел всем сесть, а кто сидел, лечь.

— Как вы знаете, — сказал я громко, насколько мог, — города и села при виде Багровой Звезды опустели! Вы не можете закупить провизии, потому вправе

войти в брошенные дома и лавки, взять с собой столько еды, сколько вам потребуется. Вещи не брать!.. Хотя бы потому, что мы вот так, с группой добровольцев, не переобуваясь, отправимся на Юг. Да-да, на Юг, а он намного богаче наших северных королевств!

Слушают внимательно, время от времени кто-то пытается ликующе заорать, как вот при сообщении, что можно врываться в брошенные дома богачей и забирать оттуда все, что душа пожелает, но им быстро затыкали рот, обычно ударом под дых, на лицах то страх, то восторг, но чаще всего банальное недоумение.

Я сказал значительным голосом:

— Отправимся не на кораблях, это долго и опасно, а на Багровой Звезде, что теперь служит нам!.. На сборы двое суток!.. Двое суток, чтобы собрались здесь же, на этом месте. Предупреждаю: что нас ждет на Юге, не знаю. Хотя вообще-то на Юге был, но видел только краешек, а сейчас отправимся прямо в центр империи Германа Третьего к его столице и к его дворцу!..

Альбрехт быстро добавил:

— Его императорское величество Ричард хотел сказать еще, что кто не хочет в этот рискованный поход, может остаться. Кто решится, через двое суток должен быть на этом месте с недельным запасом провизии, вина и еды!..

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, еще... Неважно, отправитесь вы со мной на Юг или нет, помните, вы победители!.. Багровая Звезда не сама убилась о стену, а это вы своей отвагой и доблестью вырвали победу у самого великого во вселенной врага!.. Ничто не должно смутить вас, поняли?.. У вас собственная гордость, помните!.. Вот мой указ, слушайте!.. Всех-всех, участвовавших в этой страшной

битве, посвящаю в доблестные рыцари!.. Теперь все вы, все-все, отныне и навеки благородного звания!

Альбрехт сказал тихонько:

— Ого.

— Это еще не все, — продолжил я торжественно и сам ощутил, что голос стал звенящим и даже кимバルным. — Все люди благородного звания, баннерные или безбаннерные рыцари, получают титул. Безбаннерные отныне виконты, виконты теперь бароны и так далее, а мои герцоги отныне принцы. И не какие-нибудь там, подумаешь — принцы, а сразу принцы императорской мантии!

Рев поднялся над толпой, как могучий смерч, пошел в стороны и вверх, и, думаю, не одна птица в небе упала замертво, оглушенная как палкой по голове.

Я вскинул обе дланни над головой, помахал милостиво, а внизу военачальники закричали напоминающе, что его величество император, который сражался вместе с ними, а не за их спинами, отпускает их на двое суток, спешите, не теряйте времени, не дайте себя определить. Альбрехт хмуро наблюдал, как вся армия с радостным ревом, сама по себе разделившись на две половины, ринулась к городам Штайнфурту и Воссу.

— После такой речи, — сказал он суховато, — явятся. Даже не задумываясь, что их ждет. За них думает император...

Я сказал нервно:

— Не напоминайте, и так вздрагиваю.

— Не продумали еще?

— Еще нет, — признался я. — Честно говоря, я больше интуитивист, стыдно признаться.

Он сказал с неодобрением:

— Это простой рыцарь может по велению сердца, но... император?

Я огрызнулся:

— Сэр Альбрехт, сами знаете, какой из меня император! Потому империи и рассыпались, что власть каким-то чудом попадала в руки таких вот... красивых и нарядных.

— Сэр Ричард, — сказал он серьезно, — раньше я что-то мог подсказать, посоветовать, все-таки мой жизненный опыт... Но сейчас вторгаетесь в такое, что, боюсь, останетесь в полном одиночестве. Нет, мы за вами пойдем! Но...

— Договаривайте, граф... Простите, ваша светлость, герцог. На что намекаете?

Он вздохнул, покачал головой, в глазах я увидел укоризну.

— До этого на вас либо нападали, либо ставили в безвыходное положение, и вам приходилось... Но сейчас наконец-то добились всего и получили все-все!.. Впервые сами по своей воле делаете первый шаг к нападению.

— Не совсем так, — ответил я и ощутил, что уже огрызаюсь, как загнанный в угол зверек. — Император Герман велел явиться немедленно! И пригрозил, что если не явлюсь, то сюда высадится вся его армия. Продумайте себе его дальнейшие шаги!

Он в самом деле задумался, подвигал морщинами на лбу.

— Через недели, — проговорил он очень медленно, — или месяцы начнет пробиваться наверх... Обнаружит, что все цело... значит, Багровая Звезда удалилась, на этот раз ничего не разрушив...

— И что он сделает? — спросил я с угрюмой злостью.

Он буркнулся:

— Закатит пир!.. Что естественно. Ну, а потом... должен признать, вы сразу смотрите в корень. Да, его угроза наверняка была озвучена и перед придворными. Так что он просто обязан будет прислать сюда армию.

— Тогда сами понимаете, — отрезал я, — что мы должны! И побыстрее, герцог, побыстрее!.. Соберите военачальников. Надеюсь, они не ринулись в Штайнфурт и Воссу грабить лавки?

Он посмотрел с иронией.

— Им принесут.

Через несколько минут он вернулся с группой наиболее близких мне рыцарей, среди них Келляве, Норберт, Растер, Митчелл, Волсингейн, Тамплиер, Сигизмунд, Палант, Макс, Кенговейн, Горналь, еще десятка три умелых начальников отрядов, теперь уже рыцарей, а кто-то уже виконт, барон, а то и граф.

Альбрехт сказал с неодобрением:

— Быстро вы их... в смысле, нас всех. От простых рыцарей до герцогов за несколько лет...

Я покачал головой.

— Мне пришлось карабкаться долго и трудно, ни одной ступеньки не пропустил... Потому просто обязан сделать для своих соратников эту дорогу проще и короче!

Он пробормотал:

— Да я разве против? Только я человек битый, уже понимаю: за такое придется расплачиваться... Что потребуете взамен?

Я пожал плечами.

— Одна дама сказала вторгнувшемуся в ее спальню грабителю: берите от меня все, что хотите, оставьте только деньги, вещи и жизнь. Думаю, вы поняли.

— Еще бы, — ответил он. — Возьмете кроме всего еще деньги, вещи и наши жизни... О, даже Боудеррия пришла во всем ее блеске!

По моему знаку все послушно опустились под кроной могучего дерева, хотя вижу, как неловко сидеть, когда их король, а теперь уже император остается на ногах.

— Вы избавлены от необходимости шарить по домам, — напомнил я, — в поисках пропитания. Так что слушайте внимательно.

— Ваше императорское величество, — сказал из задних рядов один из старших разведчиков, — мы все внимание.

— При любой победе, — напомнил я, — обязательно есть трофеи. Наш главный трофей — Маркус, Багровая Звезда. Точно так, как на нем прибыли филигоны, так и мы прибудем... но не так далеко, а всего лишь на Юг. Наша цель... вообще-то понятная — доминантность. Мы превыше всего!.. А как это осуществить на месте, продумаем в дороге. Я сейчас подниму Маркус... не целиком, а то перепугает всех в королевстве, а так... чтоб чуть-чуть высунулся из норки, которую он себе прокопал...

Альбрехт, всегда точный в формулировках, уточнил:

— Продавил.

— Да, продавил. Так ему даже быстрее, чем копать. Когда жопа тяжелая, это очень удобно. Только без паники, без паники!

Митчелл сказал мрачно:

— Да уж как-то... никто в обморок не рухнет. Если сумеете поднять, то и дальше, наверное, он нас не подавит... или не всех. Сэра Бриана пусть, он у меня в прошлый раз все монеты выиграл, а меня за что?

— Сэр Ричард, — сказал Норберт, — если это в самом деле в ваших силах, то лучше вытаскивать эту штуку целиком.

— Сэр Норберт?

— Как она сядется будет? — спросил он. — Снова продавливать землю, как боевой молот грязь, чтобы мы сумели выйти?..

Я хлопнул себя по лбу.

— Спасибо, сэр Норберт. Я дурак, не подумал. Конечно же, загрузимся в трюмы.

— Трюмы?

— В нижний этаж.

Он смолчал, явно не согласный с тем, что его лорд дурак, а он служит дураку, а я указал на котлован, а сам, пока на меня никто не смотрит, набрал в грудь воздуха и подготовился терпеть всесжигающую боль.

Все смотрели устрашенно, как из-за края котлована начала подниматься громадная красная гора блестящего металла. Медленно задирали головы, провожая взглядами, а она все росла и росла, и когда опускали головы, оказывалось, что это чудовище все еще идет вверх и вверх, и неизвестно, сколько его в яме.

Наконец, когда ожидание развязки стало таким, что, если чихну, половина упадет в обморок, а другая обмочит штаны, Багровая Звезда остановилась, замерла, а затем по моей команде сдвинулась в сторону.

Альбрехт шумно вздохнул, когда эта гора металла опустилась на землю рядом с чудовищной ямой, не примяв даже травы.

Удерживая бешено колотящееся сердце, я сказал почти бодро:

— Вот!.. Пока фуражиры фуражирят, можете осмотреть и подготовить нижний этаж на предмет транспортировки личного состава и низших чинов, среди

которых все отныне рыцари. Выше подниматься... пока не стоит, а низ и есть низ, трюм, как бы вот. Нам Багровая Звезда для передвижения, концертные и танцевальные залы пока подождут.

Барон Келляве, что теперь уже граф, проговорил мрачно:

— Сэр Ричард... вы уверены...

— Насчет чего? — спросил я. — Вообще-то как человек мыслящий ни в чем не уверен, но как император...

— Насчет успеха вторжения на Юг?

— Нет, — ответил я честно. — Но просто жить тоже опасно. А вы, сэр Тамплиер?

Голос Тамплиера из-под цельного шлема раздался гулко и мощно, как из подземелья:

— Мы с сэром Келляве стояли на пути врага плечо к плечу. Здесь тоже пойдем рядом.

Сигизмунд сказал ясным и чистым, как серебряная труба, голосом:

— У меня нет своего отряда, но проверю и подготовлю места, где можно разместить людей.

Он вздрогнул и отступил на шаг, на пригорке поблизости появился из ниоткуда Карл-Антон в своем нелепом длинном халате до пят, словно прячет козлиные копыта, а на голове шляпа, как на огородном пугале: с широкими полями и длинным острым верхом.

Все насторожились, глядя, как он внимательно рассматривает издали эту сверкающую гору металла. Тамплиер сказал с неприязнью:

— Сэр Ричард, надеюсь, этого старика брать не вздумаете?.. Если отправляемся в страну колдунов и магов, стоит ли везти туда еще одного, чтобы там повесить?

Я сказал строго:

— Он не маг, а алхимик!.. Это совсем другое, хоть и то же самое, но потом ответвится с уклоном в науку. А вспомните, как он сражался!

Он буркнул нехотя:

— Сражался — да, если бы не его факелы... Но переживет ли долгое путешествие на Юг? Все-таки старик...

— Человек свободен, — подчеркнул я, — в своем выборе. Пусть сам решает. А вы все за мной! Маркус... пандус!

На всякий случай постарался сосредоточиться и представить достаточно широкие и прочные сходни, да не проломятся, когда по ним двинется тесная группа в десятки человек.

Глава 5

Альбрехт с укором покачивал головой, а рыцари, не сходя с места, настороженно осматривались в странном бесформенном зале, где ни одной вертикальной или прямой стены, свод изгибается волнами, пол в неровностях, чувствуется под ним шевеление, будто там во сне переворачивается с боку на бок огромное животное.

Пока все приходили в себя, я унял боль и тоже перевел дыхание, только Бобик чувствует мое состояние и прижимается горячим боком, обещая защитить от всех и от всего.

— Очень осторожно, — наконец выговорил я обгорелым ртом. — Осмотрите и подготовьте места для своих отрядов. Думаю, полет... в смысле, передвижение продлится недолго, но... пока не знаю, как и сколько.

Келляве поинтересовался с сомнением в голосе:

— Сэр Ричард, а вы уверены... что это богоугодно... или хотя бы не совсем против церковных истин?

— Отец Дитрих, — ответил я важно, — одобрил и как бы благословил.

— Вторжение? — уточнил он. — Или это вот... Багровую Звезду?

— Это не магия, — объяснил я благочестиво, — а нечто вроде чуда, что дозволительно церковью. Как вот трофеиный конь, сперва враг на нем, теперь мы.

Сэр Раster не стал обходить неопрятный горбик на дороге неприятного синего цвета, а, демонстрируя молодежи, как можно двигаться даже в его тяжелых доспехах, довольно лихо перепрыгнул.

Я охнул вместе с теми, кто смотрел на доблестного наставника рыцарских ценностей. Сэр Раster просто исчез над холмиком. Ни вспышки, ни дыма, просто исчез.

— Всем отойти! — велел я. — Не приближаться!

Воины выхватили мечи, первая мужская реакция, отступили на шаг, но далеко сверху раздался мощный рев:

— Я здесь!

Под самым сводом на веранде без парапета, как я определил для себя за неимением других терминов, сэр Раster поднялся на ноги во всем блеске тяжелых доспехов и машет нам рукой.

— Сэр Раster? — прокричал снизу Норберт.

Растер даже не шелохнулся, ткнул большим пальцем через плечо.

— У меня за спиной роскошный ход!.. Светлый, все блестит... будто для торжеств... Щас посмотрю...

Я крикнул:

— Не сметь туда соваться!

— Я только одним глазом, — пообещал он. — Загляну, и все...

Замедленно поворачиваясь в ту сторону, он поскользнулся на блестящих от слизи неровностях, взмахнул руками и сорвался с узкого бортика.

У всех вырвался вскрик жалости. Сэр Раster в тяжелых доспехах стремительно набирал скорость с раскинутыми руками и ногами, словно тормозя падение, но ярдах в трех от пола резко замедлился...

...и опустился почти нежно на четвереньки. Тут же воздел себя на ноги, ошелевший и с вытаращенными глазами, но с надлежащей осанкой наставника молодежи.

— Сэр Ричард! — вскричал он патетически. — Теперь я верю, что творим богоугодное дело! А вы, сэр Гастон, сомневаетесь зря!

Граф Келляве перекрестился и сказал быстро:

— Уже нет.

— Больше не рискуйте, — бросил я зло Раsterу. — Нельзя пользоваться бесконечной снисходительностью Господа... потому что она не бесконечна.

— Да, — сказал Келляве мощно, — вспомним Содом и Гоморру... Нет, лучше не вспоминать.

Растера окружили, трясли, обнимали, хлопали по плечам, а один из разведчиков Норберта незаметно отошел в сторону и прыгнул через тот горбик, в точности копируя движения доблестного рыцаря.

Нет, вверх не взлетел, просто исчез, я сразу вскинул голову, под самым сводом возникла человеческая фигурка. Он оттуда помахал нам рукой и тут же поспешил в проход, который обнаружил сэр Раster.

Норберт прошептал что-то злое, я сказал ему тихо:

— Отчаянных ты воспитал парней.

— Это сами, — буркнул он. — Друг перед другом... Сволочи, у меня чуть сердце не выскочило. Чекард!

Чекард, один из его младших командиров, тут же подбежал, отчеканил лихо:

— Сэр Норберт?

— Иди за ним, — велел Норберт. — Я же приказал: только по двое-трое!..

— Выполняю, — ответил Чекард.

Нимало не колеблясь, а если и трусил, то не показал нам, прыгнул через кочку, исчез, тут же возник вверху и, выказывая полнейшее самообладание, метнулся в проход за соратником.

Рыцари смотрят, задержав дыхание и раскрыв рты, в самом деле у Норberта самые отчаянные и бесшабашные, потом кто-то решился, прыгнул через кочку, исчез, появился вверху, но вместо того, чтобы пойти в проход, сделал вид, что поскользнулся, и рухнул вниз.

Снова у меня замерло сердце, однако воин хоть и падал быстро, но у самого пола ухитрился извернуться и встал на ноги, хоть и пошатываясь.

Сэр Митчелл сказал рассерженно, но все же с довольною ноткой в голосе:

— В моем отряде тоже не совсем уж трусливые!

— Что вы делаете, — сказал я в сердцах, — сейчас такое начнется...

Митчелл охнул, но люди из его отряда, отряда Паланта и группы Келляве наперебой начали доказывать друг другу неустрешимость, один за другим прыгая через кочку.

Их каким-то образом забрасывало наверх, а там они скапливались на узкой полоске балкона без бортиков. Кто-то решился и вроде бы нечаянно поскользнулся, за ним наблюдали с тем же замиранием сердца, но все повторилось, как стремительное падение, как и торможение у поверхности пола.

Еще двое прыгнули следом, остальные не решились, страх высоты сильнее голоса разума, мало ли что другие не разбились, а я вот обязательно разобьюсь...

Таких набралось много, потихоньку отступили в открытый сэром Растером туннель и скрылись из виду.

— Только бы не заблудились, — сказал я в сердцах. — Сэр Альбрехт, запретите этот аттракцион!.. А вы, сэр Норберт, поставьте охрану.

Норберт кивнул, но сказал тихо:

— Для некоторых целей в этом, как говорите, аттракционе есть смысл... Скажем, отбирать самых отчаянных, готовых на риск... Но охрану поставлю. Только, сэр Ричард...

— Знаю, — ответил я так же тихо. — Маркус огорчен.

— Вот-вот.

В Маркусе везде рассеянный желто-оранжевый свет, в какой-то мере привычный и даже радостный, потому какие-то группы, не в силах от радостного возбуждения заснуть, продолжали исследовать уголки Маркуса даже ночью.

Раster не утерпел, снова повторил свой показательный трюк с прыжком через кочку, но на этот раз там наверху пошел в открытый им проход и... пропал. Отыскали его через несколько часов, он сумел спуститься по каким-то норам, что открывались, по его словам, затем схлопывались следом, а он где шел, а где проползал, будто по кишкам гигантского червя. Несколько раз голоса проходили совсем рядом, услышал, о чем говорили Боудеррия и сэр Волсингейн, но рыцарская скромность не позволяет повторить интересные подробности...

— Сэр Раster, — прервал Норберт, — дорогу вы не запомнили?

— Дороги не было, — отрезал Раster. — Меня вела воля Господа, стены передо мной развер... разверзывались!.. Разверза... лись, во! Не целиком, я ж не святой, но рыцарь должен быть скромным и блести достоинство. Если не на коне с поднятым знаменем, можно и в щель, не роняя чести, как в условиях боевых действий.

— Щели появлялись перед вами? — спросил я.

— Не совсем, — ответил он степенно. — Иногда сбоку, но я понимаю, Господь подсказывает нам путь, но не обещает, что будет прямым и ровным. Человек по Его воле рожден для трудностей и воинских подвигов!

— Спасибо, сэр Раster, — сказал я, — но не забывайте, вы — наставник молодых рыцарей, а так вы лишили их на несколько часов своего наставничества!

— Без рыцарских доблестей, — сказал Альбрехт сурово, — это просто люди с оружием. Хоть и благородного происхождения. Стыдитесь, сэр Раster!

Растеру, судя по его виду, в самом деле стало стыдно, выпрямился, тяжелый, как гора из металла, прогудел с неловкостью:

— Вы правы, сэр Альбрехт. Я пренебрег главным, что должен делать рыцарь с моим опытом и знанием жизни. Пойду наверстывать!

Он удалился, громыхая металлом. Альбрехт некоторое время настороженно вслушивался в новые странные и пугающие звуки.

Я сказал успокаивающее:

— Конники Норberта вернулись, идут по трапу. Орут, выказывают чересчур громко неустрашимость, дескать, им не страшен серый волк... Это эхо искаляет их отважные вопли.

Он вздохнул.

— Значит, пугает. Как и меня.

— И вас? — спросил я. — Вы же настолько неустранимы, что даже не знаю.

Он вздохнул.

— А кого не пугает? Даже вас, сэр Ричард, я вижу, но вы умеете держаться, как надлежит доблестному рыцарю без страха и упрека.

— Не присматривайтесь, — сказал я нервно. — Я должен быть весьма!

— Ладно, — ответил он, — пойду приму продукты. А самих фуражиров отправлю с вашего разрешения в Штайнфурт и Воссу. Вы в самом деле знали, что будете грабить эти города, когда отправили все население в лес поглубже?

Я сказал сердито:

— Сами знаете, зачем всех пришлось изгнать подальше в лес! Филигоны сразу бросились бы в эти города, набрали бы пленных и поднялись в стратосферу... ну, выше облаков, откуда сразу и перепахали бы здесь горы и леса!

— Да? — переспросил он с сомнением. — А то мне иногда кажется...

— Герцог, — сказал я с укором.

— Да так, — ответил он, — иногда кажется. А что плохого в том, чтобы видеть дальше других?.. Ладно, сэр Бриан, бери отряд, пойдем набирать продукты!

Он с сэром Кенговейном и группой его вассалов удалились, а я, напрягая мозг, начал старательно передавать Маркусу свое видение мира. Дескать, он за длительное время, очень длительное, усваивая много новой информации, чуточку начал забывать старые правила и особенности интерфейса «мозг—машина». Ему нужно сейчас очень осторожно нащупать мой болевой порог,

чтобы команды проходили легче, не вызывая у меня разрыва сосудов и гематом в коре головного мозга...

Сейчас с моей стороны команд никаких, только тюнинг интерфейса, это обоим на пользу, без работы и нагрузок любой механизм, даже самый совершенный, накапливает баги, те тормозят работу и в конце концов все обрушат...

— А я буду заботиться о тебе, — пообещал я. — А теперь постараюсь увидеть... Сейчас представлю очень ярко и отчетливо, какими должны быть помещения... Это не команда, ты реагируешь для меня болезненно, просто мое видение...

Наверняка эти чудовищные пещеры, в которых нам всем вообще-то очень даже не по себе, сформировались под воздействием коллективного сознания филигонов, но так как я и есть настоящий наследник древних конструкторов Маркуса, то мое видение приоритетно.

Можно, конечно, предположить, что Маркус, хоть и существо, но созданное то ли самим хаосом, то ли высшим и непонятным разумом, но для меня даже предположить, что где-то во вселенной у кого-то разум выше, чем у меня, просто оскорбительно.

Потому либо Маркус создан непонятным разумом всей галактики, либо все-таки древних людей, что намного вероятнее. Эти древние подошли к самой сингулярности, но что-то у них бабахнуло почти на пороге.

В мозгу смутно проступили некие хаотичные отрывки, исчезли, на их место выползли, как из тумана, другие, трансформировались, я изо всех сил пытался понять, наконец, решив, что ухватил что-то, подошел к стене и уперся в самый большой выступ ладонями.

Нажал, одновременно всеми фибрами приказывал втянуться, стена должна быть ровной и обязательно

вертикальной, под углом в девяносто градусов... ладно, просто ровной, вот так... еще малость...

Альбрехт с разведчиками вернулся, когда я ползал по полу и руками вминал все выступы, выравнивая поверхность, я же перфекционист в душе, а для реального мира у меня есть подчиненные.

Разведчики с мешками на плечах остановились у порога, не смея потревожить императора с его причудливым хобби, только Альбрехт понял и сказал с великим облегчением:

— А других нельзя обучить?

— Вряд ли, — ответил я, пыхтя от усилий, — этот гад слушается только меня... Да и то не всегда, не так и не в том месте... Ничего, сейчас попробую с цветом, а то будто гной по стенам...

Он сказал быстро:

— А я отправлю ребят наружу, пусть смастерят стол и хотя бы пару лавок. Или можно доставить из Штайнфурта или Воссу что угодно.

Я подумал, махнул рукой.

— Да хоть откуда, оба рядом. Боюсь, нам придется здесь обживаться.

— Передвигаться, — сказал он, избегая страшного слова «лететь», — будем долго?

— Не думаю, — ответил я без уверенности, — однако... здесь оборудуем наш командный пункт. Вообще, Маркус — самая несокрушимая цитадель, куда вы притащите все награбленные ценности!

— А-а-а, — сказал он с облегчением. — Значит, грабить будем?

— Нет, — отрезал я. — Ни в коем случае!.. За редкими исключениями, которых может быть много, но это важнейшее дело жизни решим на месте. Мы не

орда, а рыцари церкви, у нас должны быть рамки, уставы и правила.

Альбрехт отдавал приказы разведчикам, а я поинтересовался:

— Орлы, почему не на конях?..

Один сказал озадаченно:

— Вообще-то как-то не...

— Кони не суеверные, — напомнил я. — Им лишь бы волчьей шерстью не пахло. Кроме того, на Юге нам понадобится своя конница.

Он вздрогнул, ответил бледным голосом:

— Да, сэр Ричард!.. Все как скажете.

Глава 6

Громада Маркуса грозно возвышается между городами-близнецами, Штайнфуртом и Воссу, я тогда нарочно расположил между ними маяк, чтобы филигоны клюнули на приманку в виде перенаселенных муравейников.

Сейчас же купол Маркуса виден на сотни миль вокруг, а все спрятавшиеся в лесах жители со страхом ждут, когда же эта Багровая Звезда Смерти уберется, так что разведчики быстро обшарили ближайшие дома, привезли несколько столов из ценных пород дерева и самые дорогие кресла, которые отыскали.

Более того, по приказу Норберта перехватывали возвращающихся с добычей доблестных героев и сообщали им, что спать придется на полу, если не позабятся о себе сами.

Так что вскоре к Маркусу потянулись обозы с кроватями, столами, лавками и креслами, а самые предус-

мотрительные пригнали стадо коров и привезли для них несколько стогов сена.

— Пусть, — успокоил я Альбрехта. — Коровы — это хорошо. Кто занят привычным делом, тому некогда бояться. Крупнорогатый кормить надо, доить, а то вымя лопнет... В общем, это хорошо, что нашли себе занятие.

— Но охрану надо усилить, — сказал он.

— А сэр Норберт?

— Его парни бдят, — согласился он. — Но знатные рыцари полагают, что простолюдины останавливать не имеют права.

— У нас нет простолюдинов, — напомнил я. — Все вступившие в битву с филигонами принты в благородное сословие, помните?

Он поинтересовался с иронией:

— А те, кто с вами на Юг?

— Эти вообще, — сказал я в некотором затруднении. — Даже и не знаю. Очень благородные!.. Жаль, нет такого термина. Или есть?

— Нет, сэр Ричард.

— Надо ввести, — решил я. — Если есть города-герои, как вот теперь Штайнфурт и Воссу, хотя они об этом пока не знают, да я и сам только сейчас узнал, так что должны быть и люди-герои... О массовом героизме слыхали?

— Не приходилось.

— Да ладно, вы были в самой середине бурлящего котла!.. И панцирь у вас... Кстати, насчет доспехов надо подумать...

Он сказал нервно:

— Сэр Ричард, вот не нравится мне, когда у вас такое выражение! Какую пакость задумали?

— В ближайшие сутки битв не предвидится, — ответил я. — Сэр Альбрехт, снимайте панцирь. Снимайте, снимайте!.. Вам без него бегать за бабами легче, а я раньше вас увижу оружейников. Отплачу вам добром за ваши инсинуации в мой адрес.

Он сказал досадливо:

— Потом, сэр Ричард. Не теряйте хватку, сюда идут все военачальники. Правда, вы снова показали власть над этой Звездой Зла...

— Это начало, — сообщил я скромно.

Единственное пока помещение в самом деле приняло божеский, как здесь говорят, вид, то есть пол и стены уже ровная горизонталь и вертикаль, пещера превратилась в квадратную комнату, если не считать потолка, оттуда все еще свисают неопрятные гроздья и торчат шипы, но лестницы у меня пока что нет.

Через искривленный туннель, его облагораживать времени не хватило, вошел сэр Гастон Келляве, серьезный и сосредоточенный, затем Норберт, Раster, Кенговейн, Горналь, Палант, вместе появились Сигизмунд и Тамплиер, в последнее время всегда плечо в плечо, позже всех вошел стесняющийся Макс, все такой же юный и никак не взрослеющий с виду, хотя умело командует всеми пешими войсками моей империи.

Кресел на всех не хватило, пятеро уместились на длинной широкой лавке, все смотрят внимательно и ожидающе.

— Мы готовимся к вторжению на Юг, — напомнил я. — Что нас ждет?.. У нас, с одной стороны, очень выгодная позиция, мы для них спасители от неминуемой гибели!.. Второе, хоть и понимают, что император Герман обязан был уйти в пещеры и захватить с собой элиту, чтобы с нею потом начать возрождение мира, но все же...

Альбрехт уточнил:

— Все же все мы люди. Обида останется.

— Я бы назвал это не обидой, — буркнул Норберт, — а чем-то покрепче.

Я постучал кончиками пальцев по столу, привлекая внимание.

— Потому нас должны бы встретить как спасителей. Однако...

Все молчали, еще не поняли, куда клоню, только Альбрехт проронил мрачно:

— Однако могут сказать спасибо, возьмите вон там на полке пирожок и убирайтесь обратно за океан.

Сэр Раster вскипел, голос его прогрохотал, заполня огромный зал до самых дальних уголков:

— Недопустимо! Какой пирожок? Мы спасли!

— Сказать могут, — проговорил я медленно, — потому что мы для них варвары... Да-да, если кто не знает, я на Юге бывал, у меня там даже свой маркизат... Они намного богаче и образованнее нас... Тихо-тихо! Я не говорю, что лучше нас. Напротив, мы лучше тем, что чище, честнее и нравственнее. Но это доказать непросто...

Сэр Раster со звоном и грохотом хлопнул по левому боку, где у него ножны исполинского меча размерами чуть ли не с дерево.

— Непросто?

— Хороший довод, — согласился я. — Но на Юге, если кто не знает, народу даже не в десять раз больше, чем в северных королевствах, а где-то раз в сто. Если не в тысячу. Воевать непросто... Да и не нужна нам никакая война.

Сэр Гастон спросил в ревнивом недоумении:

— Почему народу больше?

— Заранее знали, — пояснил я, — когда возгорится в небе Багровая Звезда. Копали глубокие пещеры, завозили запасы зерна и муки... Вода в подземных ручьях, так что как бы сверху не перекрыло выходы, могли долго пробиваться наверх, а когда выходили сразу семьеи, то лет через сто создавали королевство! И вообще заселяли землю быстро. Потому мы должны быть на Юге, как сказал Христос, кроткими, как голуби, и мудрыми, как змии. То есть добрыми и снисходительными, но кто из местных вякнет что-то обидное... вон сэр Раster уже ухватился за рукоять меча!

В проеме появился Митчелл, отступил в сторону, в комнату вошли один за другим люди Норберта, в руках огромные подносы с запеченными гусями, олениной, жареной лесной птицей, а следом вкатили бочонок с вином.

Митчелл объявил:

— Сэр Раster сообщил, у вас совещание. Надеюсь, я успел?

Я сказал с досадой:

— Да, любое совещание теперь заканчивается всегда в стиле сэра Растера. Все равно за чавканьем никто не услышит мои мудрые речи. На стол, все на стол!

Митчелл самолично подкатил бочонок поближе, умело выбил пробку, к нему тут же потянулись руки с кубками.

Оголодавшие после битвы, а потом еще за ночь мужчины насыщались торопливо, я впервые за долгое время перевел дух, но сразу же вспомнил, что обшарить удалось только условно первый этаж, насчет перестраивания своих внутренностей Маркус не откликается. То ли не понимает, то ли у меня нет на это полномочий, дескать, простой юзер, а в биос может заглядывать только админ.

Мне наполнили кубок, но едва приложил край к губам, как в проеме появился растрепанный разведчик из команды Норберта.

— Сэр Ричард, — прокричал он, минуя в нарушение всех правил обращение к своему лорду, — сэр Ричард!.. Там такое... такое...

Все затихли, сразу посуворели, мы в опаснейшем месте, знают, я спросил быстро:

— Что там?

— Вам нужно увидеть, — крикнул он. — Это... это в соседней пещере!.. Рядом, сэр Ричард!

Я поднялся, и со мной встали все. По дороге к соседней пещере к нашей группе неуловимо быстро присоединились Боудеррия и барон Волсингейн, теперь уже барон, а дорогу взялся указывать Чекард, ближайший помощник Норберта.

Они протиснулись через узкую щель, а когда я прошвырнулся следом, в пещере полыхал адский огонь, в лицо пахнуло сухим жаром, зал от края и до края заполнило кипящим металлом.

Горит сам воздух, раскаленные клубы плазменного газа создают над кипящей поверхностью причудливые фигуры. Из красного ада медленно поднимаются блестящие спины, словно подводные лодки, некие образования, переворачиваются кверху брюхом и снова погружаются в огненные бездны.

— Сэр Ричард?

Я стряхнул оцепенение, обернулся, у всех лица бледные и вытянувшиеся, в глазах ужас.

— И что?.. — спросил я в нетерпении. — Подумашь... Вы коней кормите?.. Ну вот, Маркус тоже питается. Но безотходно, что весьма лепно. Представляете, какую бы кучу навалил?.. А так все в топку, все в топку. Заодно и греется... Ладно, посмотрели и хватит! У нас

столько работы, столько работы, а вам бы только хлебалами пощелкать на интересности...

Все еще бледные, но все же чуточку успокоенные, все-таки император говорит, а он дело знает, даже если и не знает. В армии уверенный тон и командный голос важнее смысла.

Когда прописнулись обратно, я велел одному на вид достаточно смысленому:

— Встань здесь и никого туда не пускай. У нас дураков много. Кто-то, бахвалясь отвагой, подойдет слишком близко.

Он ответил быстро:

— Да я такого сам прибью!

Когда возвращались к моей комнате, что моими усилиями похожа на комнату, я спросил Альбрехта тихонько:

— Так и было?.. Или недавно?

Он подумал, ответил с нерешительностью в голосе:

— Вообще-то это близко к этой пещере... Должны бы заметить раньше. Страшно подумать, а вы, признаетесь, подумали, что такое может появиться в любом месте?

— Вот-вот, — сказал я. — Ладно, допивайте вино, сколько его там в бочонке, затем встречайте и размещайте прибывающих.

Он сказал строго, словно старший младшему:

— Сэр Ричард... даже и не думайте.

— Да ладно, — ответил я вяло, — я должен хоть чуточку разобраться, что это за штука. А то вдруг передумает и нас сожрет.

Он поспешил сплюнуть через левое плечо, отступил и, вместо того чтобы вернуться со всеми в комнату и продолжить пир, пошел через кривой туннель в сторону трапа.

Вообще-то, мелькнула мысль, в Маркус можно загружаться, видимо, с любой стороны. Вряд ли это я так удачно тогда встал. Или Маркус, поднимаясь из котлована, уже понимал, что придется подавать мне трап.

Если так, то лучше вход сделать подальше от этого кипящего бассейна с расплавленным металлом. Если, конечно, получится.

Альбрехт дважды лично выезжал встречать возвращающиеся с богатой добычей отряды. Я морщился, но помалкивал. В конце концов уцелевшие горожане вернутся в неразрушенные дома живыми и невредимыми, это самое главное. А что спасители унесли за время их отсутствия продукты и кое-какие ценные безделушки, что ж, плата за спасение от гибели не такая уж и чрезмерная.

Впрочем, это же будет оправданием для наших, когда прибудем на Юг, так что надо как-то ограничить уже здесь, чтоб не наглели, не зарывались. Спасли — спасли, но всю жизнь в жопу их целовать за это как-то слишком. Раз-два поцеловали — и хватит.

Глава 7

В конце дня Альбрехт вошел ко мне вместе с Норбертом, не просто довольный, а сияющий.

— Сэр Ричард, — сказал он, и я уловил в обычно бесстрастном голосе нотку глубокого уважения, — удивительно!

— Что?

— Вернулись все, — объяснил он, — кто участвовал в битве. Или, как вы всегда говорите, в спасении мира и какой-то там цивилизации!

— Да ладно, — ответил я вяло, — не всегда же я так говорю.

— Правда?

Я пояснил:

— Это за меня иногда говорит вдолбленное в детстве. Я же умные книги читал!.. Где они?

— Пока в лесу. Им объясняют, что придется войти в эту ужасающую всех Багровую Звезду Смерти, что хоть еще и Багровая, но уже не смерть, а если и смерть, то для других...

Норберт прервал:

— Мои люди говорят, своими жизнями обязаны вам. Потому пойдут за вами хоть в эту звезду, хоть в ад!

— Ад мы уже разнесли, — напомнил я, — но я рад их решению, пусть и не совсем умному. Все-таки добыча ожидается такая, какую и представить не могли. Как кони приняли Маркус?

Альбрехт ответил сдержанно:

— У них больше отваги, чем у хозяев. Сперва волновались, но когда им насыпали отборного овса, успокоились.

— Но хозяев еще трясет, — уточнил Митчелл.

Я вздохнул.

— Кони видят только то, что видят, а мы еще и додумываем всякие всякости, не к ночи будь сказано.

— Стать бы конем на то время, — сказал Альбрехт, морщась, — пока будем добираться до Юга... Одно дело сражаться на родной земле, это привычное, а сейчас всякий, как только подумает, что эта штука поднимется... да что там поднимется!.. всех поднимет!.. А мы не птицы... обязательно грохнемся. Да еще с такой высотици... даже подумать боюсь. А пол в пещере, через которую заводили коней, настолько стеклянный, что

будто и нет вовсе. У меня до сих пор в животе вот такая льдина...

Я махнул рукой.

— Не обращайте внимания. На самом деле у Маркуса пол достаточно твердый. Очень даже.

— Сэр Ричард?

— Намного тверже, — пояснил я, — чем горный хрусталь. Хотя такой же прозрачный.

Он пробормотал:

— Да уж... как-то совсем прозрачный. Я бы не против, чтобы его хотя бы птички закакали.

— Недавно прошли дожди, — пояснил я. — Все вымыто, блестит! Правда, сверху.

— Да, — сказал он упавшим голосом, — аж глаза режет. Когда выступаем?

— Проведем брифинг, — сказал я, — обрисуем задачи, чтобы каждый заранее знал, что нам делать, и... в путь! Каждый рыцарь, как говорил один древний полководец, должен знать свой маневр.

Альбрехт подчеркнуто радостно потер ладони одной о другую.

— Доблестный сэр Раster сказал бы, что по этому поводу нужен пир!

Я буркнул:

— Сэра Раstera начинаете цитировать чаще, чем Библию?

— Тогда хотя бы выпить, — сказал Норберт. — Это тоже сказал бы образец для молодых рыцарей, сэр Раster. Фуражиры принесли и вино, а как жить, когда оно есть, но не выпито?

— В самом деле, — поддержал Альбрехт, — вино как-то отвлекает. Нужно его целиком, чтобы не мешало думать и мыслить.

— Целиком не получится, — предостерег Норберт. — Взяли с запасом на пару недель.

Я вскинул обе руки кверху.

— Хорошо-хорошо, сдаюсь. Вам в самом деле нужно сбросить с плеч... пережитое. Но слишком расслабляться не дам, впереди новые битвы, хоть и не битвы. В общем, тащите вино и еду, а потом сразу из-за стола в бой!

Альбрехт помахал рукой промелькнувшему вдали Паланту.

— Эй, мальчик!.. Бегом сюда!.. Распорядись насчет вина в духе сэра Растира. А еще предупреди новеньких, чтобы не любопытствовали по... помещениям.

Палант взглянул с обидой, но послушно умчался, Альбрехт повернулся ко мне, я увидел в его глазах невысказанный вопрос, отошел с ним и Норбертом в сторону, там Альбрехт спросил шепотом:

— А почему отца Дитриха нет на Маркусе?

Норберт тоже взглянул с вопросом в глазах, но смолчал, я ответил уклончиво:

— У него дела поважнее здесь. Да и у всего его конclave.

— В самом деле? — спросил Альбрехт.

Норберт снова промолчал, я сказал, уже почти сердясь:

— Граф, священникам вообще нельзя на Юг! Нам еще религиозной войны недостает!

— А возникла бы?

Я сказал с тоской:

— Еще не знают, что коммунизм, в смысле Царство Божье, за пятилетку не построить, а я вот знаю. Да, было мне такое видение! Да какую пятилетку, романтические священники захотят все сделать за неделю с помощью своего церковного ЧК!..

Норберт уточнил бесстрастно:

— Инквизиции?

— Ну да, — подтвердил я, — а представляете, весь южный материк в кострах? Потому даже насчет Сигизмунда и Тамплиера, хоть и скованных воинской дисциплиной, беспокоюсь...

Он сказал с ехидцей:

— Неужто Господь Бог в самом деле выше вас?
И как вы это терпите?

Он смотрел, не перекрещусь ли при упоминании имени Господа, это же обязательно, но я не среагировал, зачем мне эти показушные жесты, их еще великий пророк Иисус Христос высмеивал.

— Все мы ему служим, — ответил я сдержанно, — каждый в меру своих сил. Сигизмунд и Тамплиер очень уж ревностны... Первый ввиду детскости, второй... гм... ввиду чистоты души и разума.

Он сказал то ли с иронией, то ли с завистью:

— Смотрю на эти две чистые души и понимаю, какая я сволочь! Но потом смотрю на вас и вижу: без доли сволочизма наш мир не выживет.

— Вот-вот, — сказал я, пропуская мимо ушей свинотство. — А раз видим реалии, то сумеем построить Царство Божье на земле. А с одними праведниками остались бы среди пожарищ и трупов!

Народ все прибывает, самых пугливых убедили, что в Багровой Звезде Зла уже празднуют и орут песни, все живы, сыты и пьяны. Пьянствовать я в самом деле не препятствовал, им не так страшно, хотя пьяные плохо слушаются приказов и то и дело лезут в туннели посмотреть, правда ли, что там несметные сокровища и сундуки с золотыми монетами.

Норберт, исхудавший за последние два дня после битвы с филигонами, подошел с суровым лицом, покосился по сторонам.

— Сэр Ричард... Уже шестеро погибли. Одного стена проглотила, но выплюнула остатки доспехов, двое утонули без следа, хотя пол был твердым и остальные прошли свободно... Еще один попробовал пролезть на этаж выше, а там его схарчило...

— Шестеро? — спросил я. — Альбрехт вроде бы упоминал про два десятка.

Он отмахнулся.

— Те сами полезли за сокровищами, дурость выказывая, а это мои, которым я велел поискать рядом места для ночевки. Я и виноват, получается.

— Граф, — сказал я. — Здесь опаснее, чем в незнакомом лесу!.. Вы в Зачарованные Места не суетесь? А Маркус весь зачарованное и опасное место!

Он сказал с твердостью:

— Сэр Ричард, в общем зале не помещаемся. Народ все прибывает!.. Уже на головах друг у друга сидят.

— Это недолго, — пообещал я, — сегодня же отправимся... Ладно-ладно, понял. Проверьте ближайшую к этой пещеру, но дальше ни-ни!.. Потерпите. Нам бы только добраться до южного материка.

— А сколько туда?

— Думаю, — ответил я, — за сутки сумеем. Как только последний поднимется в Маркус, сразу же отываем!

Он пробормотал:

— Значит, будет еще страшнее. А что здесь за чудища?

— Надеюсь, — ответил я, — не сам Маркус, а всякое зверье, что приспособилось здесь жить и... чем-то питаться. Постепенно очистим.

Он посмотрел по сторонам.

— А где ваше клыкастое чудовище?

— Снова удрал, — ответил я с неудовольствием. — Послушно ходит рядом, пока на него смотришь, но стоит отвернуться...

— Щенок еще, — сказал он.

— Да сколько можно?

— Некоторые до конца жизни щенки, — ответил он. — Я даже людей таких знаю. Правда, стареют, но ума все равно, как у щенков... Найдется ваш Бобик!

— Место опасное, — сказал я.

Впереди послышались крики, звон металла. Кто-то заорал истощным голосом: «К оружию!»

Я ринулся в ту сторону, Норберт отстал, на ходу выдергивая меч, следом прогремели подкованные сапоги моих телохранителей.

Воины с обнаженным оружием в руках образовали широкий круг, передо мной расступились. В центре Бобик с рычанием треплет нечто ужасное, вдвое крупнее его самого, но целиком покрытое костяными пластинами, с огромной головой на толстой шее и оскаленной пастью.

Зверь еще дергается, но чудовищные челюсти Адского Пса сжали ему горло с такой силой, что клыки, проломив защиту панциря, полностью утонули там, разрывая артерии, нервные узлы и ломая косточки.

Я с облегчением понял, что рык Бобика звучит победно, а добыча хрюпит в агонии и судорожно скребет пол когтистыми лапами.

На меня оглянулись, один сказал отчаянным голосом:

— Эта тварь троих моментально в клочья!.. Еще двое ранены, но ваша собачка успела... какой у них бой был, какой бой!..

Что троих, мелькнула мысль, да хоть десять, только бы мою собаку не укусили, вдруг эта гадина ядовитая.

— Раненых к лекарю, — велел я. — По всяkim пещерам зря не шастать!.. Мало ли у каких тварей там гнезда!

Разведчик сказал, защищаясь:

— А проходы?

— Проходы обезопасить, — ответил я нехотя. — Но в пещеры не лезть! Нам пока важнее установить коммуникации, а противнику их перерезать.

— А что за противник? — спросил он.

— Что-то филигонье, — ответил я. — Какая-нибудь любимая кошечка, оставшаяся без хозяина. Хомячок или белая мышка, кто их знает?

Бобик, оставив подыхающую тварь, подбежал, сильно хромая, ко мне, крупно вздрагивает, нервно суетится, заглядывая в глаза, будто просит прощения.

Я с болью рассмотрел бока в кровавых ранах, левое ухо прокущено насквозь, из щеки выдран клок мяса. Сердце сильно сжалось, я крепко-крепко обнял горячее тугое тело, придавил к себе, будто стараюсь спрятать.

— Держись, лапушка... Ты же можешь хорошо заживляться... еще и от меня прими...

На пару мгновений ощутил холод в теле, но раны на боках Адского Пса на глазах начали затягиваться, а дыра в ухе сузилась и перестала просвечивать.

— Я тебя люблю...

Он ловко увернулся, не дав поцеловать себя в нос, вырвался и пошел вокруг нас веселыми прыжками.

Я с трудом заставил скованную судорогой грудь раздвинуться для хорошего вздоха. Был страх, что незнакомый зверь ядовит, а я с местными ядами бороться не

обучен, только и того, что могу определить, если в еду или питье чего-то подмешали.

— Никаких путешествий по Маркусу! — приказал я. — А того, кто распространяет слухи, что здесь несметные богатства и горы золотых монет, прикажу повесить всем в назидание и в качестве наглядной агитации за дисциплину и порядок.

Один сказал виновато:

— Мы только из-за тесноты...

Я сказал резко:

— Как только последний взойдет на борт... в смысле, окажется с нами в чреве Маркуса, сразу же выступаем.

— Ваше величество?

— Я позабочусь, — пообещал я. — У меня же всегда получалось, пусть и не то, что хотел, забыли? Так что потерпите, вы на марше!.. Хоть и лежа.

Они молча смотрели нам с Норбертом вслед, кто-то в толпе начал возбужденно рассказывать, как зачищали проход, а оно ка-а-ак выпрыгнет, даже не увидели откуда...

Глава 8

Норберт скрупульно докладывал на ходу, сколько захвачено провизии, сколько на борту коней и корма, я кивал, а в голове стучала неотвязная мысль, что хотя интерфейс «мозг—Маркус» установлен четко, крепко, но связи только налаживаются, он старается понять мои желания, а я то мыслящий тростник, то петух без перьев и с плоскими ногтями, никак не могу отделить питекантропы, а то и вовсе кистеперья чувства от чистого разума Гегеля.

Маркус работает как настраиваемый механизм, иногда вообще кажется живым существом, хотя и подзаряжается, как догадываюсь, прямо из пространства.

Каким-то образом он понял, что мне жалеется, и, едва поворачиваюсь к стене, тут же делает ту часть прозрачной. Обычно мне это абсолютно не надо, но даже неустрешимый сэр Раster крестится и поспешно отступает, словно оказывается на краю бездны, но я все равно рад, потому что одно дело установить интерфейс, другое — научиться с ним работать.

Еще он уловил мое облегчение и радость, когда фуражиры притащили стол и кресла, потом пол долго вздрагивал, наконец из него выдвинулось еще с дюжину точно таких же, вплоть до царапин на обивке.

Альбрехт увидел в этом колдовство, но Маркус, как я понимаю, то ли частично, то ли весь из наноассемблеров, способных принимать любую форму, в том числе и оружие, уничтожающее не только любую материю, но и само пространство. Или не из наноассемблеров, просто это самое-самое, что я знаю. Но после наноассемблеров может быть что-то и покруче, есть еще пико- и всякие там фемто- и аттоассемблеры.

Даже самые доблестные и отважные рыцари, несмотря на оглушительную победу, в Маркус вошли бледные и с вымученными улыбками. Разве что сэр Раster и Митчелл, не отягощенные излишней интеллигентностью, чувствовали себя, как в захваченном замке не то дракона, не то исполинских огров и у всех деловито спрашивали, сколько бочонков вина с собой взяли.

Я ощутил чье-то присутствие рядом, но никого не увидел, хотя любого незримника засекаю со ста шагов, сказал шепотом:

— Карл-Антон?

Из пустоты рядом ответил совсем тихий голос:

— А вы становитесь все сильнее, мой молодой друг и повелитель.

— Спасибо, — ответил я. — Как вы... теперь?

— Уже присмотрел комнату, — ответил он. — В Маркусе. Предупредите всех, пусть в верхние пещеры не поднимаются, там никто не уцелеет...

— Скажу, — ответил я. — А вы...

— Отправлюсь с вами на Юг, — ответил он. — Глаза мозолить не буду, все-таки крестоносцы, истребители магов... А Юг — моя мечта, сэр Ричард. Все маги Севера мечтают попасть на Юг и насладиться хотя бы со зверцанием их чудес.

Я сказал с неловкостью:

— Мне страшно стыдно, что не могу ничего сделать для вас, внесшего такой весомый вклад в победу!

Он сказал успокаивающее:

— Все со временем наладится. Люди свыкнутся. Все будет хорошо...

Голос его затих, я понял, маг отошел в сторону, мне бы так бесшумно двигаться.

Альбрехт и Норберт наблюдали за погрузкой лично, вместе и явились ко мне, серьезные и строгие.

— Ваше величество, — сказал Норберт, и Альбрехт кивнул, подтверждая, что да, в данном случае ваше величество, а не сэр Ричард. — Ваше величество... если вы еще не передумали...

— Все погрузились? — перебил я.

— Последних коней только что провели в это... это вот. Ту пещеру, которую вы изволили определить под конюшни. Ни один из коней вроде бы еще не рухнулся. Но овса им пришлось насыпать в торбы по полной.

Сердце тревожно стукнуло, я поднялся из-за стола и сказал с чувством:

— А момент особый ощутили?.. Исторический... хотя они у нас все исторические... Маркус, закрыть все входы-выходы! Полная герметизация от внешних... вообще от всего.

Альбрехт и Норберт заметно побледнели, я сам чувствую, что в их глазах я чуть ли не сам дьявол, кому начинает подчиняться эта вот Звезда Зла и Разрушения.

— Во имя Господа, — сказал я величественно и важно, — велю тебе подняться над поверхностью планеты... выше слоя облаков... как кучевых, так и перистых...

Задержал дыхание и сжал челюсти в ожидании приступа боли, Альбрехт посмотрел на меня с беспокойством, я сам чувствовал, как раскаленное шило вонзилось в мозг, тут же рука Альбрехта подхватила меня под локоть.

— Сэр Ричард, вы переутомились...

— Еще как, — прошептал я, боль медленно отступала, я договорил: — но сперва доведем дело до конца... и отоспимся...

Пол чуть дрогнул, или это почудилось, больше ничего не произошло, однако в прозрачную часть стены ярко и страшно заглянула чернота с редкими точками звезд.

— Ого, — сказал я, — видите, что значит Имя Господа?..

Норберт первым заметил, куда я вперил взгляд, развернулся в ту сторону и крупно вздрогнул.

— Это что же... ночь?..

— Посмотрите вниз, — посоветовал я. — Маркус, сделай во имя Девы Марии часть стены вот тут... ага, точно, прозрачной... Иллюминатор, то есть окно, прочное, но прозрачное...

Норберт, а за ним и бледный как смерть Альбрехт долго смотрели на далекую зелень внизу, изредка прорезаемую тонкими ниточками рек. Время от времени всю страшную красоту закрывают наползающие облака, но ветер сгоняет их дальше, и снова зелень, похожая на бескрайнее болото.

— Вот так видят землю, — объяснил я, — самые мощнокрылые драконы.

— И орлы? — спросил Альбрехт нетвердым голосом.

— Увы, — ответил я, — орлам сюда не подняться. Вообще-то и драконы не должны, но если магия, то умолкаю.

Норберт прислушался, спросил быстро:

— В большом зале тоже видят этот ужас?

— Ни в коем случае, — заверил я. — Стены непроницаемы. А еще экранируют, как я понял, гравитацию. Иначе бы нас размазало по полу... Как-нибудь потом, сейчас не спрашивайте! В общем, при таких скоростях... Впрочем, а чего я ожидал?.. Не страшитесь, смотрите вниз, дам по листку бумаги, будете картографить...

Альбрехт молча смотрел, как я, сосредоточившись, вынимал из воздуха белые шуршащие листки. Я сам чувствовал, что мне легче создавать кофе, хотя он куда сложнее по составу, чем бумага, однако при высоком уровне технологии уже не видно потребителю, прост или сложен тот или иной продукт, которым пользуется.

— Вот, — сказал я. — Смотрите и рисуйте. Армией в трюмах займутся младшие командиры, а вы — орлы, стратеги! Должны смотреть сверху, как вот сейчас.

Альбрехт проговорил бледно:

— Внизу пока только зелень, будто смотрю на лицо сэра Норберта.

— На себя взгляните, сэр, — отрезал Норберт.

— Это точка отсчета, — предупредил я. — Маркус, дай ускорение в сторону южного материка... Это вон туды...

Я закрыл глаза, сосредотачиваясь на представлении вида планеты сверху. В виски больно кольнуло.

— Ну ты чего, — бормотнул я, — я же свой...

Норберт спросил с тревогой:

— Брыкается?

— Привыкаем, — ответил я. — Как обычно... Он должен привыкнуть к моему голосу, моим требованиям, а я... как к любому норовистому коню, чтобы потом как-то сжились.

Альбрехт сказал со вздохом:

— Боюсь и представить, что будет, когда сживетесь.

Зеленое море исчезло, далеко внизу заскользило нечто голубоватое с серым, я не сразу сообразил, что это уже океан, сказал торопливо:

— Остановись!..

Движение внизу моментально замерло, я запоздало подумал, какое же это счастье, когда у Маркуса есть «защита от дурака». Вздумай выполнить мою команду в таком виде, в каком услышал, меня и всех расплющило бы о стену при такой резкой остановке.

Или же в нем некая сложная защита, благодаря чему абсолютно не ощущается инерция. Может ускориться с места, может остановиться на полной скорости, все это дико даже для меня, однако вопросы высоких скоростей приходится развитым цивилизациям решать в числе первых, иначе межзвездные перемещения вообще под вопросом.

Потому да, эту обыденность надо поскорее научиться принимать как должное и само собой разумеющееся.

Альбрехт чуть наклонился вперед, всматриваясь в широкий иллюминатор.

— Сэр Ричард?

Я сказал с досадой:

— Да-да, мы уже перемахнули океан!.. Это берег южного материка!.. Как жаль...

Норберт спросил быстро:

— Что случилось?

— Нанести бы на карту острова, — пояснил я. — Их должно быть сотни, если не тысячи между нашими континентами... Там расположим военные базы, военно-транспортные, военно-промышленные, а также военно-ремонтные...

Норберт спросил в недоумении:

— А почему так много?

— У нашего величества размах, — ответил Альбрехт язвительно. — Оно и само не понимает зачем, но у него интуиция, как у загребущего хомяка.

— Интуиция, — уточнил Норберт, — это вроде видений? Странно, что ангелы вас все еще посещают.

— Ладно-ладно, — ответил я сварливо, — рисуйте хотя бы береговую линию.

Они переглянулись, Альберт пробормотал:

— Вы хоть бы для вида удивились, ваше величество. Или в вашем родном королевстве такие перемещения, как два пальца о дерево?

— Рисуйте, — напомнил я, — пока облака не скрыли. Мир ревниво прячет от нас свои тайны!

— Вырвем вместе с челюстью, — ответил Альбрехт и добавил: — Как говорит наш сэр Ричард, знаете такого?

— Он много чего говорит, — сказал я. — Вы это... сортируйте, сортируйте сказанное!

Альбрехт проговорил со странным выражением:

— Если это уже берег южного материка... то что за океан мы перемахнули?.. Или он меньше лужи?

— Поплаваете, — ответил я, — узнаете. У нас будет флот, на островах разместим, как уже сказал, опорно-заправочные предприятия. Океан будет нашим!.. Сэр Ричард, правь морями!

Норберт напомнил:

— Но пока он во власти чудовищ.

— Очистим, — пообещал я. — Нет чудовищ чудо-вищнее человека!.. Но океан потом-потом. А сейчас под нами материк, на котором империя Генриха Третьего...

Альберт произнес еще в большем замешательстве:

— Сэр Ричард?

— Ладно-ладно, — сказал я, — может быть, это и не его империя. Тут их восемь, а еще уйма независимых королевств, герцогств, даже графств, не считая земель с неопределенным статусом.

— Ох...

— Мелочь нас не интересует, — сообщил я вели-кодушно. — Меня император Герман Третий вызвал весьма так... настойчиво. Если не явлюсь, придет сам и выпорет. Или пришлет слуг.

Норберт вытянул шею, всматриваясь в белую от пены прибоя линию берега.

— А как... сядем? — спросил он с тревогой.

— Надеюсь, мягко, — ответил я. — Во всяком случае я так изволю велеть и строго хмурить брови.

— А что... Маркус вас боится?

— Слушается, — ответил я уклончиво. — В общем.

— Молодой, видать, — сказал он с облегчением. — Пока молодой, можно приучить выполнять команды.

— Уже выполняет, — заверил я. — Как демон какой.

В самом деле, мелькнула мысль, а вдруг демоны и есть компьютерные системы высшего уровня, в кото-

рые заложены команды беспрекословного подчинения? За тысячи лет войн и катастроф управление потеряно, системы живут сами по себе, а маги старательно отыскивают путем слепого перебора возможности управления. Бред, конечно, но человек все старается объяснить.

Альбрехт наклонился, всматриваясь в проплывающую далеко внизу изрезанную линию берега.

— Жаль, высоковато... Вон там вроде бы город...

— Маркус, — велел я и достаточно ярко представил, что мы снижаемся на уровень, чтобы можно было рассмотреть отдельные дома. Авиарейсами пару раз пользовался, так что помню, как выглядит вид с высоты. — Маркус, слушай внимательно... Снижаемся до высоты в десять миль... нет, лучше в пять...

Альбрехт застыл, всматриваясь, Норберт через мгновение с шумом выдохнул:

— Фу-у-у... в самом деле получилось! Сэр Альбрехт, скорее рисуйте.

— Сами рисуйте. У меня руки трясутся.

— У вас рука гибче, — сказал Норберт. — Как же здорово, что сэр Ричард сумел приручить такого жеребца!.. Это же победа, полная победа. Целую армию можно куда угодно...

— Рисуйте, — сказал я величественно и со скучающим от счастья сердцем вернулся в свою комнатку.

Там у меня стол, притащенный из Штайнфурта, и полдюжины кресел, настолько разномастных, словно их собирали по одному из каждого богатого дома.

Маркус, как мне показалось еще при первом знакомстве, нечто вроде Оружия Судного Дня. Проигравший войну противник запускает этот комплекс, который можно назвать «Мертвая Рука», это когда после гибели всех защитников включается автоматическая система ответного уничтожения.

При таких условиях война обычно не начинается, но, возможно, когда-то в древности ошибочно решили, что «Мертвая Рука» блеф? Или от нее якобы нашли защиту?

Во всяком случае Маркус прибыл с дальней базы и уничтожил все на континенте врага, а затем то же самое сделал с континентом, где раньше располагались его конструкторы. Это на случай, если часть победителей уже перебралась на эту сторону планеты.

То же самое сделал и с островами в океане. После выполнения программы, когда победителей не осталось, лег на обратный курс. Но так как в программе заложено, что подземные заводы, прокопавшиеся чуть ли не к ядру планеты, продолжат работу, то нужно периодически возвращаться и снова все уничтожать.

А филигоны просто воспользовались транспортным средством. Как крысы на корабле.

— Маркус, — сказал я громко и четко, — давай повторим сказанное. Я человек, наследник тех, кто тебя создал. Ты многое перестроил в себе, выполняя указания этих... существ, что стали твоими хозяевами, но сейчас приказываю вернуть все в прежний вид... Хотя нет, каким он был, не знаю, просто расшарь и расширь канал «мозг—компьютер», ты увидишь, какими я представляю себе помещения, склады, ангары и кабинеты. Это не просто мое указание, это правильное указание!

Глава 9

За спиной раздался мягкий интеллигентный голос:

— Поздравляю вас, сэр Ричард.

Я медленно повернулся, уже понимая, кто заговорил со мной, успел надеть на лицо соответствующее

моменту выражение дежурной приветливости и вежливого безразличия.

— А-а, сэр Сатана... Я думал, нейтридные стены Маркуса для вас в какой-то мере преграда... Хотя темная материя вроде бы всюду?

Мы встретились взглядами, на этот раз он в облике нарядного и очень пышно одетого красавца с холеным лицом и коротко подстриженными короткими уси-ками с щегольски загнутыми кверху уголками.

Продолжая учтиво улыбаться, он сорвал с головы широкую шляпу из бархата, виссона, глазета и еще каких-то непонятных материалов — для мужчины это все непонятные, — украшенную синей, голубой и красной лентами, с перьями и живыми цветами за тулей.

Широкую грудь плотно обтягивает ярко-зеленый усыпанный блестками приталенный жилет с пышным воротником из бархата, с золотыми пуговицами. Отточченные блестящими камешками швы, расшитая золотыми нитями перевязь, что-то вроде коротеньких штанишек, опускающихся на палец ниже колена, а дальше блестящие белые чулки, что уходят в мягкие расшитые бисером туфли.

Я удержал на лице бесстрастное выражение, чего ахать, на Юге так одевается весь высший свет, сам видел в Гессене, а он, помахав шляпой в знак особого внимания, произнес учтиво:

— Если принять вашу терминологию насчет темной материи... то, гм... вы правы, это в самом деле наиболее близкая аналогия... Хотя во мне больше темной энергии, чем темной материи... но опять же, это очень приближенно, для доступности. На самом деле все сложнее и глубже...

Я отмахнулся.

— Пустяки. Присаживайтесь, сэр Сатана. Ах да, тут пока сидеть не на чем... Ну хотя бы вон в те кресла... Кофе?

Он светски улыбнулся.

— Сидеть уже есть на чем, а я, как и вы, могу на чем угодно, не только на троне. У ваших людей, как говорят, золотые руки. Деревьев много, для вас соорудили стол и пару лавок. Еще из покинутых городов нанесли. А эта вещь, которой вы стараетесь командовать, умеет копировать.

Я сказал небрежно:

— Да-да, у меня дома тоже был такой же принтер. Поменьше, правда... Прошу к столу. Ничего, что вы в таком костюме и на простую лавку? Или простое кресло?

— Зато у вас поистине королевский кофе, — напомнил он. — Простите, уже императорский.

Он в самом деле сел, изящно закинув обеими руками фалды, на лице приятная улыбка.

— Спасибо, — сказал я скромно.

— Вообще-то, сэр Ричард, — произнес он дружески, — вот уж, честно говоря, не ожидал... А меня удивить непросто.

Я создал две чашки с горячим ароматным кофе, одну подал ему. Он принял с вежливым поклоном, глаза продолжают улыбаться, но взгляд все же строгий и даже настороженный.

— Чем же на этот раз? — поинтересовался я.

Он покачал головой.

— Помните, в прошлый раз, когда вы были на Юге еще маркизом, я спросил, зачем Югу восемь императоров?.. Лучше один. Настоящий. И предложил корону вам...

Он сделал глоток, глядя на меня поверх края чашки. Я ответил с застарелым чувством стыда:

— Помню... Честно говоря, соблазн был еще тот. Даже не знаю, как устоял. Наверное, нужные книги в детстве читал.

— Но сейчас вы им стали, — произнес он с заметным удивлением. — Неформально, но уже по сути. И без моей помощи... Точно, как я и обещал тогда, императором всего Юга!

Взгляд у него испытующий, я промолчал, сделал несколько глотков, но мяч на моей стороне, и я ответил нехотя:

— Всего лишь гость. В какой-то мере советник.

— Военный?

Я покачал головой.

— Сэр Сатана... я все же расту, хоть и не растение. Общественно-политическая обстановка важнее, чем военная мощь... Я как бы советник широкого профиля. Очень широкого!

Он смерил меня очень внимательным взглядом.

— Да-да, это я ощутил. Рамки императора показались узкими?

— И низкими, — согласился я. — Мой рост требует, как бы это помягче, потолок повыше. Для этого, кстати, вовсе не обязательно быть императором.

— Да, — ответил он с мягкой улыбкой интеллигента, — но извлечь максимальную пользу из высоты потолка могут только те, кто высоко летает. Что намерены делать, сэр Ричард?

Я ответил с неохотой:

— Сами знаете. Продолжать дело Каина. Строить города, развивать металлургию, промышленность... что еще делал Каин?.. Научился копать руду и плавить железо?

— Все это делали его сыновья, — ответил он педантично. — Вообще, вы заметили верно, все технологии и все науки есть заслуги Каина и его потомства. А дети Сифа пошли по духовной части... В основном религия и философия, а даже все виды искусства от сыновей Каина.

— Не задирайте нос, — заметил я. — Мне кажется, Каин, несмотря на то, что ваш сын, выполняя План Господа. Почему Господь и повелел никому не трогать и ничем ему не вредить, когда изгнал, хотя тот вроде бы положил начало убийствам вообще, начав с родного брата. Тоже вашего сына.

Он задержал чашку в руках, словно грея о нее ладони, подумал, наконец покачал головой, глаза холодновато блеснули.

— Слишком изощренный план, — заметил он холодновато. — Я как-то не замечал за Господом такую... гм... дальновидность. В любом случае вы продолжаете дело Каина. А это значит, прогресс ускорится?

Я ответил с натугой:

— Да...

Он светски улыбнулся.

— Вы пошли не той дорогой, которую я подсказывал, но все равно пришли к тому же!.. Нет-нет, я не злорадствую и не кичусь точным исполнением моего замысла, просто дороги хоть и разные, но вершина, которую я указал, одна! И вы будете делать то, что я хочу, не потому, что я так сказал, а потому, что задача имеет только один верный ответ. Все остальные, сколько бы их ни было, ложные.

Он смотрел победно, я с изумлением впервые ощущал, что ему наконец-то стала важна такая победа надо мной.

Кофе остался на дне чашки, но я не допивал, первым должен опустить гость, а он смотрит победно, в глазах торжество, которое не считает нужным скрывать.

— Но вы, — ответил я с сочувствием, — все же выполняете Великий План Господа, сэр Сатана. Он вам доверил самую серьезную и важную часть.

Он насмешливо приподнял левую бровь.

— Не сказал мне?

— Тогда не получилось бы, — пояснил я. — Не было бы того азарта, с которым вы наусыкивали человека встать на ноги, отвергнуть покровительство Творца и начать вести себя самостоятельно! Это была ваша ожесточенная борьба, что закалила человека и повела его по ступеням цивилизации.

Он наконец допил кофе и поставил чашку на стол.

— Бред. Господь не настолько расчетлив и злонамерен.

— Это не злонамеренность, — пояснил я. — Вы спорили с ним, бунтовали, не соглашались... вот Он и позволил вам пойти своим путем, прекрасно зная, к чему это приведет. Может быть, Он и сам был таким в молодости? Наверное, вы тоже о таком варианте подумываете, но не хотите признаться?

Он взглянул остро.

— Что вас натолкнуло на такую диковинную мысль?

— То, — ответил я скромно, — что додумался сам. А вы явно натолкнулись на такую идею раньше... сразу отбросили, потому что она обидно говорит, будто Господь неизмеримо умнее и видит дальше. А вот я не откинул, потому что атеист и мне как бы все по фигу, потому мудер, справедлив, и вообще у меня новые сапоги. Хотя, согласен, ваши башмаки наряднее и удобнее.

Он перевел взгляд на мои ноги.

— Вы в своих долго на Юге не проходите. Первые два дня разве что, как бы демонстрация единения со своим народом, а потом... сами знаете.

— Ничего страшного, — заверил я. — Сменить сапоги — это не убеждения.

Он поднялся, учтиво поклонился.

— Сэр Ричард, со всем почтением... убеждения тоже меняются.

— Но не так быстро.

— Посмотрим. До встречи на Юге!

— Сэр Сатана, — ответил я тоже крайне вежливо.

Он с улыбкой на лице отступил к стене и, не сводя с меня взгляда, легко вошел в нее, не потревожив поверхность.

Я перевел дыхание, сердце еще испуганно колотится, хотя уже умею держаться внешне невозмутимо, а еще надеюсь, так же улыбчив в таких ситуациях и элегантен, как сам сэр Сатана.

Темная материя, мелькнуло испуганно-рассерженное. Ишь, отдаленная аналогия... для доступности... Мои неандертальские счетные палочки вот так же аналогичны работающему суперкомпьютеру в миллион гутлофлопсов... Что-то типа... Ничего, мы ускоряемся, скоро все узнаем, все раскроем, всех нагнем, темная материя еще наплачется за барский тон и снисходительность с аналогиями... Бог не злопамятен, но люди — существа еще те.

Глава 10

Дверей здесь нигде нет, потому голоса и вопли доносятся отчетливо, здесь все как в муравейнике, там в случае дождя закрывают все ходы наружу, а под землей

сотни пещер, пещерок и каморок не знают такого понятия, как перегородки в туннелях.

Возможно, и в самом деле не очень нужны, если Маркус может преодолевать даже межзвездные расстояния в считанные секунды, но все-таки надо попытаться сделать его более послушным...

В виски плеснуло раскаленным металлом, я взвыл и, присев к полу, ухватился за голову. Целую долгую минуту боль раздирала череп, наконец медленно начала опускаться по телу горячей волной, кровь вот-вот вскипит, в конце концов ушла по ногам в ступни, а оттуда, как мне кажется, в пол, передав ему какую-то информацию.

Я кое-как собрался с силами, в теле слабость и тупая боль, будто меня под анестезией пропустили через мясорубку.

— Что не так? — спросил я хрипло. — Понятие дверей?.. Ладно, оставим их пока в покое. Но что-то можешь перестроить?.. Следи, как я мысленно выравниваю стены, пол, даже потолок выглаживаю... Да, это почему-то важно для человека. Вспомни, наверняка нечто такое было и у прежних хозяев, я имею в виду самых первых... Хотя, конечно, все мы из пещер, но все-таки, все-таки...

В туннеле из общего зала послышался гулкий топот, словно в мою сторону идет боевой слон Ганнибала. Я успел распрямиться и сделать вид, что у меня нигде ничего не болит и вообще я весь в думах о счастье народа.

В проеме показался сэр Растер, мощный и громыхающий, таким древние представляли бога войны, за ним вошли Альбрехт и Норберт.

Раster поинтересовался еще издали грохочущим голосом:

— Сэр Ричард, а если набрать кучу камней, отсюда можно бросать на головы противнику?

— Можно, — ответил я.

Он сказал, воодушевившись:

— Но можно втащить такую глыбу, что с высоты проломит крышу любого замка? А то и сам замок разнесет?

— Все можно, — сказал я, — но здесь, как бы сказать точнее, а совсем точно я и сам не знаю, на континенте как бы равновесие. Никто ни на кого не нападает, хотя, понятно, есть королевства сильные, есть слабые, а есть и совсем малые.

Он изумился, не поверил:

— Как это? Все богатые и сытые, ладно, хоть и трудно поверить, но... а как насчет воинской славы? А честь, добытая в бою?

Я развел руками, не зная, что сказать, наконец промямлил:

— Здесь защитные силы намного сильнее сил нападения. Великие Маги, разделив между собой королевства, помогают их защите. Да так помогают, что у нападавших вообще нет шансов...

Он сказал гордо:

— Это мы еще не нападали!

— Мы и не будем нападать, — сказал я строго. — У меня титул Миротворца, забыли?

Он распахнул глаза шире.

— Правда?.. Впервые слышу.

Я посмотрел на Альбрехта, он помотал головой, а Норберт пробормотал озадаченно:

— Вообще-то и я впервые о таком слышу.

— Да что же такое, — сказал я расстроенно, — я так хочу именно этот титул!

Растер спросил деловито:

— А сколько для этого нужно истребить врагов и сопутствующих им мерзавцев?.. Может быть, когда умротворим весь Юг, тогда и это... Миротворец? Мы поможем, сэр Ричард! Ради такого титула всех перебьем, спалим, раздрягнем... Ладно, спасибо за разъяснение, а раз у вас все спокойно и приказов пока никаких, пойду готовить народ насчет пира по случаю скорого захвата Юга...

— Успеха, — сказал я кисло.

Маркус, несмотря на все мои старания, стены, проходы и потолки оставил как было. Даже не убрал то, что называю ловушками, но, думаю, просто не понял, почему для меня они ловушки и чем для человека опасны.

Однако комнату, которую я облюбовал себе под кабинет, очень медленно все же меняет под мои запросы. Думаю, смог бы перестроить и мгновенно, но для этого нужно понять, что же хочу, если сам чаще всего не могу сформулировать четко, чего хочу и чего добиваюсь, обычно у меня это не одно и то же.

Свисающие с потолка сталактиты за это время исчезли, я видел, как втягивались в свод, цвет стен и пола менялся, сейчас вот светло-оранжевый, почти солнечного спектра, нужно как-то мысленно очень сильно одобрить, дескать, больше ничего не надо, устраивает.

Уже победа, пусть и не полная, хотя полных не бывает вообще, это так, красивая фраза, далекая от реальности.

Альбрехт вошел быстро и с деловым видом.

— Сэр Ричард?

— Вы самый мудрый в моем окружении, — сказал я, — не говоря уже о том, что и полководец весьма... Как прогнозируете ситуацию?

Он всмотрелся в мое лицо.

— Вы о нашем появлении на Юге?

— Да, дорогой друг.

Он проговорил медленно и веско:

— На самом деле появление Маркуса в небе вызовет панику, но не больше.

Я переспросил:

— А паники мало?

Он ответил быстро, словно уже все продумал:

— Нас интересуют их действия, а не состояние духа. Действий же будет крайне мало... даже мизерно. Да, короли с придворными заранее отыскали себе глубокие пещеры. И то, думаю, не все. Есть же такие, что не слышали о какой-то Багровой Звезде Зла? А из тех, кто слышал, не все в нее верят. Еще есть ничтожная часть, что и слышала, и верит, просто не станет метаться в поисках спасения, если шансы на это ничтожны... В общем, застанем королевства, где ничего не случилось с появлением Багровой Звезды. Разве что работать никто не будет. Зачем, если жить осталось считаные часы?

— Тогда везде разбой и мародерство?

— И пьянство, — добавил он.

— И разврат, — сказал я. — Хотя развратнее что еще придумать, и так с этим на Юге весьма и даже зело весьма.

— Это да, — согласился он. — Но наверняка верные королям войска получили приказ вешать мародеров на месте, что те и будут делать с великим рвением. И при деле, и некогда думать о судьбах мира. Императоры и прочие короли, убегая в самые глубокие пещеры, думаю, заранее объяснили остальным, почему берут только женщин, детей и придворных с верхушкой армии.

— Хотите сказать, — уточнил я, — для нас самое время хватать и грабить?

Он кивнул.

— Как говорит наш мудрый и гуманный вождь, вы его знаете, насаждать таким интересным путем демократию и свободу.

— А когда пройдет время и короли начнут прокапываться наверх?

Он пояснил невозмутимо:

— Вылезут из пещер... а никакого конца света!.. Более того, власть поменялась, их жен и дочерей так переизнасиловали, что от счастья жизни пухнут у всего женского населения континента!

Я покачал головой.

— Пока замахивайтесь только на империю.

— Только?

Я кивнул.

— Понимаю, теперь масштабы кажутся мелковатыми, верно? К тому же, думаю, жен и любовниц все же взяли с собой.

— Любовниц да, — согласился он, — а жен могли и забыть. Или не успеть. Хотя все равно перспективы для нашей армии заманчивые...

Он запнулся на полуслове, вперив устрашенный взгляд в окно.

В полутиле от нас почти параллельным курсом движется в воздухе чудовищно огромная глыба. Я не сразу уловил очертания массивного, как авианосец, космического корабля, мрачного, с выщерблеными, а кое-где и оплавленными краями.

— Красотища, — сказал я с чувством.

— Ох, — сказал Альбрехт сквозь стиснутые челюсти, — здесь магия точно сильнее...

— И намного, — согласился я, — не обращайте внимания, граф, не обращайте, герцог. Там сэр Растер пир готовит, вы в курсе?

— Почему он не падает?

— Сэр Раster? Да его ничто не свалит...

— Эта штука, — сказал он сердито и кивнул на темный корабль без признаков жизни. — Почему не падает?

— Магия гравитации, — ответил я умно. — Герцог, мне самому завидно, что еще одно чудо проходит в стороне, а мы там еще не пошарили жадно и со слюнями восторга! Однако нам важно как можно быстрее на землю, пока там не поняли, что катастрофа по каким-то причинам отменяется.

— Ваше величество...

Я напомнил строго:

— Сэр Ричард!

Он сказал спешно:

— Простите, сэр Ричард. Но будьте готовы, вам будут придумывать титулы и повышение императорского.

С топотом и шуточками вошли Митчелл, Палант и Тамплиер, но тоже стихли, когда увидели уходящий вдали объект размером с гору средних размеров.

— Как оно летит, — выдохнул Митчелл, — как летит... как орел... но где крылья, где крылья, спрашиваю?..

— Даже у драконов крылья, — поддержал Палант.

Альбрехт сказал сердито:

— Ваш лорд сказал, магия. И хватит пишать! Раз магия, то магия! Какие еще объяснения?

— Все узнаем, — пообещал я.

Митчелл спросил жадно:

— Завтра? Или сегодня к вечеру?

— Пока нас эта летающая штука не трогает, — объяснил я, — мы тоже оставим ее на потом. Там внизу летают, а по земле ползают баржи помельче и попроще, поняли? Народ на них передвигается.

Он охнулся.

— Как у нас... по железной дороге?

— Вот-вот, — согласился я. — Вы прямо в точку, дорогой Митчелл. Тоже по строго указанным маршрутам, и ни на дюйм в сторону. Одни по земле, другие по воздуху.

Митчелл, отойдя к окну, сказал быстро:

— Вы только посмотрите!.. Какой город, какой город!..

Я взглянул, сердце сладко екнуло. Маркус идет вдоль сильно изрезанной бухтами и бухточками береговой линии, глубина территории покрыта лесом, а здесь один город, вот второй...

— А сейчас будет Золотой Пеарл, — сказал я.

Они умолкли, внизу в самом деле начал появляться большой город с зеленою проплешиной в центре, никак не застроят, а вон и дом гранд-капитана, то бишь мой дом, где сейчас хозяйничают Маргарита и Синтия.

— Митчелл, — сказал я, — быстро принесите мой личный штандарт!

— Сэр?

— Мое личное знамя, — повторил я. — Да побыстрее!

Маркус завис в небе такой огромный, что весь огромный Золотой Пеарл смотрится небольшим огородом.

— Маркус, — сказал я со стесненным сердцем, — дай малость ниже... Высоту сбрось... в смысле, приблизься к поверхности планеты именно здесь, но не слишком...

В голову несколько раз болезненно колынуло, начиная догадываться, что Маркус пытается понять, что же хочу на самом деле, потому что слова на самом деле дурацкие, хоть и привычные, но его пришлось бы сперва

долго обучать, какое слово что именно означает на самом деле, и как его нужно понимать в разных ситуациях, мы же такие продвинутые, все на мэмах и гэгах...

Палант охнулся, город внизу резко пошел вверх. Маркус остановился где-то за полмили над ним, еще более огромный, чем весь свободно раскинувшийся на просторах Золотой Пеарл.

Примчался Митчелл, знамя в его руках уже развернуто, глаза вытаращены в испуге, да и все застыли в ожидании.

Народ в Пеарле то ли не знает, что это за страшилище, то ли относится с фатализмом, в маркизате нет пещер, смотрят в небо, убегают и прячутся в дома совсем немногие.

— Люк! — велел я. — Маркус, люк!.. Дыру в полу...

И хотя не объяснил, что такое люк и в каком месте его открыть, но Маркус впервые не ответил ударом боли по всему телу или даже в мозг. В полу моментально возникла круглая металлическая и чуть выпуклая крышка с выступающими головками блестящих, как масленые грибы, заклепок по краю, такие на подводных лодках.

Громко щелкнуло железом, все в зале отпрянули, крышка встала вертикально, а в круглую дыру ворвался холодный свежий воздух.

— Знамя! — велел я.

Митчелл подбежал на подгибающихся ногах и торопливо протянул мне древко моего штандарта, украшенное золотом и драгоценными камнями.

На полотнище мой герб, который хорошо знают и в маркизате, я красиво и торжественно преклонил колено и поцеловал край знамени, вон сэр Растер смотрит, это для него, и картинно метнул в дыру.

Знамя некоторое время падало, как копье, но в плотном воздухе замедлило падение, перевернулось и с разевающимся полотнищем уже как бы неспешно опускалось прямо во двор гранд-капитана.

За моей спиной довольно всхрюкнул Митчелл. Видно, как древко воткнулось в песок посреди двора, а разбежавшиеся было матросы остановились и уставились на знамя, как овцы на новые ворота.

Маркус тут же по моей команде поднялся выше и пошел дальше на юг. Я с облегчением перевел дух, эти команды Багровая Звезда начинает понимать все лучше и лучше.

Палант сказал за моей спиной:

— Это был знак?

— Да, — ответил я.

— Но... как поймут?

— Мое знамя там в чести, — пояснил я. — И вообще, говоря по-простому, это мой маркизат, сэр Палант. Я здесь провел ряд великолепных реформ, за которые сам себя хвалю и в жопу целую за то, что такой умный и находчивый.

Он запнулся, да и на лицах Митчелла и Паланта такое же ошалелое выражение. Митчелл наконец проговорил с трудом:

— Это... когда же вы...

— А когда вы по бабам, — сообщил я злорадно. — А у меня на одну бабу меньше, на маркизат больше.

Тамплиер сказал в сторонке:

— А на другую бабу меньше, на королевство больше. Или на титул.

— Вы правы, сэр Тамплиер, — согласился я. — Что бабы?.. Когда тащишь в постель двадцатую, третью-четвертую уже и не вспомнишь, а титулы растут, власть растет, а с ними возможность сеять доброе, мудрое,

вечное, заодно с азартом и чувством справедливости выпалывая всякое, чего мы не одобляем-с.

— А мы многое не одобляем, — проговорил гулким голосом Тамплиер. — Эх, сюда бы отца Дитриха.

— Все потом, — ответил я. — Грязную работу сделяем сами!.. Старость уважать надо... Кстати, если не ошибаюсь, сейчас идем над королевством Висконтия. По непроверенным, но заслуживающим доверия данным ненашей разведки, хорошее тихое королевство. Королю уже двести двадцать лет, что весьма дивно и поучительно в данном странном ракурсе.

У Митчелла вырвалось:

— Живут же люди!

— Хорошо живут, — согласился я. — Хоть и непонятно как. Юг богаче Севера, потому мода там тоже вычурная и затейливая, пусть вас не смущает. Вы не должны чувствовать себя... ниже. Напротив, вы чище и лучше. Помните сии слова вашего мудрого и все такое, продолжайте смотреть свысока сразу и потом, когда познакомитесь с ними ближе. Да, мы варвары, но благородные и доблестные варвары, а вот они развращенные и слабые отпрыски некогда великих варварских предков, что давно-давно были примерно такими, как мы сейчас!

Глава 11

Слушают внимательно и с недоумением, еще не врубились, с чего вдруг такое несу, но молчат и запоминают, вижу по лицам.

Альбрехт спросил напряженным голосом:

— Вы точно знаете, что нас ждет?

— Я же бывал здесь, — ответил я. — Не совсем здесь, но здесь, на Юге. Вы видели мой маркизат, только

что миновали... Хорошие отношения с местным населением, правда-правда. Так что к моим предостережениям отнеситесь серьезно, дорогой друг. А то и вас сломят... Мода частенько проходит там, где не проходят армии. И благополучно проносит на себе разрушительные идеи.

Маркус по моей высочайшей воле снизился и пошел чуть ли не на бреющем, ну где-то на высоте в километр. Сквозь ставший прозрачным пол, откуда мои герои поспешили бросились к стенам, далеко внизу показались приближающиеся к нам высокие и светлые дома, даже не дома, а дворцы, один дворцонее другого, а также храмы, как я определил по негодной для жилья архитектуре, а еще обширным площадям и великанским статуям.

Народа, правда, на улицах мало, да и те, испуганные быстро скользящей по земле черной тенью, ринулись под укрытия домов, как куры при виде парящего в небе коршуна.

Митчелл сказал с сомнением:

— Люди здесь, наверное, живут счастливые...

— По данным разведки, — сообщил я, — так и есть.

Полагаю, из-за скудости ума и отсутствия высоких желаний жители счастливы у корыта с обильной и жирной пищей.

Всех качнуло, внизу зеленая поверхность побежала быстрее, еще быстрее, но послушно затормаживалась, когда среди зелени проплывали руины или выжженные и почему-то не зарастающие плеши и проплешины.

Я сжался и сузил прозрачное днище до иллюминаторов в полу. Рыцари со вздохами облегчения собрались вокруг, как вокруг глубокого колодца, всматриваясь в проплывающий внизу мир южного королевства с высоты птичьего полета.

Чувство злого торжества и мстительности, которое я тщательно подавлял, постепенно как-то ушло. Хотя да, ЮГ вызывает много злости, особенно засильем магии, что всегда была вызовом официальной власти, не говоря уже о том, что магия ненавистна церкви.

Я хоть и Защитник Веры, но прежде всего защитник светской власти, а маги — это и не светская, и не духовная, а что-то постороннее и враждебное по сути, хотя мы всегда делим все на полезное нам и вредное.

Но сейчас самое важное даже не как сядем и что скажем магам, а расширение канала «мозг—Маркус». Какие-то команды проходят как по маслу, просто выполняются, и все, а какие-то то ли вызывают протест, то ли такое непонимание, что грозят взорвать мне голову изнутри, как будто там граната со снятой чекой.

От группы лордов, опасливо окруживших иллюминатор в полу, позвал Норберт:

— Сэр Ричард... а здесь беспорядки.

— Только на проклятом Юге, — сказал Палант с удовлетворением.

Даже на этом удалении видно, как горят дома на окраине города, а отряды вооруженных людей окружили толпу крестьян и рубят на месте...

Альбрехт сказал Паланту мирно:

— Мы просто не видели, что в наших королевствах... А здесь да, все равно помирать, так хоть повеселиться решили...

Митчелл заметил ядовито:

— Стоит им поднять голову, будет не до веселья.
— Им некогда смотреть вверх, — сказал Палант. — Пусть лучше дерутся. Наш вождь велит не вмешиваться в личную жизнь туземцев, хоть они и богатые. А нам смотреть интереснее.

Он повернулся ко мне, я ответил мирно:

— Силы правопорядка усмиряют мародеров. Все правильно.

— А зачем? — спросил он наивно. — Если Багровая Звезда Смерти уничтожит весь мир, а горы и реки поменяют местами...

— Закон нужно соблюдать до конца, — прорычал сэр Растер. — И доблестно погибать на посту, как надлежит мужчинам!..

— А не пьяным в постели, — добавил Палант и выразительно посмотрел на сэра Митчелла.

Митчелл, понимая только свои шутки в чужой адрес, нахмурился и так же выразительно опустил ладонь на рукоять меча.

— Это не городская охрана! — сказал он. — Смотрите, как держат строй. Точно армия, я вам говорю.

— Хорошо усмиряют, — согласился Митчелл. — На месте. А когда придут в их семьи, объяснят женщинам, что не тех мужчин взяли в мужья...

— Мир справедлив, — сообщил я, — в целом. А мелочи бывают всякие. Главное, в какую сторону движется цивилизация.

— Сэр Ричард?

Я пояснил:

— Разные народы и даже королевства могут двигаться разнонаправленно, как вот муравьи большую толстую гусеницу могут тащить в разные стороны, но если все же продвигается к их муравейнику, то в целом действуют верно.

Он покрутил головой.

— Хотя каждый из них может действовать неправильно? Ну и дела... А в какую сторону тащат гусеницу здесь?

— Ни в какую, — ответил я. Наткнувшись на его вопрошающий взгляд, пояснил: — Здесь маги достав-

ляют им гусениц прямо в муравейник. На стол. Так что здесь не изменилось бы ничего еще тысячи лет...

— Если бы не Багровая Звезда, — сказал Митчелл с вдохновением, — а на ней наше величество верхом!

Некоторое время не вступая в разговоры, я следил, как внизу зеленые долины сменяются горными хребтами, часто попадаются извилистые реки, озера, снова леса и степи.

Разговоры начали умолкать, наконец я сказал с сомнением:

— Наверное, пора бы появиться королевству и самому Монтегю... Наверное, оно и есть внизу... И почему по лесу никто не провел жирную красную линию? Или хотя бы синюю... Тоже мне Великие Маги...

Никто не понял, что я так умно выказал свои знания о границах государств на политических картах, смотрят с каменными лицами, привыкли к моим неожиданным и непонятным перлам, которые и оценить-то некому, вот так и мечи бисер.

Тамплиер произнес почтительно:

— Император Герман здесь?

— Думаю, — ответил я, — в глубокой-глубокой пещере. Но столица его империи в королевстве Монтегю.

Альбрехт сказал бодро:

— Митчелл, Палант!.. У вас глаза острее, высматривайте город покрупнее... Сэр Ричард?

— Да, — согласился я, — покрупнее. В старых королевствах столицы всегда в самых крупных городах. Но здесь много крупных городов.

— Точно?

— В Гессене много, — напомнил я. — Думаю, в Монтегю не меньше.

— Скорее, — сказал Альбрехт педантично, — больше. Если здесь столица.

— Здесь, — подтвердил я.

— По непроверенной информации?

— Но заслуживающей доверия, — уточнил я. — Человек сообщил это на смертном одре!

— Это под пытками? — спросил он. — А потом убили?

— Сэр Альбрехт?

Он посмотрел невинными глазами.

— А что?.. Это же вы, сэр Ричард. Вы всему найдете оправдание. За что вы его так?

— Да не убивал я его, — ответил я. — Он сам убитый пришел!.. В смысле, смертельно раненный.

— А вы его лечить не стали, — сказал он. — Понятно... Кстати, вон внизу крупный город...

Я сказал громко:

— Маркус, выше!

На миг как бы ощущалась легкая тяжесть, но это лишь впечатление, Маркус в самом деле умело то ли экранирует гравитацию, то ли еще как, во всяком случае никто больше не почувствовал, а у меня дрогнули колени только потому, что ждал.

Земля резко ушла вниз так далеко, что леса начали выглядеть словно ровная поверхность зеленого болота.

— Продолжай, — произнес я, и хотя не добавил «Маркус», он понял, я держу зрительный образ именно скольжения на высоте над землей, как наблюдал в иллюминатор самолета, и сейчас Маркус идет точно так же. — С той же скоростью...

Норберт помолчал, как и все, а когда произнес, голос звучал сухо и по-деловому:

— Сперва захват столицы и дворца императора?

— Предположительно, — ответил я и, видя не совсем понимающие взгляды, пояснил: — Мы не знаем точно, что нас ждет внизу. Скорее всего, как и на се-

верном, короли с охраной и придворными ушли в пещеры, бросив народ на произвол судьбы.

Растер возразил с негодованием:

— Сэр Ричард!

— Хотя, — уточнил я, — на северном так поступили отдельные непорядочные короли, а на южном — все или почти все, потому что у них непорядочность вполне даже оправдывается их моралью.

Он нахмурился и жутко поскреб железными пальцами по металлическим ножнам меча.

— Им нужно напомнить заветы доблести и чести!

— Потому, — закончил я, — нужно быть готовыми к массовым грабежам, мародерству, разгулу и всей дикости, что обязана проявиться и пышно расцвести при конце света.

Альбрехт сказал холодно:

— Таких уничтожать на месте. Погуляли и хватит. Даже если успели погулять мало.

— С удовольствием, — бодро ответил Митчелл. — Сделаем мир лучше, как говорит наш вождь.

— Еще как сделаем, — подтвердил Палант. — И хребет переломим!

Альбрехт уточнил:

— Убивать мародеров и... заподозренных тоже. Военное положение все спишет.

Тамплиер поинтересовался как-то подозрительно мирно:

— А потом?

Альбрехт кивнул в мою сторону.

— А потом военное положение будет называться как-то иначе. Помягче, помягче. Например, забота о народе. Или, думаете, наш вождь что-то выпустит из того, что попадет в его загребущие?

Тамплиер промолчал, зато Митчелл вздохнул с великим облегчением.

— А-а-а, тогда хорошо. Главную добычу не выпустит, а мелочи нам отдаст. Всякую ерунду вроде земель, титулов, богатств, городов...

— Так что, — сказал Альбрехт, — будем пристойно жить в узких рамках закона, которым нас продолжит тираничить ваш мудрый и кровожадный вождь.

— Нас и весь мир, — уточнил Палант и, бодро отсалютовав, убежал к своим воинам готовиться к скорой высадке.

Альбрехт повернулся к Норберту.

— Ваши люди выйдут первыми.

— Естественно, — отрезал Норберт. — А когда было иначе?.. Кстати, этот Маркус неплохое приспособление для моей разведки.

Альбрехт, не отвечая, велел Максу:

— Поднимите людей и ждите указаний. Судя по виду нашего лорда, копыта наших коней вот-вот ступят на землю отвергнувшего Господа Юга!.. А потом выдвинетесь вы и возьмете под охрану город.

Я в самом деле молча и тщательно высматривал место для посадки. Королевство Монтею, сердце империи Генриха Третьего, населено достаточно плотно, хотя, конечно, диких и пустынных мест хватает, однако чем ближе к столице, которую приходится угадывать по размерам, тем плотнее застройка.

Вообще столицами традиционно становятся самые крупные и богатые города, это правило для всех стран и народов, так что промахнуться будет трудно.

Альбрехт в последние часы вообще держится рядом, обычно подчеркнуто невозмутимый и статусно надменный, но сейчас не скрывает тревоги.

— Вы хоть знаете... где? Уже и не спрашиваю, как...

— На Юге, — ответил я бодро. — Для нас сейчас империя Германа и есть весь Юг. Даже не вся империя, а королевство Монтею, сердце его империи, а если еще точнее — столица и его дворец.

— Чей дворец, — согласился он, — того и трон.

— Нет, — ответил я, — трон мне как-то без надобности. У меня теперь масштабы, дорогой герцог.

— Граф, — напомнил он.

— Герцог, — возразил я. — Я что, не помню?.. Ну да какая разница, если и не помню, отныне герцог, дорогой друг!.. Жаль, вы пропьянствовали и не нанесли на карту острова в океане...

Он напомнил суховато:

— Вы сами опомнились только над южным материком, мой лорд.

— Ах да, но все равно жалко. Но вы же хотите обозначить на карте острова?

Он мотнул головой.

— Не хочу.

— И я не хочу, — ответил я, — не люблю заниматься такой нудной работой. Я вообще никакой не люблю, но, увы, если не мы, то кто?.. Карты необходимы. Это обезопасит.

— У императора наверняка есть это все, — напомнил он. — Если уж собрался посыпать флот, чтобы покарать вас.

— У императора столы проверим тоже, — пробормотал я. — И всю посуду побьем, а в кабинете насрем, чтобы утвердить наши ценности... А если серьезно, то нельзя упускать возможность хотя бы вчера наметить карту и самим. Нашему флоту ходить, сэр Альбрехт! А чужих мне, как и вам, не жалко, пусть тонут.

Он указал на проплывающий внизу крупный город.

— Вон тот!.. По-моему, самый крупный.

— Районный масштаб, — определил я. — Сэр Альбрехт, на Юге населения намного больше. И плотность выше, чем в наших королевствах.

Он вздохнул.

— С такими и воевать трудно, и удерживать в повиновении... А вон дальше покрупнее!

— Значит, — сказал я, — в верном направлении прем.

— Сэр Ричард?

— Если следующие будут еще крупнее, — сказал я самодовольно, — то потом будет и столица.

Он промолчал, но когда следующий городок далеко внизу оказался совсем мелким, а затем подряд три все крупнее и крупнее, не стал тыкать меня мордой в стол, деликатность выказывает, однако в конце концов на горизонте показался город крупнее всех трех предыдущих, так что я все-таки прав, хоть и не сразу, а как бы в целом.

Альбрехт присвистнул, я постарался не выказывать изумления. Все-таки видел столицу Гессена, Люнебург, что сейчас показался бы пригородом этого исполинского града, где сотни, если не тысячи дворцов, башен и огромных узорных домов, изящных настолько, словно сотканные из морской пены.

— Стоп, — велел я. — Не садиться же в самой столице... если это столица. Маркус, давай вон в тот лес. Это и близко, и народу там вроде бы не должно...

— Мой лорд, — сказал Норберт и очень внимательно всмотрелся в землю внизу. — Мой лорд, не лучше ли чуть левее... Там и пусто, и дорога рядом...

— А вон та шире, — сказал я.

Он покачал головой.

— Проходит мимо столицы, а эта, хоть и узковата для тяжелой конницы в четыре ряда, ведет прямо к городским вратам.

— Как скажете, сэр Норберт, — ответил я. — Всегда прислушиваюсь к вашим рекомендациям, а они настолько точны, что только сам Господь Бог может сказать лучше... но Он сам не говорит с нами. А только через таких, как вы!

Глава 12

Он взглянул с некоторым подозрением, не подшучиваю ли, но я говорил абсолютно серьезно, сэр Норберт из той категории служак, что относятся к поручаемым им делам, как к самому важному во всей их жизни.

— Мои люди уже готовы, — доложил он, — кони накормлены и оседланы.

Подошел, как шагающая гора металла, сэр Растер.

— Вот это я понимаю! — прогудел он довольным голосом. — Только загрузились, и уже на месте. Почему у вас такой штуки раньше не было?.. Эх, прибыла бы Багровая Звезда хотя бы на пару лет раньше...

Я следил через огромные окна, как вверх уносится белая мгла облаков. К земле идем стремительно, интерфейс «мозг—Маркус» работает безукоризненно, я инстинктивно напрягся в ожидания жесткой посадки, в боковом окне мелькнуло нечто зеленое и застыло, разбившись о стену из толстых деревьев.

— Сели, — сказал я чуть ошалело. — Даже вино в чашке не колыхнулось!..

Альбрехт сказал чересчур ровным и напряженным голосом:

— Но лес вмяли в землю на милю во все стороны.

— Это еще лес, — сказал я, — а не зеленые насаждения, его можно... Маркус, пандусы! Лучше сразу три!.. Пошире!

Растер торопливо выскочил из зала, Альбрехт продолжал с жадностью наблюдать, как в стенах распахнулись просторные проемы, а на землю опустились широкие сходни.

Первыми выметнулись отряды легкой конницы, рассыпались в разные стороны, выпуская тройки дозорных. Тяжелая рыцарская по четверо в ряд пошла выливаться блистающим потоком металла.

Я сам невольно залюбовался выезжающей из Маркуса на землю империи тяжелой конницей лорда Робера. Солнце как раз поднялось над лесом, стальные доспехи вспыхнули золотом так ярко, что я прищурился от тысяч зайчиков в глаза.

Они выезжали и выезжали непрерывным стальным потоком, кони тоже в металле, приученно идут бок о бок с другими, так достигается плотность удара, прорывающего любую стену.

Во главе сам лорд Робер на коне в таких же доспехах, как и хозяин, более того, из широкого стального налобника с отверстиями для глаз торчит острый рог, такой же точно угрожающе нацелен из шлема его хозяина. А султан из красных перьев на шлеме близнец и брат тому, что между конских ушей.

Думаю, не только мне сэр Робер кажется единым существом, человеко-лошадью.

За его спиной реют легкие флаги на длинных копьях его ударного отряда. Все рыцари до единого закованы в стальные доспехи, забрала опущены, полная готовность сразу с ходу ударить на противника и стоптать его в яростной сече.

Рядом с сэром Робером сдружившийся с ним в битве сэр Периальд, суроволицый, молчаливый, забрало поднято, он даже в бой с филигонами шел с поднятым, высокие скулы, запавшие глаза, широкая нижняя челюсть, от всей фигуры веет силой и мужественностью.

В правой руке тяжелое рыцарское копье, на локте левой длинный треугольный щит цвета красного пламени, где бьются три оранжевых дракона, щит закрывает от плеча и до середины бедра.

Конь такое же чудовище, похожее на увеличенную сколопендру, голова в металле, только для глаз и ушей отверстия, широкие изогнутые пластины закрывают шею, грудь и даже круп, сейчас укрытый сине-красной попоной с вышитыми львами, драконами и диковинными цветами.

Рядом со мной из пустоты прозвучал голос:

— Красивое зрелище... Так и не повзрослевшие дети.

— Карл-Антон, — сказал я с моментально возникшим чувством неловкости, — во время полета все нормально?

— Восхитительно, — ответил голос с чувством. — А сейчас так и вовсе... Вы осуществили мою мечту, сэр Ричард! Я на Юге... Обещаю не тревожить вас, мой лорд, однако если понадоблюсь... вам стоит только называть мое имя. Я услышу, где бы ни находился.

— Спасибо, — сказал я.

— Это вам спасибо, — ответил он.

Из пустоты прступили четыре призрачные фигуры. В передней я узнал самого Карла-Антона в его длинном халате и остроконечной шляпе с широкими полями, трое за ним одеты скромнее по меркам моды для магов.

— А-а, — сказал я, — узнаю Зейса...

Молодой маг поклонился издали.

— Польщен, ваше величество, что помните. Мы все к вашим услугам.

Призрачные фигуры растаяли, а от того места, где виднелись, потянулся было след по траве, кто-то из помощников Карла-Антона сплоховал, но через пару шагов трава поднялась нетронутая.

Я повернулся к Маркусу, там проехал сэр Умальд, все такой же розовощекий великан, успевший еще оруженосцем одержать ряд блистательных побед на турнирах, а теперь уже знатный рыцарь, доказавший свое умение в бою. Тоже молчаливый, как и сэр Периальд, похожий на него настолько, что отличают их только по огромной секире на плече Умальда, по мне, очень неудобная вещь, но тот обращается с нею с необыкновенной виртуозностью. Поговаривают, что это дар их роду, я сам видел, как он легко побивает троих-пятерых противников, нанося молниеносные и всегда смертельные удары как широким лезвием, так и металлическим дреком с длинным острием на конце.

За спиной у сэра Умальда широкий круглый щит скандинавского типа, да и в шлеме нечто от эпохи викингов. Если бы та продлилась хоть на пару столетий дольше, они сражались бы именно в таких доспехах.

За отрядом сэра Робера, которому представлена честь первым ступить на землю империи Генриха Третьего, вышла степенно и мощно вся наша тяжелая конница, сперва рыцарская, потом из элитных фригольдеров, теперь по моему указу уже дворянская, а в конце начала выходить стройными рядами пехота барона Максимилиана фон Брандесгерта, графа Стоунширского, а теперь уже и герцога, самого молодого из моих военачальников высшего ранга, самого чистого душой

и самого преданного, начиная еще с Каталаундского турнира...

Сэр Альбрехт, торжественный и щеголеватый, остановил коня рядом с моим арбогастром.

— Сэр Ричард, а это точно королевство Монтею?

— Не знаю, — ответил я честно, — но по приметам вроде бы оно самое... И такого прекрасного города мы еще не видели!

Он промолчал, вообще-то искали мы недолго, я же помню слова Гугола, что, если от побережья маркизата Черро двигаться прямо на юг, попадешь прямо в королевство Монтею, сердце империи Германа Третьего.

— Проверим, — сказал он. — Если что не так... надеюсь, этот летающий город не перестанет вас слушаться?

— Тоже надеюсь, — признался я. — У меня было мало времени на обучение...

— И усмирение этого чудовища, — согласился он, — но ковать надо, пока горячо... Сэр Ричард?

— Идите, — разрешил я. — Вы знаете, что делать.

Инстинктивно мы ожидали, что едва Маркус покажется в небе, королевство опустеет, но когда подъехали к городским воротам, почему-то широко распахнутым, издали рассмотрели двух стражников.

Правда, оба тут же ринулись обратно в караульное помещение, и наш отряд без помех проехал под высокой аркой в город. Альбрехт взмахом руки посыпал в стороны по два-три конных рыцаря, те с опущенными забралами и копьями наперевес тут же исчезали в переплетении улиц.

Не скоро впереди распахнулась исполинская площадь, выложенная такими плитами, что и в лучших ко-

ролевских залах Севера не увидеть, а дальше красиво и величественно поднялись к небу сверкающие громады дворца, дивно сказочного, монументального и одновременно воздушно-радостного.

Сердце сразу застучало в ожидании чудес и веселья, над дворцом высоко в небе парит огромная огненно-красная корона, едва ли не размером с главный дворец.

Альбрехт едет рядом, со мной старшие из военачальников, а за нами звонко стучат по мрамору плит копыта отборного отряда моих телохранителей, во главе Хрут и Ульман, самые первые, что присягнули мне еще в первом моем замке Амальфи.

— Мой лорд, — сказал Альбрехт вполголоса. — Как это они сумели такую корону подвесить в небе?

— Магия, — буркнул Келляве. — Нечестивая и порочная.

— Но красиво, — согласился Альбрехт.

— Порок всегда красив, — отрезал Келляве с неприязнью.

Тамплиер прогудел мощным голосом:

— Золотые слова, барон!

— Граф, — уточнил я. — Граф Келляве мудр и стоек, соблазнам не поддается. Как и вы с Сигизмундом... на-деюсь.

Сигизмунд отвернулся в обиде, а Тамплиер смерил меня недобрый взглядом без всякого почтения к императорству, ибо Господь выше всех земных владык, а они с Сигизмундом есть слуги Божьи.

Сам дворец — не отдельное здание, как все мы привычно думаем, а огромный комплекс как роскошнейших строений, так и садов, отделенных один от другого широкими аллеями, вымощенными цветным камнем, от чисто белого до оранжевого и алого. Множество фонтанов выбрасывают высоко в небо цветные струи,

у императора могут быть даже бассейны с вином, от группы зданий вниз идут широкие лестницы из красного и желтого камня, множество статуй, водопады, но, конечно, самое примечательное — сам дворец.

Зданий около десятка, но все странно создают образ одного, как бы уступы центрального, хотя сами по себе тоже роскошнейшие дворцы с красивыми старинными зубчиками по верху, дань тому времени, когда по верху стен располагались арбалетчики.

Альбрехт словно уловил мою мысль, сказал медленно:

- Арбалетчиков и сейчас можно поставить...
- Поставим, — пообещал я.
- Как вам, — спросил он, — эта корона?

Я поднял взгляд, от огненной красной короны идет во все стороны такой же красный свет, снизу еще и такая же красная лента, но слабее цветом, совсем уж прозрачная.

— Впечатляет, — согласился я. — Не забудьте, мы не захватчики, а освободители.

— Точно, — подтвердил он с непривычной для него угрюмостью. — А от чего освободим, увидят попозже. Макс, ты здесь?.. Чего ты всегда позади, у тебя под рукой вся армия пехоты!.. Ты давно носишь титул графа Стоунширского, а теперь с того момента, как твои копыта ступили... копыта твоего коня ступили на землю этого материка, ты герцог! Поздравляю вас, ваше высочество!.. Задача у вас самая широкая. Столица, как видите, просто неимоверная. Ведите в нее армию, быстро очистите от сопротивления, если такое будет, а затем, оставив гарнизон, займитесь крепостями и опорными пунктами как вокруг города, так и дальше. У нас все должно быть под контролем!

Макс отсалютовал, совершенно не обратив внимание, что он теперь герцог.

— Есть! Разрешите выполнять?

— С Богом, — ответил я.

Он остановил коня, с ним натянули поводья еще двое командиров, а мы рассматривали приближающийся дворец, что, как и водится, утопает в роскошном саду, а тот, в свою очередь, огражден высокой металлической решеткой, вычурной, но строгой, створки ворот в эмблемах, а над воротами такие же вздыбленные и оскаленные пышногривые львы и злобноклювые грифоны.

У ворот, чего мы почти не ожидали, с полдюжины гвардейцев, парни высокие и молодцеватые, все в ярких мундирах красно-черного цвета, расшиты золотом, из доспехов только шлемы и кирасы, тоже с орнаментом из золота.

Все как один выставили разом копья навстречу, тоже красивые, блестящие, со свисающими флагками.

Мои рыцари заворчали и ухватились за рукояти мечей. Я вскинул руку в картинно властном жесте.

— Тихо, тихо!.. Отворить ворота!

Навстречу сделал шаг один из гвардейцев, что постарше.

— Кто приказывает?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я. — Принц императорской мантии по пожалованию светлейшего императора Германа Третьего... а также император Севера, что для тебя важнее!.. Если все еще не понял, то посмотри вон туда, видишь?.. Это Багровая Звезда, на которой мы прибыли и что отныне покоряется нам. Хочешь с нами поспорить?

Он побледнел, я видел, что и других тряхнуло, явно не сводят испуганных глаз с момента появления этой пылающей недобрый огнем горы.

— Прошу вас, — выговорил он с трудом. — Эй, отворить ворота его высочеству принцу императорской мантии!

Мои рыцари проехали вслед за мной, точно так же надменно поднимая головы и выдвигая нижние челюсти.

Альбрехт сказал мне тихо:

— Быстро соображают.

— Не обольщайтесь, — ответил я негромко. — В дворцы везде берут лучших.

Навстречу по красиво вымощенной белейшей плиткой аллее заспешил человек в длинном парике с крупными локонами, странная нелепая одежка, по-женски яркая и составленная из красного, синего и желтого цветов, ноги от колен в чулках, а обуты в башмаки, причудливо загнутые и расшитые бисером.

Я остановил арбогастра, за спиной послышались смешки, таких потешных людей еще не видели. Парик закрывает голову до плеч, но и дальше опускаются крупнолоконные уши, достигая почти середины груди, уже и не парик, а что-то типа одежды.

Человечек в парике на бегу раскинул руки.

— Сюда на лошадях нельзя!

Голос его был дрожащий от ужаса и негодования. Я посмотрел на него сверху вниз холодно и как бы безразлично, как богомол на сухую веточку.

— Нам все можно, — произнес я веско. — Перед тобой, существо, принц императорской мантии Ричард Длинные Руки, о котором во дворце должны быть наслушаны. Ага, вижу, слыхал, слыхал... Не думаю, что у вас тут принцы ходят стадами, как гуси... Но, чтобы

тебе стало яснее, добавлю: еще властелин Севера и, что важнее, хозяин вон той штуки... видишь, за лесом? Вы ее называете Багровой Звездой. Все еще хочешь со мной поспорить?

Он охнулся, упал на колени и заломил руки.

— Ваше... Ваша Багровозвездность!.. Но это... это же императорский дворец!

— Вижу, — отрубил я. — Возможно, пригодится как конюшня.

За спиной Альбрехт сказал громко:

— Высоковато на холм коней таскать... Рекомендую сжечь.

— Или вогнать в землю, — сказал Палант, — в эти... пенаты, как говорит сэр Ричард. По самые, как их... ага, парапеты!

Человек на коленях вскричал, заламывая руки, по лицу побежали настоящие крупные слезы:

— Ваша Багровость!.. Принц! Как можно? Это же... сокровищница всего самого прекрасного на свете!

— А мы варвары, — отрубил я. — Потому и на Багровой Звезде Зла. И сами мы злые.

— И лютые, — сказал Палант с восторгом.

— Ты кто? — спросил я человечка на коленях.

Он ответил поспешно:

— Пауль Лазиус, ваше высочество, ваша Звездная Небесность!.. Старший советник младшего помощника управляющего дворцом!

— Ого, — ответил я. — Как нам повезло. Вот что, старший советник... нарекаю тебя врио, то есть временно исполняющим обязанности управляющего. Главного управляющего. Генералиссимусного! Веди во дворец и рассказывай по пути, что здесь и как, но четко, внятно, с чувством, с расстановкой.

Глава 13

Он подхватился, лицо ошарашенное, испуг смешан с облегчением, страшные захватчики в седлах покатываются со смеху, рассматривая его нелепую с их варварской точки зрения фигуру, а это хорошо, смеются — значит, опасности еще нет.

Он сказал быстро:

— Ко дворцу, Ваша Громовержность, самая короткая дорога вот по этой лестнице... Она и есть центральная, церемониальная, а вы в таком статусе, что любая другая будет умалением вашего величия звездно-небесного принца императорской мантии. Но только...

— Что?

Он вздохнул, развел руками.

— По ней можно только своими ногами. Лестницу создавали в древности Великие маги, она не терпит... неуважения.

Я пожал плечами.

— Гора не идет к Мухаммаду, Мухаммад идет к ней. Веди!

Я соскочил на землю, Альбрехт поинтересовался:

— А мы пока здесь всех перебьем и все спалим?

— Потом, — ответил я. — Сперва все разграбить надо. И молодых женщин увести. Старух оставим... В общем, ждите меня. Эй, Пауль, что застыл? Пойдем!

Лазиус вздрогнул, улыбнулся вымученно, лицо бледное, засеменил впереди, а я двинулся следом неспешно широкими шагами. Эта церемониальная лестница тянется чуть ли не от середины сада, мне показалась настолько протяженной, что вряд ли сам император по ней ходил хотя бы раз пять за всю жизнь.

Либо своим садом не интересуется, либо у него там в покоях свой роскошный сад, судя по исполинским размерам дворца.

Двенадцать широких ступеней, потом просторная площадка с огромными статуями воинов по бокам, снова двенадцать ступеней и площадка с воинами, и так просто бесчисленное количество раз, даже и не знаю, что за удовольствие подниматься по такой лестнице, хотя, конечно, это скорее символическая лестница, олицетворяет нечто важное, уклон едва заметен, даже старики не заморятся.

Лазиус сказал почтительно:

— Здесь обязательно проходят короли, которые впервые занимают трон, им нужно получить еще и разрешение императора на власть в королевстве, здесь идут послы...

— Тоже в день инаугурации? — перебил я.

Он позволил себе подобие улыбки.

— Да, ваша Громоверхность. По лестнице должен пройти каждый, но, к счастью, достаточно одного раза. Потому что даже среди королей немало людей тучных или откровенно старых.

Я пошел со ступеньки на ступеньку, откровенно досадуя, что они такие широкие, лучше бы поближе одна к другой, я бы ступал через одну, а то и через две.

— Почему только этой? — спросил я.

Он оглянулся, ухитрился на ходу поклониться, голос задрожал от страха:

— Ваша Солнценосность, умоляю...

— Ладно, — буркнул я. — На остальных что, ловушки?

С последней ступеньки вступил на площадку проleta, пол в черно-красном мраморе, геометрические фигуры, но я как самец, естественно, засмотрелся на

металлические фигуры воинов, в полтора моего роста, широкие и даже с виду несокрушимые, молчаливые свидетели моих императора.

Лазиус охнулся и отступил на шагок, даже моя ладонь дернулась в направлении рукояти меча. Обе статуи медленно-медленно повернули головы в нашу сторону, всмотрелись в меня незримыми глазами и, отсалютовав, снова замерли в прежних позах.

Он прошептал потрясенно:

— Как это?.. Что это?.. Никогда раньше...

Меня самого шевеление этих металлических истуканов пробрало до селезенки, но я здесь представляю могучих и неустрашимых завоевателей с Багровой Звезды Зла, потому проговорил с наивозможнейшей невозмутимостью:

— Какое раньше? Я здесь впервые.

— Ваша Звездонебность! Они вам отдали салют!

— Видел, — ответил я небрежно, — и что?..

Он поспешно было ускорил шаг, потому что я двинулся по лестнице уже без всякой торжественности и помпезности. Не люблю терять время, а насчет всяких условностей надо будет объявить, что Его Небесность или как ее там, сэр Ричард, превыше всяких церемоний, моды или правил, установленных давно и непонятно кем.

А если даже и понятно кем, то все равно насрать, правила диктует победитель.

— Стоп, — сказал я на втором пролете. — Что-то я слишком быстро начинаю играть по чужим правилам... Зайчик! Ко мне!.. И ты, мой Бобик!

У далекой группки моих воинов взвилась пыль, а через мгновение передо мной предстали блещущий вороной сталью исполинский аргогастр с пышной гри-

вой и таким же хвостом и могучий черный пес, одним видом способный привести в ужас армию.

Лазиус отступил в ужасе, а я, вставляя носок сапога в стремя, сказал благожелательно:

— Беги к главному зданию. Если и там охрана, пусть разбегается. Превращу в пепел, я сегодня добрый.

Он ринулся по ступенькам, быстрый и шустрый, как заяц в овечьей шкуре, а я разобрал повод, оглянулся на своих военачальников и властным жестом велел всем двигаться по моему следу. По церемониальной лестнице королей. Верхами.

Зайчик пронесся по мраморным ступеням, высекая искры широкими копытами, Бобик опередил, но там наверху заметался по широкой, как Вандомская, а то и сама Медан Мердека площади, хотя это всего лишь двор, не зная, к какому зданию метнуться.

Я придержал Зайчика и, повернувшись в седле, помахал своим рукой. Далекие фигурки, вовсю пришпоривая коней, скопом неслись по ступеням в нашу сторону.

Колонны перед главным корпусом дворца настолько широкие, что в каждой можно проложить винтовую лестницу. Поднимаются на высоту, при которой простой мрамор внизу уже должен бы рушиться под собственным весом, так что здесь либо магия, либо особая технология строительства.

На мой взгляд, в этом дворце должны жить великаны в три-четыре ярда ростом, но человечек тщеславен, старается возводить гигантское и величественное, это делает его самого великанином, пусть простому народу и незаметно... хотя вообще-то эти люди в самом деле стали великаниями, выстроив такое вот, что никто и никогда...

Лазиус прибежал, запыхавшийся и красный, как вареный рак, что вполне к цвету его костюма старшего советника младшего помощника управляющего дворцом, но теперь он уже сам генералиссимус над службами, а генералиссимусы не одеваются как попугаи, надо напомнить.

Я взглянул с одобрением, хоть и немолодой, но крепкий и поджарый, догнал меня почти одновременно с моими военачальниками, что тут же взяли нас в кольцо.

Перед нами идеально ровная широкая площадь, выложена такими плитками и с таким тщанием, что только в главных церемониальных залах королевских дворцов такое, а здесь под открытым небом...

А дальше дворцы, высотные и почти воздушные, устремленные к небу, в колоннах и с широкими окнами, так непривычными для северян.

Мне показалось, что ошеломлены даже такие суровые и невозмутимые, как Альбрехт и Норберт, не говоря уже о Максе, Паланте или Робере с Митчеллом.

Даже сэр Растер смотрит озадаченно, еще не понял, на что такое смотрит.

Я сказал властно:

— Помните о своем великом предназначении и предназначении!.. Господь смотрит и верит в нас. Поэтому с великим смиренiem принимаем заботу об этом мире, забывшем о Боге... Итак, на ваших плечах, дорогой Норберт, охрана дворца и по возможности порядок в столице. Но главное, конечно, дворец. Это целый город, сами видим. Боудеррия, возьмешься за чистку и охрану главного дворца?

Она красиво выпрямилась в седле, эффектная, с обнаженными по самые плечи руками, в кожаных до-

спехах, плотно облегающих ее рельефное тело, и двумя мечами за спиной.

— А можно, — поинтересовалась она, — лучше займусь если не городом, то окрестностями?.. Что-то просторы стали нравиться больше.

— Хорошо, — ответил я, — Каспар, конечно, с тобой?

Волсингейн заметно смущился, но кое-как проблеял:

— Сэр Ричард... если позволите...

— Хорошо, — сказал я. — Тамплиеру и Сигизмунду, конечно, самое трудное. Пройтись вон к той башне... понятно?

Тамплиер громыхнул:

— Еще бы! Башня богопротивного мага. Все разнесем... Сиг, пойдем, пока там не разбежались.

Я повернулся к Лазиусу.

— Ну, Пауль, веди в главное здание. Ты теперь генеральный управляющий. И хотя тебя просто не взяли в пещеры ввиду твоего низкого статуса, но в Библии сказано насчет последних, что станут первыми. Ты вот уже стал!

Он сгорбился еще сильнее, не похоже, что обрадовался, не все обожают перемены, я сам вообще-то из тех, кто сидел бы в тихой норке и читал книги, и чтоб никто меня не трогал, но жизнь все делает по-своему, то ли чтобы посмеяться, то ли во мне в самом деле под серой шкуркой мыши прятался лев, о котором я не имел понятия.

— А мы? — спросил Палант.

— Со мной, — распорядился я. — Все остальные со мной. Кто знает, что в этом небоскребе.

Лазиус сказал быстро-быстро:

— Вы говорите про императорский дворец?..

— Я думал, — произнес я, — здесь все его дворцы.

— Да, но в этом его апартаменты, кабинеты, залы приемов...

— Веди, — прервал я. — Ты императору объясняешь, а не крестьянину.

Глава 14

Первый зал, сейчас абсолютно пустой, просто холл, где обычно толкуются и общаются не допущенные во внутренности дворца и куда иногда снисходят зайти вельможи, что допущены.

Вообще-то не зал, а целая анфилада залов, все это холл, но Лазиус, постоянно понукаемый Альбрехтом, повел нас прямо в сердце главного дворца, не смея ступить в сторону.

В коридорах не пусто, почти у каждой двери по лакею в ливрее цветов императорского флага, иногда замечаем вдали то ли придворных, то ли служащих, но в целом, конечно, дворец покинут.

Лакеи поспешно отворяют перед нами двери, вернее, перед Лазиусом, в нашу сторону посматривают с недоумением и страхом.

Палант сказал на ходу решительно:

— Сэр Ричард, этот домик... великоват. С вашего разрешения я все-таки проверю со своими людьми боковые помещения.

— И убери местных гвардейцев, — подсказал Альбрехт. — Даже лакеев. Обойдемся пока без них.

— Сделаю, — коротко сказал Палант. — Заодно перекрою своими людьми все ходы-выходы.

Он остановился, по взмаху его руки с десяток рыцарей отделились и пошли за ним быстрым шагом, на всякий случай обнажив мечи.

Я на ходу поинтересовался:

— Лазиус, в здании дюжина, если не больше, этажей. Даже не представляю, как туда воду носят... Что там?

Лазиус торопливо семенил со мной рядом, испуганный и вздрагивающий, а голос проребезжал совсем виновато:

— Ваша Небеснозвездность, замок строился в древности! Даже император не все знает...

— А ему и не надо, — ответил я. — Он император, а не... Но вы-то знаете?

Он не уклонился от прямого ответа, лишь на ходу пожал плечами.

— Выше пятого этажа поднимается только его величество Герман Третий. Как до него поднимались его отец, дед, прадед... Потому никто, кроме самого императора, не может сказать, что там есть.

— Хорошая предосторожность, — одобрил я. — Думаю, спальня императора выше пятого?

— И даже кабинет, — сообщил он. — Личный. Но советников выслушивает на первом этаже.

— Понял, — ответил я и повернулся к топающим следом за нами Сигизмунду с Тамплиерам. — Самая опасная работа вам, друзья мои. Весь Север смотрит на вас! А церковь еще и благословляет... в спину.

Лазиус воскликнул в испуге:

— Вы... осмелитесь?

— Такие мы осмеливатели, — обронил я. — Палант... ах да, уже убежал... сэр Гастон, возьмите людей и обшарьте весь этот дворец. Потом остальные здания. Со всей тщательностью военного времени. Без эксцессов, но все же с ними, потому что время такое, мы ни при чем.

Келляве воскликнул с суровой решительностью:

— Сделаю!.. Ребята, за мной.

Его личная гвардия, громко топотча невиданными в этих залах сапожищами на двойной подошве, помчалась за ним.

Лазиус трагически вздохнул.

— Перемены, — сказал я с жестокой веселостью, — всегда к лучшему!.. Давай, Лазиус, веди наверх. Бойишься? Ладно, сами пойдем. Заодно че-нить сломаем. Мы это страсть как любим.

Он вскрикнул, как придавленный упавший деревом заяц:

— Ваша Багровозвездность!.. Я пойду, пойду, но только из-за чрезвычайных обстоятельств!

— Чрезвычайнее и не бывает, — согласился я. — Лазиус, в жизни возникают моменты, когда все правила коту под хвост. И нужно руководствоваться только здравым смыслом. У тебя с ним как?

Он промямлил:

— Не знаю, не пользовался... Прошу вас, властелины Багрового Зла, за мной...

Он повел дальше через залы, я поинтересовался на конец:

— Лестница наверх разве здесь?

Лазиус ответил упавшим голосом:

— В соседнем зале, мы уже рядом, более важное...

Двоих молодых рыцарей, гремя железом, пробежали вперед, там у закрытой двери застыли в позе истуканов двое лакеев в ярких новеньких одеждах.

Лазиус в испуге крикнул им издали:

— Открыть зал!.. Открыть зал!..

Оба несколько замедленно, тоже чувствуют нарушение, но Лазиус все же старше, потянули на себя тяжелые створки.

Даже у меня перехватило дыхание от немыслимой роскоши распахнувшегося зала. Исполинского, но без поддерживающих свод колонн, только в стены утоплены так, что выступают половинки, пол из золотистого мрамора с узорами, стены богато отделаны серебром и золотом, громадные люстры лют вниз яркий праздничный свет.

От двери прямо от наших ног тянется широкая красная дорожка к дальнему возвышению у противоположной стены, а там, двумя ступеньками выше, скazoочно прекрасный трон из слоновой кости и с высокой расходящейся вверху спинкой. Все это великолепие обильно, но с артистической изобретательностью щедро украшено золотом и драгоценными камнями.

Альбрехт шумно выдохнул:

— Это же... это да...

Норберт, Тамплиер, Митчелл, даже Растер застыли на пороге, стараясь охватить взглядом, но не в силах, невиданное для стран северного материка великолепие, роскошь и величие этого зала.

Лазиус замер в смиренной позе испуганного суслика у норки, никак не привыкнет к такому олицетворению моши империи.

Альбрехт после долгой паузы кашлянул, указал взглядом на красную дорожку.

— Сэр Ричард! Вперед и с песней.

Митчелл добавил с восторгом:

— Он ваш!

Я посмотрел на трон на том конце дорожки чести и славы, перевел взгляд на торжествующего Митчелла.

— В каком смысле?

— Садитесь, — уточнил он, — и правьте!.. А с теми, кто полезет из нор, разберемся. Там же на месте.

Я расправил плечи, жаль, не могу стать еще выше, а на цыпочки как-то смешно, ответил сухово и с достоинством:

— Разве за этим мы сюда явились?.. Сэр Митчелл, нас такие мелкие вещи... и мелкие интересы давно не интересуют.

Он захлопнул рот, улыбка медленно сползает с лица, даже по Норберту и Альбрехту видно, не врубились, чего это их вождь и ведущий так странно себя ведет, вот же трон самого императора Германа Третьего, хватай!

Лазиус пугливо посмотрел на меня снизу вверх, совсем суслик перед медведем.

— Ваша... Ваша Непобедимость?..

— Мимо и дальше, — велел я. — Мне изволится велеть представить мне кабинет императора! И рычаги правления империей.

Про рычаги никто не понял, только Альбрехт поморщился, уловил по смыслу, а Лазиус сказал трусливо:

— Да-да, ваша Звездная Мошь, прошу вас!

— Моя звездная Мошь и Трепет, — обронил я, — велит не отвлекаться на всякую хрень. И перестаньте трястись, Лазиус!.. Я не такое нечто, что с неба упало, хоть и упало, а принц аж императорской мантии, не хвост собачий! Эту мантию мне изволил пожаловать император Герман Третий. Вы что, осуждаете его действия? Вы бунтовщик? Мятежник? По ночам в лесах карбонарничаете?

Он вскинулся в ужасе:

— Ваша Звездная Мошь и Трепет в императорской мантии!.. Все в империи знают и все еще обсуждают такое необычное решение императора! Но принц императорской мантии как бы один человек, а Звездная Мошь и Трепет с Багровой Звезды Смерти...

— Человек должен быть разносторонним, — ответил я покровительственно, — и развивать в себе все таланты. Все, это не все, крючком вышивать не умею и не буду, но скромно совмещаю звучный титул принца и рядовое рабочее звание хозяина Багровой Звезды Смерти.

Он в ошелении стал еще мельче, быстро-быстро за-семенил голыми, хоть и в чулках, ножками в женских туфлях, туфли все — женская обувь, в мою сторону страшится бросить даже беглый взгляд.

Я шагал крупно, за мной катится грохот подкованных сапог и позвякивание доспехов, сдержанные мужские голоса.

Альбрехт догнал, пошел рядом, лицо задумчивое, а в голосе прозвучало некоторое сомнение:

— Вообще-то насчет принца королевской мантии, сэр Ричард, вы вспомнили вовремя.

Я хмыкнул.

— Думаете, я о ней забыл? Хотя бы взглянуть, какая это мантия!

— Здесь вам ее еще поднесут, — пообещал он. — Слышал, что она вся из золотого бархата, подбита горностаями и с длинным хвостом.

— Всего-то? — удивился я. — А я уж размечтался.

— Берите, — посоветовал он, — какая есть. Берите, берите! Здешнему народу понятнее, когда вы принц! Свой вроде бы. А что на Багровой Звезде, так вроде взбунтовавшегося вассала... Для них это лучше, чем непонятно откуда взявшийся завоеватель!

Сэр Норберт сказал из-за спины:

— Принц императорской мантии — последняя ступенька перед троном императора.

— Верно, — сказал Альбрехт. — По всем традициям именно принц императорской мантии и наследует им-

ператорскую корону и власть в империи... Ох, как вшего Лазиуса тряхнуло!

Я отмахнулся.

— Он не мой и даже не ваш. Он местный. Этим все сказано... Лазиус, это что в стене?

Впереди шагах в двух от двери прямо в мраморе горит глубоко погрузившийся отпечаток пятерни вдвое крупнее моей. Ладонь по краям светится ярко-оранжевым, в середине красное до багровости. Фаланги пальцев вдавились с разной силой, потому и горят какие-то места оранжевым, а другие всего лишь красным, а сам мрамор по краям почернел от жара и растрескался.

Лазиус ответил быстрым путливым голосом:

— Это Писториус, можете не обращать внимания. Он здесь и погиб, не успев договорить заклинание.

— Давно? — спросил я.

— Двести двенадцать лет назад, — ответил он.

— Совсем недавно, — согласился я. — Даже остыть не успело.

За спиной сдержанно гоготнули, но умолкли, когда впереди открылась роскошнейшая и невероятно широкая лестница, человек двадцать могли бы пройти в ряд, да еще и выставив локти.

Лестница из белого с примесью золотистости мрамора создает праздничную атмосферу, хотя во дворце все ей способствует, и широкий ковер из красной ткани, что покрывает ступеньки почти целиком, тоже работает на предвкушение радости и удовольствий.

— Неплохо, — сказал я, — но высоковато... Это в каждом этаже ярдов по десять?

Лазиус вскрикнул, чуя неладное:

— Ваша Небесное Величие, только в нижнем, только в нижнем!

— А выше?

— Как обычно, по пять-семь...

— Все равно высоко, — сказал я.

Альбрехт сказал подчеркнуто мощным голосом в стиле сэра Растера:

— Привести коней?

Лазиус возопил, едва-едва удерживаясь, чтобы не падать на колени:

— Ваша Звездная Грозность!..

— Что? — спросил я с интересом. — Или где-то рядом лифты? Воздыматели?

— Какие воздыматели? — возразил Альбрехт. — Они тогда совсем отучатся ходить!.. А нам, конечно, можно и на конях.

Лазиус завопил тоньше и жалобнее:

— Ваше Звездное Величие!.. Если сюда коней, дворец уже никогда не будет дворцом!

Альбрехт сказал с вызовом:

— Видали мы дворцы и получше. Сэр Ричард?

Я подумал, махнул рукой.

— Мы хорошо позавтракали, так что будем к туземцам великодушными. Пойдем пешими, как простые люди. Разомнем ноги, а то все в седлах, все в седлах... Лазиус!

Он торопливо сорвался с места и запрыгнул на пару ступенек, оглянулся, мы с усмешечками победителей двинулись следом.

Норберт шел со мной с другой стороны от Альбрехта и как-то напрягся, указал взглядом на стену.

— Сэр Ричард... Чего они...

Портреты на картинах медленно поворачивают головы, а там, где в полный рост, разворачиваются и смотрят очень внимательно. На большом батальном полотне сражающаяся группа опустила оружие, все

повернулись, а затем, что заставило наших ахнуть, те и другие выпрямились и лихо отдали воинский салют.

Лазиус пролепетал в ужасе:

— Никогда, никогда...

— Чего никогда? — спросил Норберт.

Он проговорил, заикаясь и трепеща всем телом:

— Они даже не шевелились! Но чтоб еще и отдали салют...

Я под их взглядами на ходу пожал плечами и ответил как можно небрежнее:

— Мне теперь все отдают салют. Даже отражение в зеркале.

Лазиус, пригибая голову, словно вот-вот грянет гром небесный и весь дворец рухнет ему на голову, испортив такой нарядный парик, поспешил вверх по ступенькам, прыгая по ним, как суетливый бурундук.

Глава 15

За все время не встретили ни одного человека, дворец пуст, это Лазиус самоотверженничает, без лести предан, а остальные ведут себя как настоящие демократы, хотя мои соратники назвали бы их поведение иначе.

Открылся огромный зал, размером с помещение кафедрального собора, но украшенный картинами, статуями, барельефами и прочим искусством так, словно это музей изобразительно-этнографического творчества.

Но все-таки кабинет, видно по массивному столу, приютившемуся в дальнем углу, кроме чернильницы из малахита и связки гусиных перьев в хрустальном стакане ничего, даже стопки бумаг. Впрочем, императору подносят их только на подпись...

В трех шагах от стола роскошный камин на полстены, дивное произведение искусства, хотя золота многовато, утяжеляет композицию, на мраморной полке сверху расписные вазы, дух захватывает от их изящества... ну, наверное, захватывает. У меня, к примеру, точно нет, это я пытаюсь понять, как действует эта помпезность на спесивых дураков, что пускают пыль в глаза гостям в своих дворах точно так же...

На стене над камином огромный портрет императора, сделан явно давно, судя по рамке из червонного золота, так что Герман Третий сейчас должен быть дряхлым старцем...

В центре зала еще один стол, длинный, на двенадцать персон, окружен креслами с высокими спинками, явно для заседаний в узком кругу. Так что не надо начать того, что сюда только император в одиночестве.

Все остановились у порога, а я по-хозяйски прошелся по мягко пружинящему толстому ковру. Стол императора громаден, весь из ценных пород дерева и отделан украшениями из серебра и золота, одно роскошнейшее кресло по ту сторону, одно по эту, и тоже такое уютное, что, думаю, сразу тянет соснуть в нем и блаженстве.

— Я предпочел бы другой кабинет, — провозгласил я в пространство, — даже в другом здании, но... сообразуясь с чрезвычайной обстановкой, исходя из целесообразности и государственной необходимости международного положения...

Альбрехт сказал почтительно от двери:

— Распоряжения исходят отсюда, народ привык.

— Императоры меняются, — подтвердил я важно, — власть неизменна... Э-э, народ, можете подойти, не вдарю.

Военачальники, хмуро посмеиваясь, ввалились в кабинет, нарочито топая и громко разговаривая, а Лазиус подбежал и произнес дрожащим голосом, едва не плача:

— Ваша Солнцеверхность... все как вы скажете!.. Только ничего не ломайте!.. Здесь же работы лучших мастеров империи!.. Годами трудились над каждой деталью...

— Вернитесь к своим обязанностям, — велел я.

— Да, Ваша Багровозвездность, все как скажете!

— Но только, — уточнил я властно, — уже не младшего, а старшего, как я изволил соизволить повысить и вознести. И объявит всем, что жизнь продолжается. Изменений пока не предвидится! Пусть все вернутся к своим обязанностям.

Альбрехт добавил многозначительно:

— А то...

Его рука скользнула к поясу, где торчит изящная рукоять кинжала. Лазиус попятился и так задом выпятился за дверь, где наши воины тут же ее захлопнули за ним.

Альбрехт повернулся ко мне, лицо невозмутимое, поинтересовался, чуть приподняв бровь:

— Изменений... в самом деле?

— Пока, — напомнил я. — Дорогие друзья, пока никого не грабим, никого не насищаем, но женщины здесь очень распущенные, так что вам разрешаю не отбиваться от их домогательств. А сейчас прошу к столу, первый военный совет с переходом в политическо-экономическую плоскость проведем здесь. Общественно-религиозные моменты пока оставим.

— Великий момент, — произнес граф Келляве с удовольствием и оглянулся: — А где сэр Растер?

Альбрехт спросил сухо:

— А он зачем?

— Напомнил бы, — пояснил Келляве, — что после слов «прошу к столу» всегда пир... большой пир!..

— Пир нам только снится, — отрезал я. — И вечный бой!.. Ага, загорелись глазки... Вечный бой другого плана. Нет-нет, объяснять не буду, долго и нет времени. Все ощутите на своей шкуре. И охнете, какая на самом деле у вас тонкая и ранимистая.

Они рассаживались шумно и двигая креслами, слишком шумно, но разве что Альбрехт с его чутьем и житейским опытом поймет, что все несколько подавлены величием дворца и этого кабинета, как размерами, так и пышностью, потому и шумят больше обычного, выказывая, что их тут ничто не смущает.

Я взглянул на него, он тут же поклонился и, поднявшись, сказал с озабоченностью в голосе, хотя лицо оставил каменно-неподвижным на случай, если кто внимательно наблюдает издали:

— Сэр Ричард, отряд маловат.

— У нас армия, — напомнил я.

Он сказал тихо:

— По здешним меркам отряд. Императорский дворец крупнее наших городов!.. А сама столица?.. Почти королевство! Наши растворяются, как ложка меда в бочке горячей воды. А надо бы взять под контроль не только дворец...

— И не медлить, — добавил Норберт. — Но, думаю, граф Максимилиан фон Брандесгерт уже установил контроль над всем городом, а у всех ворот поставил свою стражу. Нашу стражу.

— Он быстрый, — сказал Палант, — как хорошая хозяйка на кухне. У него всегда все получается!

— Они с сэром Ричардом, — обронил Альбрехт самым многозначительным голосом, — пришли из одних мест...

Митчелл сказал недовольно:

— Да что вы все о дворце, о городе... Нужно отыскать норы, куда ушел император, а сверху навалить еще камней! В пещерах сидеть будут до последнего, пока не начнут заканчиваться запасы еды и воды, но, думаю, месяц-два у нас есть. Все-таки подождут, пока, по их меркам, Багровая Звезда наловит пленников побольше, потом начнет и закончит рушить, после чего уйдет в небо.

Я внимательно слушал, а когда все умолкли и устались на меня, я изрек:

— Все верно, мы должны ждать удара с любой стороны. Сейчас все попрятались, выждают.

Альбрехт сказал строго:

— Сэр Ричард, народу в городе все равно больше, чем вся наша армия. А когда начнут возвращаться остальные... Да во дворце, как сообщил сэр Норберт, в дальних корпусах уже отыскалось несколько сот человек...

— Слуги? — спросил я.

Он произнес несколько ядовито:

— Не только. Похоже, императорские пещеры не настолько вместительны, чтобы захватить с собой весь двор.

— Еще бы, — ответил я, — в минуты опасности нужнее брать с собой императорскую гвардию, чем никому не нужных придворных. А также побольше баб, детей, а самое главное — запас еды и питья хотя бы на месяц. Так что оставшихся хоть и остерегайтесь, но могут оказаться полезными. Все-таки император их бросил на гибель...

— Сыграем на этом?

— Да, — подтвердил я. — Примитивное чувство благодарности должно перевесить. Все учитывайте! Но все равно будьте настороже.

Он кивнул.

— Хотя понимают: их император просто не мог поступить иначе.

— У всех у нас чувства идут впереди понимания, — напомнил я, — а у людей примитивных так и вовсе.

В коридорах то и дело слышен стук подкованных сапог, младшие командиры бегом водят за собой отряды гвардейцев.

Норберт перехватил мой взгляд, сказал вежливо:

— Сэр Ричард, слуг внизу я велел не менять, комнаты все проверены, осталось расставить свою охрану во всех коридорах, лестницах и на галереях, опоясывающих изнутри высотные залы.

— Больше обращайте внимание на периметр, — сказал я. — У входа на личные этажи императора пары крепких парней достаточно. В коридор еще двух, пусть открывают и закрывают двери, а заодно и бдят в пока еще чужом и враждебном месте. А в остальном сами справимся! Моя рука удержит меч.

В коридоре послышались голоса, стук тупыми концами копий в пол. Альбрехт вышел, некоторое время там спорили, наконец дверь распахнулась, он появился и провозгласил почтительнейшим тоном:

— Ваша-Небесная Суперзвезда, летающая выше облаков, позволит ли мне...

— Давай, — прервал я, — позволяю.

Он чуть отступил в сторону, пропуская в кабинет очень немолодого человечка невысокого роста и в огромном напудренном парике, чьи длинные в крупных локонах уши свисают до середины груди, в зеле-

ном костюме цвета молодой лягушки с множеством вытачек, фижмочек и в похожем на взбитые сливки просто непомерном белоснежном жабо на груди.

Ноги от колен и ниже в белых чулках, Альбрехт за его спиной взглянул на меня и едко усмехнулся. Еще не привык, что мужчины здесь ходят без штанов, ноги голые до колен, хоть и в женских чулках, это же отвратительно и стыдно, а что обут в какие-то женские башмачки, а не в добродушные сапоги со шпорами, так вообще позор.

Я спросил в нетерпении:

— Вы кто?

Он ответил слабым дребезжащим голосом:

— Джеральдер Реквильд, советник его величества императора Генриха Третьего...

— Почему здесь? — спросил я, уже предчувствуя ответ.

Он ответил тем же дрожащим голосом:

— Все, кто мог, спустились в пещеры... Еще неделю тому. Как только Багровая Звезда появилась в небе так... крупно... А вы, благородный сэр... кто?

— Ричард Длинные Руки, — произнес я с долей нужной напыщенности, — принц императорской мантии, которую мне пожаловали его величество Герман Третий. А также император Северного континента. Не всего формально, но по сути...

Он пролепетал:

— Но ваше величество...

— Катастрофы не будет, — прервал я. — Багровая Звезда сперва, к счастью для вас, обрушилась на северные королевства. Конечно, как патриот Юга вы рады, верно?..

Он запнулся с ответом, но взгляд выпученных глаз продолжает обшаривать мое каменное неподвижное лицо.

— Но, ваше высочество... Ваше императорское величество...

— Отвечаю, — перебил я. — Мы дали бой, врагов истребили, а сама Багровая Звезда захвачена, как трофейный обоз противника... А этому вы рады и не рады, верно?.. Не только принц императорской мантии, но и Властелин Багровой Звезды Смерти, что как бы уже зело чересчурно? Это вносит некоторые мелкие корректизы во взаимоотношения с империей Германа Третьего, не так ли?

Он снова запнулся, в самом деле однозначно не ответишь, если патриот, хотя откуда на Юге патриоты, глаза выпучились еще больше, даже рот в изумлении приоткрылся.

Я думал, умрет от таких потрясающих новостей, но он кое-как собрался с силами и прошептал:

— Но... как...?.. Никто и никогда... даже Великие Маги...

— Это неважно, — перебил я в подчеркнутом императорском нетерпении. — Я сам Великий маг. Даже Сверхвеликий из Величайших живущих и когда-либо живших. Милостиво назначаю вас главным до прибытия императора. Пошлите за ним гонца. А сейчас постарайтесь наладить бесперебойную работу всех систем. Лазиус уже старается, есть тут такой, но вдвоем дело пойдет быстрее.

Норберт сказал мрачно:

— Для крестьян, думаю, мест в пещерах не нашлось, а из ближайших лесов вернутся в деревни тут же.

Альбрехт уточнил:

— Как только узнают, что Багровая Звезда не станет все крушить.

— И поверят, — досказал Митчелл со скептицизмом. — Я бы не поверил. Власти всегда врут.

— Вот-вот, — сказал я строго. — Первым делом доставка продовольствия в такой громадный мегаполис. Одновременно усилить охрану правительственныеых и прочих объектов, включая дома богатых граждан.

Альбрехт подсказал сбоку:

— Мародеров казнить. На месте.

— Да, — подтвердил я. — По факту.

— Возобновить работу всех служб, — сказал я. —

А то в говне утонем. Кто говном занимался?

— Младшие маги, — подсказал советник. — Однако, ваше величество... это все работало... канализация тоже, и без них. Дворец сам по себе. Даже ремонт... Как бы раны затягиваются.

— Хороший уровень, — одобрил я, не поведя бровью. — Знакомо. Знавал баронов, у которых замки этой модели. У императора все должно быть на уровень выше. А то и на полтора.

Советник сказал с великим почтением:

— Ваша Звездная Небесность...

— Сэр Джеральдер, — сказал я величественно, он понял, поклонился и торопливо засеменил к двери.

Альбрехт сказал с облегчением:

— Хорошо, пусть работают, а то мы дров наломаем. Сэр Митчелл, вы слыхали? Ни во что не вмешиваемся!.. Только наблюдаем за порядком да женщин выслушиваем.

— Я женат, — возразил Митчелл с достоинством. — А жена у меня ангел. Хотя, конечно...

Но глазки его плотоядно блеснули, даже грудь раздул, как петух перед курами. Норберт, раскинув руки, начал выпроваживать всех в коридор. Альбрехт кивнул мне и вышел последним.

Часть вторая

Глава 1

И

з кабинета одна дверь в коридор, другая во внутренние покои, проход узкий, отделан светлыми породами дерева с обязательной золотой вязью, под потолком светильники, еще две двери по сторонам, а в конце, как понимаю, императорская спальня.

Я толкнул дверь спальни, осмотрелся с порога, не люблю неожиданностей, это они сами на меня наряжаются. Огромный зал, широкая кровать с красным балдахином в центре, шторки из шелка оранжевого цвета, зал весь в спокойных тонах, как светло-коричневый пол, так и стены, лишь потолок темный, имитация неба, даже звезды вон блещут, но, как по мне, такое не успокаивает, мне было бы тревожно спать под открытым небом.

Да и вообще я бы лучше в каморке на диванчике, чем посреди зала. Хотя император даже спать вынужден в присутствии вооруженной стражи, что берегут его сон, а заодно и жизнь.

Три зеркала на стене, одно в рост человека, два по бокам поменьше, но все в разном стиле, по моей спине пробежал предостерегающий холодок. Если бы делали для императора, то

все было бы иначе, а так заметно, что привезены из разных концов империи, а это значит, очень непростые...

Зеркала не люблю и даже побаиваюсь. Даже в обычных есть что-то магическое: там тоже я, только лево-поворнутый, словно эволюция в другой вселенной повернула молекулы в другую сторону.

Но то обычное, а хватает и необычных, начиная от самых безобидных, что показывают тебя либо постаревшим, либо в других местах, либо вообще ты почти не ты, а странный чужак, отдаленно похожий на тебя.

Но это еще безобидные, а сколько зеркал-порталов, через которые можно перемещаться.

Я подошел к тому, что выглядит наиболее безобидным, и, приложив ладонь к холодной поверхности, долго всматривался в человека в моей одежде, но с обручем на лбу и странно пылающими оранжевым огнем глазами.

Он ничего не делал, только повторял мои движения и гримасы, но от этого мне стало в конце концов не по себе, и я отнял ладонь от холодной поверхности.

Почудилось или на самом деле потребовалось усилие, словно ладонь то ли приклеилась за это время или же ее удерживал некий животный магнит?

В кабинете императора походил взад-вперед в нетерпеливом раздражении, ни карт, ни каких-то государственных бумаг, это уж чересчур, к счастью, из коридора вошел Альбрехт, сказал с порога:

— Ничего, что мы без доклада?

Я отмахнулся.

— Все со временем, а сейчас мы пока что на военном положении и в полевом лагере. Как наши?

За Альбрехтом в кабинет вошли Норберт, Митчелл, Келляве, Норберт на ходу доложил:

— Город под контролем. Как и дворец. Сопротивления никакого, да и кому это нужно, когда вот-вот все погибнет? Нами почти не интересуются. Трезвых почти нет... но слугам, похоже, напиться так и не дали.

— «Титаник» ушел на дно с играющим оркестром, — буркнул я. — Политинформацию с населением еще не провели? Освобожденные и спасенные существа еще не знают, кого в жопы целовать?

Он взглянул на Альбрехта, тот кивнул, признавая свою зону ответственности.

— Лазиус и Реквильд, — сообщил он, — уже ведут работу, вылавливая тех, кто может начать работать прямо сейчас. Но вообще, мой лорд, дворец постепенно оживает.

— Народ приходит?

Он скрупульно улыбнулся.

— Пока те, кто здесь же прятался по углам. Или уединялся, как тут говорят. Почти все пьяные вдребезг...

Сэр Митчелл спросил жадно:

— А женщины? Что насчет женщин?.. Это я так, просто интересуюсь.

— Тоже выползают, — сообщил Келляве снисходительным тоном. — С помятыми крылышками, обалдевшие, ничего не понимающие... но до чего же мягкие!.. И пахнут так сладко, с ума сойти...

— Все прятались, — сказал Норберт с пониманием, — чтоб не видеть и не слышать, как мир гибнет. Женщины сейчас сбиваются в стайки, шушукаются, но от нас разбегаются, как куры от лис.

Альбрехт сказал суховато:

— Молодцы. По домам не спешат, значит, стараются первыми понять, что изменилось и как. И первыми ухватить то, что можно ухватить. Вот Митчелла

уже хватали, но он держится... Я бы на его месте не смог. Сэр Ричард?

Я пожал плечами.

— Вылавливайте всех, кто напрашивается на службу.

— Но проверять будем тщательно, — сказал Норберт сдержанно.

— Само собой, — согласился я, — мало ли кто, зачем и с какими целями... Нас капля в море, мы должны только править, а не работать. Хотя править бывает труднее, чем работать, но кто об этом знает?

Норберт поинтересовался:

— Вам что-то нужно в данный момент?

— Да, — ответил я и пояснил: — Карту.

— Карту города?

— Нет, — ответил я с быстро растущим раздражением. — Королевства, империи, а лучше всего мира!.. А я буду смотреть в нее барабанным взглядом, ничего не соображая, зато со стороны будет казаться, что мудрый отец народа бдит и видит... и весь в заботе о благе!

— И видит дальше нас, — досказал Митчелл, тут же добавил: — Хотя в самом деле видит дальше, пусть и сам не понимает что. Но кто понимает?

Сэр Гастон пожаловался:

— Потому что мы еще ничего не видим! Тут слишком много всего. Глаза разбегаются, можно и просмотреть что-то важное.

— Не старайтесь все ухватить, — посоветовал я. — Помните, они богаче, но не лучше!..

В дверь заглянул часовой из отряда Норберта, во дворце и даже во дворе только его люди.

— Сэр Ричард, — сказал он громко, явно гордясь, что и он может называть меня просто «сэром Ричардом», а не его величеством, — тут обед принесли... Гнать или впустить?

Я махнул рукой.

— Как раз вовремя.

Альбрехт оглянулся на солнце на окном.

— Время обеда?

— Для обеда всегда есть время, — отрезал я. — Вели заносить! Да побольше, пусть думают, буду есть не один.

За спиной Митчелл сказал тихонько, но так, чтобы я услышал:

— Вот гад, а?.. Будет жрать, а мы смотреть в почтении, как здесь принято. Император жрет, а придворные взирают и благоговеют. Мол, хорошо ест, империя в порядке.

Келляве ответил тихо:

— Сэр Митчелл, вы, как всегда, узнаете везде самое важное?

— Точно, — подтвердил Митчелл. — А еще узнал, где тут винные подвалы!

Двери распахнулись, вдвинулся слуга в ливрее, руки в белоснежных перчатках, держится за ручки носилок, на них блюдо с осетром в ярд длиной, с той стороны рукояти носилок в руках слуги, что просто близнец первого как по одежде, так и по росту, лицу и сложению.

Осетр не просто осетр на блюде, а произведение поварского искусства, плюс изысканный дизайн в виде красных, черных и оранжевых шариков по горбатой спине, хвост украшен блестками, а головы не видно под толстым слоем чего-то печеного, жареного, где угадываются слои крема с тоненькими пластинками печенья.

Медленно шагая, с невозмутимыми и ничего не выражавшими лицами прошли к столу, за ними еще двое в одежде придворных.

Норберт насторожился, а Митчелл сразу опустил ладонь на рукоять меча, но слуги остановились по ту сторону стола, а придворный взглянул на меня с вопросом в глазах.

Понятно, я должен указать на место, откуда вырежет кусочек и серебряными щипцами переложит мне на блюдо, а этого великолепного осетра унесут, где сосярут то ли слуги, то ли сами придворные. А потом привнесут на других носилках другое блюдо, третье... десятое, и всякий раз будут отщипывать для меня кусочек, хотя какие-то я небрежным взмахом багровозвездной дланi буду пропускать мимо, не удостоив.

— Ого, — сказал я, — эта рыбешка вроде бы хороша. Перекладывайте на стол!.. Да-да, всю. Не видите, сколько тут голодных ртов?

Придворный, уж и не знаю его должности, слегка опешил, но, не показывая вида, властным жестом велел переставить серебряное блюдо с осетром на мой стол.

Я не успел жестом отпустить их, сами поспешно ушли, а я взял нож и двузубую вилку в руку, жадно втянулся ноздрями одуряющий аромат.

— Как же пахнет... А вы там приступайте, приступайте! Правда, придется руками и когтями, разве вы у меня не звери?

Альбрехт прислушался, качнул головой.

— Похоже, нас слушают. Уже везут.

Дверь распахнулась, вкатили сияющий серебром столик на колесиках. Альбрехт угадал: на белых накрахмаленных салфетках горки столовых ножей, вилок и ложек разного размера, а также лопаточки от широких до самых крохотных.

Слуги поглядывают опасливо, по их бесстрастным лицам даже непонятно, рады ли, что неминуемая ги-

бель их мира, а с ним вместе их гибель тоже миновала. Или еще не сообразили, не ощутили, что наше появление, хоть и захват императорского дворца, но в то же время есть спасение их жизней.

Я отхватил себе лакомый кусок, но не успел отправить в рот, как к осетру потянулись ножи и вилки.

Альбрехт заметил с иронией:

— Впервые за императорским столом. Стол сэра Ричард ни в какое сравнение...

— И кормят императора неплохо, — согласился Норберт. — Сэру Ричарду и не снилось.

— И живет прилично, — сказал Митчелл, — не то что сэр Ричард в каких-то собачьих будках.

— И женщины тут весьма, — сказал Палант, — а наш сэр Ричард перебивается служанками.

Я гаркнул:

— Всем жрать!.. Ишь, знатоки и ценители зарубежного образа жизни!.. Зато у нас устои и правильные взгляды, а здесь все разлагается и разлагается!

— Вот уже пять тысяч лет, — поддакнул Митчелл и облизнулся. — И как жутко доразлагалось...

Альбрехт и Норберт даже здесь сели рядом, один от меня справа, другой слева, Норберт, умело работая ножом и вилкой, доложил серьезно:

— Дворец громадный, строили его даже не знаю как, закоулков много. Побаиваюсь, что все обшарить не успели, потому в единственном коридоре, что ведет к вашим покоям, стражи будут всегда. Думаю, император так и планировал для себя.

— Слуги и придворные, — добавил Альбрехт, — местные секреты выкладывают охотно. Мне кажется, дело не в отсутствии преданности императору...

— Сэр Альбрехт?

Он уточнил:

— И даже не в том, что мы спасли их...

Митчелл сказал в раздражении и обиде:

— Эти сволочи не верят!..

— Что вы с Севера?

— Это по нам видно, — заявил он с достоинством. —

Мы же красивые и нарядные, а не верят, что Багровая Звезда уже наша, рушить ничего не будет. Я им указывал на вершину Маркуса, он как гора, хорошо видно отовсюду, а мне говорят: чудовища со звезд набирают пленных, а потом Багровая Звезда поднимется и всю землю перемешает!

Он от огорчения даже нож с вилкой опустил, но рядом смаочно чавкает Палант, и Митчелл торопливо отрезал себе кусок побольше.

С осетром мы не закончили, двери распахнулись, вбежало с полдюжины слуг, а за ними величаво вошли те же двое с носилками, надменные и с непроницаемыми лицами, на широком поддоне с четырьмя длинными ручками красного цвета высится нечто огромное с блестящей коричневой корочкой, утыканное блестящими спицами, а вокруг нечто типа зажаренных куропаток.

Волна хорошо прожаренного мяса со специями и горькими травами шибанула с такой силой, что Митчелл тихонько взмыл.

Слуги моментально убрали все со стола, старший поклонился мне, я не стал выбирать, а тем же властным жестом велел переставить вепря на стол. Целиком. Вместе с букетами цветов, торчащими из пасти и задницы.

Церемониймейстер, не выказав изумления, кивнул слугам, двое за его спиной быстро выдвинулись вперед и, ловко ухватив блюдо с вепрем, передвинули с носилок на освободившуюся середину стола.

Альбрехт злорадно улыбнулся, отработанную столетиями церемонию мы нарушили здорово, видно по суматохе среди слуг. И хотя действуют быстро, но не слаженно, хотя нам все здесь только повод поскалить зубы.

Вепря раздирали жадно и нарочито грубо, Палант громко чавкает, Митчелл взглянул с завистью и постарался перечавкать, пусть все видят и ужасаются мужеству и свирепости северных варваров.

— Поверят, — ответил я Альбрехту с запозданием, — чувство ужаса перед нашей мощью будет расти...

— А чувство благодарности?

Я отмахнулся.

— В конце, у некоторых, да и то сла-а-абенькое... Ух ты, что это напихали ему в задницу?

— Что-то съедобное, — определил Альбрехт. — Вроде мелкие птички, зажаренные отдельно. Не думаю, что отравлено.

— Отраву чувствую, — напомнил я. — Издали. Так что насыщайтесь спокойно, хотя покой нам только снится. У меня настроение портится, как только вспоминаю здешних магов.

— Думаете, не справимся?

Я поморщился.

— Здесь мир на магии. Я имею в виду экономику, а не гребаные файерболы! С файерболистами я бы одним мизинцем левой ноги.

Он ел молча, обдумывает, еще не увидел проблему во весь рост, но по моему настрою понимает: задачка еще та, мечом и Маркусом не решить...

За моей спиной двое слуг держат в руках подносы с золотыми кубками, третий принес такой же золотой кувшин и замер в недвижимости. Старший, как я понимаю, по напиткам взял у него кувшин, налил в ку-

бок, медленно отпил, прислушался к ощущениям, все в это время не отрывают от него взглядов, брякнется или не брякнется с пеной у рта на пол, наконец он кивнул, налил в другой кубок и с поклоном поставил его передо мной.

Я поморщился, без всякой магии можно приучить организм к невосприимчивости к каким-то ядам, что убьют других, так что такая должность просто чушь собачья.

— Кубок сюда, — велел я и указал на свободное место на столе, — и еще вина... Чтобы хватило на всех.

Не меняя выражения лица, он повернулся, кивнул, слуга у дальней двери тотчас же исчез.

Глава 2

Лазиус от двери внимательно следит, как слуги вносят блюдо за блюдом. По его виду я прочел: не всех удалось отыскать, некоторых срочно заменил, но в целом пока что удается соблюдать порядок почти в таком виде, в каком отработано здесь за сотни лет.

Он же сказал вполголоса:

— Десерт.

И тут же в распахнутые двери начали входить такие же одинаково одетые слуги с носилками в руках, на каждого по торту размером в половину человеческого роста, что едва помещаются на золотых блюдах диаметром с колесо повозки.

Перед глазами зарябило от темно-шоколадных, нежно-белых, розовых, оранжевых, они проходили мимо, останавливаясь у стола на мгновение, наконец я кивнул:

— Этот.

Уже не переспрашивая, его переставили на стол целиком, только Митчелл проводил взглядом удаляющихся с остальными тортами.

— А те куда?

— Отдадут слугам, — сообщил я. — Митчелл, лопай, что дают. А то и ты станешь буржуем.

Он не стал спрашивать, что такое буржуй, отхватил кусок от пирамиды и переложил на свою тарелку. Альбрехт, сориентировавшись быстрее других, взглядом велел слуге наполнить ему кубок.

Темно-красная струя полилась красивой дугой, я ощутил изысканный и в то же время сильный аромат старого выдержанного вина.

Остальные тоже кто жестом, кто рыком велели налить им тоже, только Митчелл, нимало не церемонясь, выхватил у слуги кувшин и наполнил себе и сидящему рядом Паланту.

— Ваша Небесность, — сказал Палант, — а вина здесь изысканнее!

Я поморщился.

— Что за «Ваша Небесность»?.. Это умаление моего несравненного величия. Потому повелеваю обращаться ко мне просто «сэр Ричард».

Альбрехт проронил:

— Да, чувствуется шик.

Растер прогрохотал победным голосом:

— И сразу видно, императоров и королей много, а сэр Ричард один!

Палант воскликнул в негодовании:

— Что, и южники будут вас так именовать?

Военачальники протестующе загудели. Я вскинул руку с бокалом вина:

— Для всех сражавшихся со мной я сэр Ричард. А местные... пусть именуют, сообразуясь со своей фан-

тазией и чувством вкуса. А у вас будет еще одна возможность поржать. Это важно для правильного пищеварения и подъема сельского хозяйства.

Растер осушил кубок, Митчелл тут же наполнил старшему другу и наставнику, Растер тяжело поднялся и подошел со спины ко мне.

— Сэр Ричард, теперь за истребление магов?

Я поморщился.

— Мало ли что мне хочется, сэр Растер.

Он прогромыхал:

— Но это же наши враги?

— Не всех врагов нужно уничтожать, — сказал я, — сразу. Мы же взрослые, сэр Растер! А это значит, что как бы мудрые. Или хотя бы умные. Хоть в чем-то. Лучше в важном, что у нас почему-то редко.

— Сэр Ричард?

— Здесь, — объяснил я, — на магах все держится! Экономика, политика, благосостояние... Уничтожить одним махом башни Великих Магов можно...

— Вместе с их хозяевами!

— Вместе с их хозяевами, — согласился я. — Но что это даст стране и сельскому хозяйству?.. У Великого Мага сотни помощников в его крепости и тысячи по королевству, что лечат народ, улаживают конфликты, следят за тем, чтобы все были сытыми и счастливыми... Перебив магов, мы готовы все это обеспечить сами вот так сразу?

Альбрехт произнес холодным трезвым голосом:

— Мне кажется, сэр Ричард не сможет уничтожить все Башни Магов разом, не уничтожив и само королевство.

Норберт договорил:

— А если раздрызнут первую из Башен Магов, остальные маги просто разбегутся и начнут против нас долгую затяжную войну...

— Всех вобъем в землю по ноздри! — вскричал сэр Растер.

— И получим после победы разоренную страну, — заметил Альбрехт холодно. — Где и населения не останется...

Митчелл сказал по-хозяйски:

— Захватывать надо богатые страны. Чтобы грабить и грабить долго.

— Есть древняя поговорка, — сказал я, — силой можно привести коня к водопою, но заставить пить не получится. Да, мы можем с помощью Маркуса одним ударом стереть с лица земли всю империю или все империи континента... И что?

Митчелл буркнул:

— Победа!.. Но, правда, какая-то... Когда насиливать некого, как сразу точно и мудро указал наш вождь, какая это победа?

Я поморщился, хотя чего кривиться, слова великих всегда перевирают, сказал властно:

— Мы должны установить свое доминирование! Если понадобится, силой, однако лучше не ввязываться в войны, где точно проиграем.

С той стороны стола громко охнул граф Келляве:

— А Маркус?

— Маркус, — пояснил я, — это наше бессилие. Маркус не поможет победить, он попросту уничтожит. Уничтожение противника... это не победа!

— Точно, — поддакнул Митчелл с восторгом, — насиовать мертвых... бр-р!.. И не заставляйте, хотя надо, знаю.

— Не будет мертвых, — напомнил Альбрехт холодно. — Маркус перемешает землю на несколько ярдов в глубину. Так что да, побеждать надо как-то иначе, вот только нас отборная горстка, а их тут сотни тысяч...

— Миллионы, — уточнил я. — Десятки миллионов, если не сотни. Юг после прилетов Маркуса быстрее Севера восстанавливался и заполнялся людьми. Так что в открытом бою у нас нет шансов. Мы сильнее, но растворимся среди побежденных. Придется постоянно напоминать про Маркуса за нашей спиной, а это как-то нехорошо и даже неприлично...

Альбрехт произнес холодно:

— Зато сработает. Вы же политик, сэр Ричард.

— Ага, — огрызнулся я, — конечно, вы все чистые и благородные, а я вот политик! Мне на руку написано лгать, угрожать и обманывать, это профессиональное, как вы только за один стол со мной садитесь!

Волсингейн сказал пугливо:

— Попробовали бы не сесть...

— Да уж, — подхрюкнул Митчелл и зябко передернул плечами. — Все самое вкусное вам подают!.. Поэтому что мы кто, а вы ваше Небесное Величество, ваша Солнечность и Сокрушитель Звезд...

Я прервал властно:

— Победитель филигонов не нуждается в титулах. Для соратников-северян остаюсь сэром Ричардом. Любые титулы запрещены.

Альбрехт сказал веско:

— А для южан «сэр Ричард» станет привилегией.

— Высокой привилегией, — уточнил сэр Норберт.

— И редкой, — добавил сэр Палант ревниво. — Нечего им! Ишь... А то!

Я смолчал при таком единодушии, ладно, пусть будет и такое разделение. Нельзя нам слишком быстро смешиваться с практически покоренным народом. Вон французы почти двести лет держались, пока местное население диких англосаксов не проглотило завоевателей, после чего Англия вернулась к английскому языку.

Я покинул пир в самом разгаре, это значит, когда все уже наелись, а дальше началась пьянка и хвастовство, как каким ударом вот так, а каким вот эдак.

Сэр Лазиус следит от двери за пиরующими и время от времени подает в коридор знаки дежурящим слугам, а те приносят то рыбу, то мясо, а потом начали приносить только мясо, все-таки пирут мужчины, и с каждой выпитой чашей вина все мужчиннее и отважнее, а их удары в прошлой битве разносили вдребезги скалы.

Бобик, разрываясь между острым желанием продолжить пир под столом, куда ему бросают жирные куски мяса, и преданностью хозяину, с ним весело, горестно вздохнул и побежал за мной.

Я остановился на выходе из зала, похлопал по широкому, как у Сократа, лбу.

— Оставайся, разрешаю. Я просто постою на крылечке, подумаю, а это тебе неинтересно.

Он радостно взвизгнул: как хорошо, когда хозяин принимает то решение, которое и самому хочется принять, — подпрыгнул и, развернувшись в воздухе, моментально исчез.

За спиной послышались шаги Альбрехта, он сказал с иронией:

— От нас не уйти, мой лорд.

— Знаю, — согласился я. — Такая уж у меня доля сатрапа.

Мы миновали празднично разукрашенный холл, хотя вообще-то он всегда такой, дальше широко распахнутые ворота в солнечный мир такого же праздничного необъятного двора, где ликующе блестят чисто вымытые магией мраморные плиты двора.

Я остановился на верхней ступеньке, что в длину где-то около сотни ярдов, как и все остальные, уже и ступеньками не назовешь, а ступени или ступенищи.

Рядом встал Альбрехт, я думал, помолчит для важности, но он сказал с нажимом:

— Мой лорд, армия ждет указаний.

Я повернулся к нему.

— За накрытым столом?

— Они скоро встанут, — напомнил он, — а вы не готовы.

— Не готов, — согласился я. — Мы победили в величайшей из битв, но в великой радости, кто бы подумал, много печали... Красиво погибнуть просто, но мы рискнули, выиграли высшую ставку и получили весь мир... но что с ним делать?.. Я в самом деле не готов. А кто готов?

— Надо грабить и насиловать, — сказал он глумливо, изображая сэра Растера, — в духе истинных рыцарских доблестей!

Я сказал со вздохом:

— Ладно, решим. Император еще долго просидит в самых глубоких пещерах. Багровая Звезда Зла не сразу рушит землю, а сперва должна наловить спрятавшихся людышек...

За спиной послышались грубые сильные голоса, уже только по ним угадываются наши, южане разговаривают так, словно нежно чешут тебе спинку.

Мы и не оглядывались, рассматривая необъятный двор с изредка пробегающими по нему слугами, все ярко и празднично, только народа на этом празднике маловато.

Голоса приближаются, как и мощный топот мужских подкованных сапог, донесся вдохновенный голос Митчелла:

— Хорошо, никто раньше меня не додумался до производных от Маркуса!.. А это какое нетоптаное поле!

Другой голос, Паланта, подхватил ликующе:

— Точно, Митчелл!.. В самом деле... не лучше ли — его величество Маркусность!..

— Маркусийство, — подсказал Волсингейн, судя по голосу.

— Маркуйство, — предложил граф Келляве и пояснил: — Народ всегда сокращает, а мы разве не народ?

— Маркушество, — сказал Митчелл. — Так солиднее.

— Маркусичество, — сказал Палант, подумал, отмахнулся. — Нет, что-то не совсем... Лучше Маркусячество... Или Маркусинство. Маркусячность?

Я обернулся, на меня смотрят веселые и растянутые до ушей в улыбках лица, довольные и пьяные.

— Чтоб эти ваши мудрствования, — велел я строго, — дальше вашей пьяной компашки не вышли!

— Не любите вы людей, — сказал Митчелл с укором. — А как же насчет мудрости народной?

Я окинул их острым взглядом.

— А где Сигизмунд, Тамплиер, Макс?.. Ага, поняли?.. Мудрость распределена неравномерно, сейчас ушла с ними, а с вами только дуры!.. Видите, герцог, а вы говорите, армия требует действий! Она просто больше вина жаждет!

Альбрехт ответил безучастно:

— С вином жажда действий будет выше.

— Всем ждать и копить силу, — велел я. — Она понадобится! Все свободны. Идите, идите!.. Мое величество изволит возжелать думать и мыслить, а вы своими бабами отвлекаете.

Митчелл спросил ошарашенно:

— Какими бабами?.. Где бабы?.. Да о них никто ни слова!..

Я посмотрел на него с недоверием.

— Правда?.. А что же, мне это Моцартом навеяло?.. Да вы о них только и говорите! Пока про себя, но вот-вот демократия возьмет верх...

Глава 3

Альбрехт поморщился, взял меня за локоть и повел по ступенькам вниз. Мои военачальники, слышу по голосам, возвращаются в пиршественный зал продолжать снимать стресс.

Альбрехт пока помалкивает, а я как существо, постоянно работающее, мысленно связался с Маркусом и моментально получил отклик. Горячая волна прошла по телу, сканирует то ли на предмет идентификации, то ли проверяет, в самом ли деле ключ у меня, не потерял ли, тут же ощущалась его готовность выполнять мои приказы.

— Все в порядке, — прошептал я. — Займись ремонтом, апгрейдись, постараися хоть что-то перестроить под мои запросы...

В ответ снова теплая волна, я скорее ощущил, чем догадался, что я первый, кто позаботился и о нем, предыдущим хозяевам такое просто не приходило в голову.

Отвечать голосом Маркус, видимо, не может. Как средство общения голосовая речь наверняка исчезла в далеком прошлом. Интерфейс «мозг—машина», может передать в единицу времени в миллиарды раз больше информации, потому кому придет в голову сохранять такиеrudименты, как речь?

Альбрехт спросил шепотом:

— Сэр Ричард?

— Все в порядке, — ответил я тихо, — так, переговорил тут пока с некоторыми.

— Ох, — сказал он. — Под нами земля не разверзается? Или мне лучше на расстоянии...

— Нет, — успокоил я. — Правда, молния небесного гнева все-таки может весьма зело.

— А защититься?

Я посмотрел с укором.

— От Божьего гнева?

— Да кто знает, — ответил он уклончиво. — Я всю жизнь знал, что выше императора никого, а тут такое...

Я смолчал, а пока Альбрехт собирается с мыслями, приступил к Маркусу с вопросами. Как сложными, так и простыми, но в ответ чувствовал лишь тепло его присутствия, он рядом и со мной, контакт постоянный, однако, видимо, его и создавали только как Машину Судного дня, которая в случае полного разгрома какой-то из сторон должна явиться с удаленных засекреченных баз и нанести такой ущерб победителю, после которого сотрутся о нем даже следы.

Правда, оставили и возможность, что если кто-то где-то и уцелеет после тотального уничтожения, то Маркус передаст ему ключ управления, но не раньше, чем будет завершено полное уничтожение противника, иначе не принял бы филигонов.

— А нас боятся, — сказал Альбрехт.

Я и сам замечал придворных, да и просто дворцовую прислугу, что, завидев нас, спешат благоразумно скрыться с глаз.

— Это зело, — ответил я.

— Мой лорд?

— Лучше соблюдать дистанцию, — пояснил я. — Всегда и во всем, а сейчас, когда еще не придумали, как с ними общаться, особенно. Сейчас в самом срочном порядке отыскивайте способных людей из числа оставшихся. Им поручим управление местными служ-

бами. Всеми! От городской стражи до управления городов.

Он взглянул очень внимательно.

— Ставка на новых?

— Да, — подтвердил я. — Эти будут преданы нам. А когда из пещер вылезут старшие, что бросили их на смерть, просто не допустят до управления. С нашего молчаливого одобрения.

— А то и отомстят, — пробормотал он. — Но это уже не наше дело, верно?

— Главное, — сказал я, — чтобы все заработало как прежде.

Он покачал головой.

— Ого!.. И ничего менять не будем?

— Шутите? А зачем мы тогда прибыли? Изменим весь этот мир, но так, чтобы не ввергать в хаос и разруху. Вы же видите эту роскошь?.. Могу с уверенностью предположить, что и вся империя Германа сплошной Версаль с его роскошными дворцами, садами и фонтанами... Нет, конечно, есть и вкрапленные между цветущими городами и села, даже деревни, но и они какие-то образцово-показательные, как мы видели сверху... Поля всегда тучные, стада здоровые, детишки красномордые...

— Магия, — обронил он.

— Магия, — согласился я. — А зачем стараться и рвать жилы на работе, если наблюдающий за районом маг обеспечит урожай, уберет болезни животных? Так что нам здесь будет очень трудно, дорогой герцог!.. А сейчас вернемся во дворец. Но за попытку вывести меня на свежий воздух благодарю.

У входа в главное здание трое рыцарей при нашем приближении стукнули тупыми концами копий в пол.

— Благодарю за службу, — сказал я милостиво. — Продолжайте... э-э... продолжать. И родина вас не забудет.

В холле сравнительно пусто, если не считать усиленную стражу из людей Норберта у лестницы, зато на втором сам Норберт с группой старших командиров в центре зала раздает указания внимательно выслушивающим младшим.

Поднялись на третий этаж, там окружили в ожидании распоряжений Келляве, Волсингейн, Митчелл и Палант, уже совсем почти трезвые, жаждущие действовать, что значит ломать, крушить и рушить, а протестующих предавать заслуженной смерти.

Тамплиера и Сигизмунда не видно, они не вожди, им жить легче.

В мою сторону ринулся Лазиус, на ходу начал подпрыгивать и размахивать шляпой с длинными перьями, а с трех шагов начал причудливый танец то ли приветствия, то ли обращения к особе более высокого титула.

— Пауль, — сказал я в нетерпении, — ну?

Он сбился, взглянул с некоторым укором, но ответил поспешно:

— Ваше Звездное Величество, хозяин Багровой Звезды и всего Севера, сотрясатель вселенной!.. Все, кого удалось застать в здании, уже приступили... За остальными послали.

— По домам?

— Да... и по всяkim веселым местам, сейчас везде все настежь...

— Прекрасно, — отрубил я, — действуйте в связке с Джеральдером. У него тоже самые широкие полномочия.

— Все сделаем и все выполним, — заверил он, — Ваше Солнцеликое Величество, хозяин Багровой Звезды и всего Севера, сотрясатель вселенной...

Я поморщился от длиннущего титула, но молча отпустил его повелительно-милостивым жестом.

Альбрехт довольно хмыкнул, я сказал с укором:

— Видите? На лету мысли читает.

— Хороший выбор, — ответил он.

Завидев нас, подошли Кенговейн, сэр Горналь, герцог Улагорнис, последним приблизился тучный сэр Рокгаллер, оставивший все свои три дворца в Штайнфурте, чтобы сразиться с филигонами, а потом пребыть сюда для борьбы со Злом.

Кенговейн сказал, глядя вслед почтительно подпрыгивающему Лазусису:

— Сэр Ричард, я слышал, вы изволили велеть всем нашим обращаться к вам, как и прежде, «сэр Ричард», а местные чтоб титуловали, как подскажет фантазия? Может, не стоит?.. Как бы чего не вышло... Поржать хорошо над их придумками, но лучше выбрать из того, что уже брякают...

Я отмахнулся.

— Пусть именуют, как хотят.

— Сэр Ричард!

— А что, — возразил я, — у нас должны быть и веселые моменты в нашей нелегкой до колик в животе жизни. Но только если установится что-то покороче! Это же и мое бесценное время тратят.

Улагорнис сказал беспечно:

— Что время!.. Теперь можно тратить, как захотим. Мы же всего добились! Да так, что я даже и не мечтал...

Рокгаллер посмотрел на него с сожалением. Дитя еще не понимает, что времени у настоящих мужчин не хватает всегда.

— А если серьезно, — поинтересовался он, — не думаете эту дурь запретить? Здесь же наши правила?

— Зачем? — спросил я. — Человек обязан усложняться и постоянно работать над собой.

— Это тоже работа?

— А вы думали? Если науки нет, предпринимательства нет, даже по военной линии не пойти, а человек должен расти и развиваться...

Он покачал головой, в голосе прозвучало неподдельное осуждение:

— Даже воевать нельзя? А чем еще заниматься мужчинам?

— Вот-вот, — сказал я. — Потому и ломают головы над новыми типами приветствий для самых разных случаев. И формы башмаков с подвязанными к поясу носами изобретают. Господь сказал, человек должен постоянно работать! Вот они и работают, хоть здесь и нет церквей.

— Тогда зачем?

Отвечать я не соизволил, вопрос риторический, раскланялся, они остались на месте, уловив недвусмысленный намек, мы с Альбрехтом прошли дальше еще через три зала, с самым небрежным видом отвечая едва заметными кивками на церемониальные приветствия все еще редко попадающих при дворных, мужчин и женщин.

Альбрехт прошел сквозь зубы:

— Слишком все ярко. И стены, и пол, и люди... В глазах рябит.

— Это юг, — напомнил я. — Много солнца и света. Атмосфера отдыха.

— Все равно, — заметил он сурово, — как-то все... по-женски. Мужественность требует большей строго-

сти стиля. А здесь не только одежда, даже мебель как будто только для женщин!

Я сказал миролюбиво:

— Вообще-то оно так и есть.

— Сэр Ричард?

— Нам что, — сказал я, — можем в той же одежде, что идем в бой, сесть за стол, а потом в ней же лечь спать... Но для женщин, хоть и не признаемся, распускаем перья и выпрямляем спины.

— Тогда...

— А здесь все для женщин, — пояснил я. — Сэр Растер будет поражен, узнав, что победителями на Юге именуют не тех, кто взял верх в бою, а кто уволок в постель ту или иную бабенцию.

Он взглянул с недоверием.

— Шутите?

Глава 4

Мои рыцари все до единого поглядывают по сторонам с еще большим осуждением, чем Альбрехт. Чем-то мне напомнили скромно и строго одетых гугенотов, что оказались в окружении пышно расфуфыренных католиков в преддверии Варфоломеевской ночи.

В самом деле, на взгляд любого с Севера, здесь одеваются чересчур ярко, крикливо ярко. Но даже я, которому медведь наступил не только на ухо, но и вообще потоптался по чувству прекрасного, вижу изящество и умелое сочетание расцветок, тонких кружев. Все предельно опрятны, у мужчин белейшие воротники, спереди у каждого спускаются на грудь до самого живота то ли вычурно изготовленные платки, похожие на взбитую морскую пену, то ли целые простыни, за-

правленное в то, что не брюки, а нечто вроде плотно облегающих шортов, но и с оборочками внизу под коленями.

И, конечно, парики, парики, парики. И не просто на голове, а ниспадающие на плечи, спину и грудь. Черные, рыжие, золотистые, но все обязательно кудрявые, размер локонов то ли регламентирован, то ли все изготавливаются в одной и той же мастерской, от которой пошло название парикмахерских.

Палант и Митчелл как самые молодые особенно тщательно присматриваются, как здесь относятся к растительности на лице. Почти все чисто выбриты, но некоторые носят тщательно подстриженные и подбритье усы, всегда тонкой полоской, одни располагают над самой верхней губой, другие ближе к носу, но выбригают между ними место, куда можно поместить переднюю фалангу пальца, а кончики усов у всех хвастливо приподняты вверх.

Я присмотрелся, в самом деле регламентировано, однако вряд ли какими-то указами. Самые жестокие регламенты всегда вводят мода, и она же заставляет всех соблюдать ее законы.

К нашей группе то и дело подбегают младшие командиры, иногда им достаточно более развернутого приказа, но в одном затруднительном случае ушел с ними Палант, в другом — барон Кенговейн, Чекард увел с собой Норберта, наконец Альбрехт сказал с досадой:

— Не буду мешать вам, сэр Ричард, мыслить. В одиночестве получается лучше, хотя мне иногда кажется... вы всегда в одиночестве. А мне вон машет сэр Гастон. Приотстал от нас и машет. Боится что-то сказать при вас?

— Кто? — спросил я. — Граф Кельяве? Просто деликатничает.

Он недовольно хмыкнул, усмотрев некий намек в свой адрес, и удалился.

Я некоторое время шел в одиночестве, если не считать следующих по пятам телохранителей, но они в со- беседники не годятся, а одиночество хотя и обычное состояние для великого человека, но все-таки неуютное...

Раздумав исследовать дворец, я развернулся и пошел обратно в сторону лестницы. Между полуколоннами у стены остановилась женщина в зеленом платье до полу, а когда увидела, что иду в ее сторону, поспешно отступила в эту нишу.

В глаза бросилась башня черных волос, утыканных ярко-красными и багровыми камешками, стоит подчеркнуто прямо, что и понятно: в Магрибе женщины так носят на голове кувшины с водой, а эта копна волос весит, наверное, как цистерна.

Я успел рассмотреть удлиненно-правильное лицо, а глаза... у меня перехватило бы дыхание в другое время, не столь деловое и опасное. Если глаза — зеркало души, то душа у этой незнакомки чистейшая, как вода горных ручьев.

Она присела в глубоком реверансе, я остановился, оглядывая ее с интересом, платье без лишних фижмочек, вырез не слишком глубокий, скорее наоборот, и лицо то ли без косметики, то ли с ее минимумом.

— Леди, — произнес я, — встаньте. Кто вы и почему вы здесь? На мой взгляд, император должен был вас увести с собой в безопасное место в числе самых ценных... да, ценных ценностей.

Она подняла голову, взгляд робкий и в то же время исполненный достоинства.

— Ваше Небесное Величество, я Мильсина Стантон Грегинсийская, баронесса Лиандрии. А здесь потому...

Она запнулась, щеки заалели, словно не может выговорить нечто стыдное, сказал с сочувствием:

— Потому что не попали в число наиболее приближенных к императору?

— Вы все понимаете, ваша Багровозвездность.

— Как же так? — сказал я. — Что, император взял с собой не больше десятка придворных?

Она уточнила тихо:

— Всего две сотни, ваша Звездная Мошь.

Я охнулся.

— Как же он так?.. Не подготовился, что ли?.. Это всего двести человек?

— Двести придворных, — поправила она. — И тысячу отборной императорской гвардии. А сколько слуг и прочих рабочих, простите, не знаю, ваше императорское могущество...

Я покачал головой.

— Рабочих, думаю, еще больше. Им пробивать дорогу наверх... Но вы недоговариваете, леди. Вы уж точно попали бы в число двухсот... если бы возжелали.

— Ваше Звездное Величество, — проговорила она слабым голосом. — Потрясающее Небом...

Я прервал:

— Стоп-стоп. Это ваши проблемы, меня ими грузить не надо. Но в виде исключения позволяю называть меня сэром Ричардом.

Она покачала головой, не сводя с меня вопросующего взгляда.

— Но... почему?

— Да вот такая у меня прихоть, — пояснил я. — Вообще-то меня все близкие так называют. Императорские титулы длинные, а мы народ быстрый и вообще в каких-то делах почти стремительный, как боевые бобры Маракеша. Но так меня называют только свои, а

для спрятавшихся в пещерах я то ли Небесность, то ли Звездность, то ли еще что-то, сейчас ваши умники изощряются, а наши острословы подкидывают им всякое, а потом ржут над аборигенами. Это я вот так почему-то откровенничаю с вами.

Она не сводила с меня испуганно-настороженного взгляда.

— А почему такая честь мне?

Я ответил честно:

— Не знаю. Может быть, просто хочу компенсировать невнимание к вам императора. Или потому, что вы первая попавшаяся мне красивая женщина. Плюс, как мне кажется, вы еще и умная. Несмотря на то, что у вас с остальным все в порядке.

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Спасибо. Для захватчика вы удивительно деликатны.

Я смолчал, только чуть кивнул, а она, все поняв, присела в поклоне и пребывала в нем, пока я удалялся загадочной небесно-звездной походкой.

За спиной сдержанное топанье солдатских сапог, уже привык, почти не слышу, а скоро вообще перестану замечать телохранителей, я же мыслитель, хотя сейчас в мыслях только что задирал этой в зеленом платье подол на голову, но пристыдил себя, хоть и с трудом, со средоточился на более важных вопросах.

В частности, превращаться в дракона и даже в птеродактиля на Юге не получается, обломался еще в прошлый раз, но с кофе и вкусностями даже проще, чем на Севере. Надо проверить насчет ускорения, незримости и призыва вещей. Это куда важнее, чем сотворить чашку кофе или груду мороженого перед восторженной дурой.

Но такое проверять лучше в своей комнате. Не стоит другим знать о моих способностях раньше, чем сам изволю соизволить. Очень важно, что сохранилась и даже усилилась способность чуять опасность. Вон и сейчас из того дальнего угла один смотрит со злобой, в то время как от остальных веет простым любопытством. Но и этот, что буквально ненавидит, пока не вооружен и о нападении не думает...

Завидев меня, из дальнего угла зала заспешил Джеральдер Реквильд, советник его величества императора Генриха Третьего. Длинные и широкие уши серого парика в крупных локонах болтаются на уровне впалой груди, зеленый костюм с его вытачками, фижмочками и огромным жабо показался бы маскарадным, несолидным для человека такого ранга, если бы такие и еще более нелепые не были на придворных, что с любопытством и опаской следят за Реквильдом.

Я поймал себя на том, что уже не замечаю этих голых ног в кричаще-белых чулках, как и женские башмачки с мелкими блестящими камешками, это наши северные орлы злобно ухмыляются, мужчины обязаны носить кожаные штаны и высокие сапоги на двойной подошве и со шпорами.

Перехватив мой взгляд, он торопливо согнулся в изысканно-почтительном поклоне, одной рукой взмахнул в воздухе, словно запустил кораблик, другой сорвал с головы шляпу и красиво замахал ею, то ли смахивая перьями несуществующую пыль с золотых пряжек на туфлях, то ли только что пернул и теперь разгоняет запах.

Я смотрел с вялым интересом, старший советник не просто раскланивается, а прыгает и пританцовывает, деликатно выказывая, что в хорошей форме и готов служить ревностно и дальше.

— Сэр Джеральдер? — спросил я.

Он закончил танец приветствия, прославленный в веках Акиенобоб удавился бы от зависти, произнес почитательнейшим тоном:

— Ваше Небесное Могущество, повелитель Багровой Звезды Смерти, могу ли я доложить о результатах...

— Начинайте, — велел я.

Он запнулся, все не по правилам, но у северных варваров свои законы, и когда я направился к лестнице, засеменил рядышком, на ходу рассказывая, что успел сделать и каких людей привлечь к работе.

Когда в середине доклада замолчал и посмотрел на меня икоса, мы продолжали двигаться к королевскому кабинету на первом этаже, я обронил:

— Прекрасно, сэр Джеральдер. То ли император так всех вышколил, то ли народ разучился делать шаги в сторону, но колеса крутятся?.. Несмотря на.

— Крутятся, — согласился он торопливо. — Мало кто ушел, все цепляются за что-то привычное, чтобы не думать о нависшей гибели.

— Что говорят о нас?

— Разное, — ответил он. — Но чувство благодарности, что сейчас самое важное, превалирует. Это потом, когда все привыкнут, обживутся в новом мире, начнут шептаться, что вы не во всем правы...

— Очень мягко сказали, — заметил я. — Но за откровенность спасибо.

Стражи в коридоре повернулись в нашу сторону, выждали, потом распахнули в кабинет двери.

— Входите, — сказал я и сделал приглашающий жест, — да входите же!..

Реквильд едва не грохнулся в обморок, мой жест похож на изощренное издевательство, хотя я всего лишь пропустил в кабинет впереди себя человека старшего по возрасту, а в кабинете указал ему на кресло, возле

которого он остался на ногах, пока я не сел по ту сторону стола.

— Продолжайте, сэр Джеральдер.

Кабинет огромен, это еще и зал заседаний, где, как уже сообщили, император общается с советниками. Зал помпезно-величественный и пышный, даже стены в золоте, хотя все сделано очень искусно, однако сэр Джеральдер не повел и глазом, что значит, уже бывал здесь.

Он сел и, переведя дыхание, продолжил речь о сделанном, о том, что нужно сделать немедленно и что можно отложить на потом.

Распахнулась дверь, вошел Альбрехт и, повинувшись моему жесту, взял свободное кресло и подсел с краю стола.

Сэр Джеральдер покосился с недоумением, как можно вот так войти и просто сесть, но ценность придворных в гибкости и быстром понимании ситуации, он продолжил рассказывать о делах, почти не меняя интонации.

Альбрехт заметил чуточку ревниво:

— Половина этих дел решится сама по себе.

Сэр Джеральдер вздрогнул при таком грубейшем нарушении этикета: никто не посмеет вмешиваться в разговор с тем, кто сидит в кабинете императора в его кресле, сбылся, а я понял, кивнул.

— Продолжайте, сэр Джеральдер.

Он вздохнул.

— Ох, ваше Звездное Величество... Вы не изволили сказать, как нам надлежит обращаться к вам, чтобы соответствовать придворному и всеобщему политесу...

— Это потом, — обрубил я. — Не отвлекайтесь, сэр Джеральдер, не отвлекайтесь!

— Я хотел повторить, — сказал он подобострастно, — с неохотой даю характеристики окружению его импе-

раторского величества, потому что это мои личные оценки, которые наверняка неточны...

— Да-да, — сказал я в нетерпении, — ваше пристрастие к точности я заметил. Но в отношении к людям точности не бывает. Сегодня мы одни, завтра другие! Так что давайте без извинений. Хотя бы потому, что другого источника информации у меня нет!

Альбрехт, слушающий внимательно, заметил мирно:

— Вы достаточно объективны, сэр Джеральдер. Даже я заметил.

Глава 5

Сэр Джеральдер дернулся, потрясенный неслыханной дерзостью, когда меня прерывает пусть даже кто-то из близких людей, но я не повел и бровью, и он сказал со вздохом:

— Наиболее влиятельные при дворе в окружении императора — это Джейфри Хаггер, Коллинг Филпот, Шаттер Нотверх, а также Креггес, Астарен, Дедвудер...

Альбрехт поморщился, а я напомнил:

— Все должности перечислять не нужно, сэр Джеральдер. Мне только главное.

Он ответил печально:

— А это все главное, мелочи не упоминаю. Джейфри Хаггер — императорская казна, Коллинг Филпот — сбор налогов с входящих в империю королевств и прочих земель, Шаттер Нотверх — связи с соседними империями...

— Простите, — сказал я, чем погрузил его в состояние дичайшего изумления, — вы совершенно правы, я дурак. Сбор налогов куда важнее, чем даже должность главнокомандующего всеми войсками империи.

Альбрехт вставил:

— Тем более в империи, что не воевала сотни лет.

— И не планирует это делать и дальше, — сказал я. — Да-да, есть у нас такое ощущение. А вот денежные потоки да, это сила и власть... Однако же, сэр Джеральдер, сейчас все эти рычаги временно в ваших руках.

— До тех пор, — уточнил он, — пока советники императора не выйдут из пещер?

— Да, — подтвердил я. — Хотя возможны и перестановки. Я не знаю, какую роль буду играть в дальнейшем.

Он пугливо смолчал, любое слово с его стороны может быть ошибкой, Альбрехт зевнул, сказал равнодушным голосом:

— Эти ваши Хатгер, Филпот, Нотверх... они не с императором сейчас, верно?

Сэр Джеральдер посмотрел на него с уважением.

— Вы очень проницательны, сэр...

— Сэр Альбрехт, — представил я. — Герцог. Император не взял их с собой, несмотря на их близость к трону, потому что?..

Сэр Джеральдер поклонился.

— Ваша Багровозвездность, вы сразу поняли суть, что говорит о вашем высоком статусе. Хатгер, Филпот и другие близкие к трону согласились с его величеством Германом Третьим, что когда придет время выбираться из руин...

— Если выберутся, — напомнил Альбрехт.

— Если выберутся, — согласился сэр Джеральдер печально, — то империй уже не будет. Кучке людей придется начинать все заново... Потому намного важнее взять с собой в пещеры умелых землепашцев да камнетесов...

— Уважаю самоотверженных людей, — сказал я. — Сэр Джеральдер, вот мой советник, сэр Альбрехт, молча рекомендует вас на должность лорда-канцлера.

Сэр Джеральдер охнулся.

— Ваша Небесность!.. Я не посмею...

— А ради спасения империи? — поинтересовался я строго. — Вот то-то. Отыщите этих Хаттера, Филпота, Нотверха и прочих, пусть принимаются за работу. Колеса должны крутиться!

Альбрехт сказал чуточку ехидно:

— Поздравляю вас, сэр Джеральдер.

Сэр Джеральдер оглянулся на него, посмотрел на меня, после паузы сказал уже с удивлением в голосе:

— Удивляюсь таким захватчикам. Из какого мира прибыли? Другие бы сразу за грабеж, постарались бы всех женщин...

— Из мира с высочайшими моральными устоями, — сообщил я. — У нас только подростки озабочены мыслию, кому бы вдуть, но потом и они понимают, что такая ерунда доступна легко и просто, и переходят в режим взрослости, когда надо заняться делом. А я, как видите, уже далеко не подросток, пусть еще и не убеленный сединами муж.

Он сказал с пониманием:

— Значит, на женщин вас не поймают. Прекрасно!
А как ваши соратники?

— С ними труднее, — признался я. — Но посмотрите на сэра Альбрехта! Это же утес в натуральную величину. Надеюсь, мои соратники на Юге увидят, насколько у нас любовные утехи из-за их труднодоступности переоценены.

— Да, — согласился он. — На государственном уровне лучше, когда эта утеха легко доступна. Тогда не зацикливаешься на ней, а высвобожденное время

можно направить на полезное императору... Спасибо, Ваша Небесность, за высокое доверие!..

После его ухода Альбрехт поднялся, подошел к окну и, чуть отодвинув плотную тяжелую штору, посмотрел вниз на двор.

— Слухи расходятся быстро, народ приезжает... Повозки у всех богатые.

— Здесь уже не повозки, — напомнил я, — это кареты.

— Надо запомнить, — ответил он. — Кареты... Лошадей здесь запрягают по паре в эти самые кареты, но знатные предпочитают две пары... Очень знатные — три.

Я сказал с иронией:

— Герцоги и короли вообще ташатся в каретах, в которые впряжены пять-восемь пар коней, хотя, конечно, быстрее от этого карета не движется.

Он отпустил штору и повернулся ко мне, лицо показалось мне встревоженным и опечаленным.

— Нам придется трудно, сэр Ричард. Вы были правы, они богаче и развитее. Видно хотя бы по каретам. Это не наши повозки. Пусть и крытые, но у нас повозки... и смотрятся рядом с каретами как деревенские телеги, да еще с колесами в навозе.

— Здесь еще до рессор не додумались, — сказал я. — Хотя технология позволяет. Да и колеса можно сделать амортизирующими...

— Чем-чем?

— Сэр Альбрехт, — сказал я доброжелательно, — не забивайте голову пустяками! Вы крупный государственный деятель, вот и государствените во всю дурь отважных северян. Здесь развитее только потому, что после ухода Маркуса выкапывались раньше, народу выползало больше, отстраивались намного быстрее.

Он кивнул.

— Они не лучше нас, им просто везло больше?

— Точно-точно!.. Это наша государственная доктрина.

— Но... верная?

Я посмотрел с укором.

— А это имеет значение?

— Да, — сказал он, — вы правы. Для политики все средства хороши.

В стороне послышался тонкий свист. На каминной полке замигал мелкими красными искорками изящно выполненный чайник, из загнутого носика пошел оранжевый с красным дым или пар настоящего огненного цвета, медленно пополз вверх.

Мы проследили за ним взглядами, дымок не рассеивался, начал создавать некие объемные фигуры, слишком неопределенные, а мне совсем не до любований и разгадываний, что это могло бы означать по задумке древнего дизайнера или художника непонятного мне направления.

Альбрехт отмахнулся.

— Здесь много подобного рода безделушек.

В дверь стукнули, в кабинет заглянул часовой.

— Сэр Ричард, — сказал он бодро, — доставили карты по вашему приказу!

— Карты? — переспросил я. — Наконец-то! Пусть войдут эти карты.

Он отступил в сторону, в кабинет вбежал довольно упитанный придворный, станцевал нечто торопливо-почтительное. Альбрехт, не дожидаясь конца представления, выдернул у него из руки длинный рулон пожелтевшей бумаги, а недотанцованный посланца небрежным взмахом вельможной руки герцога-завоевателя отправил обратно.

— Наконец-то, — сказал я, — сейчас, сэр Альбрехт, мы как стратеги все определим и все распределим: кому, сколько, куда и за что.

— По карте противника?

— Трофейные еще важнее своих, — ответил я. — А когда сопоставим со своими, чтобы исключить нарочитые искажения, вот тогда и начнется...

Он развернул рулон на столе, вытащил кинжал, готовясь привычно придавить край, но карта легла ровно, как прилипла, края остались прямыми и вытянутыми.

— Хорошо живут, — буркнул он. — Даже такие мелочи проработали. Сэр Ричард?

— Старая цивилизация, — ответил я отстраненно.

Он встал рядом, наши взгляды поползли по карте, ненадолго цепляясь за надписи мелкими буквами, в висках стукнуло, я ощутил вдруг, что погорячился, не все так быстро и просто, видно же, не успеваю, не могу, даже не соображаю, что делать сперва, а что потом, потому что все нужно немедленно.

— Значит, — сказал он очень деловым голосом, — рушим все? Чтобы, как вы говорите, на обломках самовластья наши имена?.. Ваше, конечно, покрупнее и на самом верху?

— Рушим, — согласился я, — но не сразу и не все... А с толком, чувством, расстановкой...

Он рассматривал карту молча, я подумал, что сама империя Генриха Третьего именуется Жемчужной лишь потому, что пять тысяч лет тому назадилась с деревушками ловцов жемчуга, в нее входит семнадцать королевств, три княжества и четыре герцогства. Центральное королевство — Монтеро, столица Солнечный Город, что уже полностью в руках железной пехоты Макса. Королевство, впрочем, тоже, хотя еще об этом и не знает. Тем более не знает империя, в которой даже

часть королевств не подозревает, что они включены в состав какой-то империи, существующей за непроходимыми лесами и горами.

Слева от Жемчужной империя Астаргельд, судя по словам императорского советника Реквильда, теперь уже лорда-канцлера сэра Джеральдера. Справа империя Верхние Леса, а южнее огромная и просто необъятная Великая Пешмерия, где населения, как уже слыхал, больше вдвое, чем в Жемчужной, а земель впятеро, так как там много диких и незаселенных мест, а также горы, пустыни и некие Выжженные Плеши...

Империя Астаргельд, судя по карте, чуть меньше Генриховой, как и земли Верхних Лесов, но картографы Жемчужной сумели провести только примерную линию соприкосновения, что и понятно. Для Генриха Третьего, как и его предков, существуют только понятия «наш мир» и «все остальные»...

Юг, если верить Гуголу, в результате последней из Войн Магов пострадал серьезнее, чем Север. Намного. Если на Севере все пришлось начинать с нуля, то здесь все еще остались незаживающие раны от чудовищных ударов прошлой войны.

Слишком много земель, ставших непроходимыми из-за того, что одни обширнейшие места до сих пор горят, другие превратились в бездонную топь, а еще есть такие, где возникли странные города, где живут не люди, что-то вроде демонов, но покидать свои города не могут, иначе захватили бы мир.

Альбрехт тоже со всем вниманием всматривался в карту, наконец, обеспокоенный моим долгим молчанием, поинтересовался:

— Что-то случилось?

Я сказал с тоской:

— Да как-то слишком уж мы разогнались...

— Мой лорд?

— На Севере столько работы, — пояснил я, — а здесь так и вовсе... Может, именно потому я и сбежал с Севера, что там пришлось бы пахать и пахать?

— Вас Герман Третий потребовал, — напомнил он. — И пригрозил, что в случае неявки пришлет армию.

— Да какая там армия, — ответил я, — это же он брякнул до того, как Багровая Звезда пошла на снижение. Можно было проигнорировать. А я после жаркой битвы с пылу, с жару, сгоряча и по дури... верное ли принял решение?

— Время покажет, — сказал он строго и холодновато. — Одно скажу: другого такого случая никогда и ни у кого не повторится. Все короли в пещерах!.. Любой трон свободен!.. Посмотрите на карту. У нас ни одно королевство так не заселено густо, как здесь. Это возможности, мой лорд.

— Где остальные, — спросил я, — кого мое величество изволило соизволить?

— Уже спешат, — ответил он, — кому вы велели. За исключением Сигизмунда и Тамплиера.

— А что с ними?

Он сказал сухо:

— Вне зависимости от судьбы императора нам как-то придется ладить с множеством местных королей и могущественных лордов. Думаю, в первую очередь нужно здесь перераспределить... не только земли. Во всяком случае, создать для себя хорошо укрепленные крепости. И поручить их таким, как, к примеру, Тамплиер.

— А сейчас он чем занят?

Он криво усмехнулся.

— Ему понравилось там, где мне совсем не по себе.

— Что, — переспросил я, — обследует Маркус?
Он кивнул.

— Да, с вашего разрешения, хотя, мне кажется, это слишком рискованно. С другой стороны, если заглядывать далеко вперед, как любите делать вы, когда увильиваете от работы, это же не одноразовая колесница, верно? Будете использовать еще и еще? Потому надо очистить... Есть погибшие, сэр Ричард. Нет-нет, филигонов не обнаружено. В одном месте стена проглотила воина, что пошел вслед за Тамплиером, в другом месте исчезли сразу двое...

— Как?

— Просто прошли сквозь стену, — сообщил он. — И не вернулись. А остальные не смогли. Я велел отмечать такое на чертеже, его составляет Сигизмунд.

— Он тоже там?

— Да, это же для него борьба со Злом!.. Он вооружен мечом и молитвой. А еще я велел оставлять в опасных местах по часовому, пусть предупреждают всех.

Я сказал с тоской:

— Так у нас вообще людей не хватит. Придется исследование Маркуса пока прекратить. Слишком много проблем здесь.

— С императором еще не решили?

— Нет, — признался я. — Но вроде бы время еще есть...

— А что изменится?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Пока планирую удовольствоваться дворцом, столицей и семнадцатью королевствами империи.

— Всего семнадцатью? — переспросил он. — Удивляюсь вашей скромности. А почему не взять восемнадцатое?

— В империи всего семнадцать, — ответил я.

— Мелковата империя, — съязвил он. — В вашей северной и то больше! Или тоже семнадцать?

Я взглянул на него свысока.

— Сэр Альбрехт, вы меня удивляете. Что, на южном континенте только империя Германа? Взгляните на карту еще раз!

Он светски улыбнулся.

— Ах да, я же не учел вашу необыкновенную скромность...

— Командующих позвали? — спросил я в нетерпении.

— Да, — ответил он, — немедленно. Хотя только-только принялись налаживать работу здесь... По вашему указанию, кстати.

— Ну да, — буркнул я. — Жаль, Сигизмунд и Тамплиер не придут...

— Так они не военачальники.

— Зато в круге доверенных, — подчеркнул я. — Сэр Альбрехт, умным людям приходится предпочитать тех, кому могу доверять. Хорошо, если и умный и доверенный, но частенько умные предпочитают играть свою партию. Так что и Митчелл, как испытанный и проверенный, тоже...

Глава 6

Альбрехт промолчал, не со всем согласен, но и весомых доводов нет, оставил карту и прошелся к окну. Тяжелая штора по движению его пальца отъехала в сторону так легко, словно он поправил кружевной манжет на рукаве.

— Уже, — сказал он с усмешкой, — идут через двор наши красавцы... перед ними раскланиваются, раскла-

ниваются, раскланиваются... Даже больше, чем перед вами, сэр Ричард. За вашей спиной огромные черные крылья зловещей славы, потому начинают подлизываться с ваших подчиненных, что хоть и грозные варвары, но вроде бы человечнее и доступнее... Особенно, как вижу, усердствуют дамы...

— Дамы, — буркнул я, — тогда понятно, наших орлов это задержит.

Он сказал с сомнением:

— Сэр Норберт, сэр Келляве, Кенговейн, Волсингейн, Макс... понимаю, хороший выбор. Но сэр Раster в вашем Совете? Конечно, я сам его люблю и восторгаюсь им...

— Что за Совет без сэра Раstера? — спросил я. — Это же олицетворение воинской доблести, мужества и лучших качеств воспитания патриотизма!.. Армия должна видеть, что достойно представлена в моем... в вашем кабинете.

— Ваш кабинет, — напомнил он, — возглавляет сэр Джеральдер.

— Он возглавляет правительство оккупированной страны, — уточнил я. — А вы возглавляете кабинет оккупантов.

— Оккупантов, — повторил он задумчиво. — Хорошее слово. Победное!.. Сэр Раstер будет представлять оккупантов?

— В точку! — подтвердил я. — Олицетворять и служить нашим брендом. Мне вот даже смотреть на него одно удовольствие, смотрю и вижу веселый пир, много вина и беспечное хвастовство подвигами!

— И я на него смотреть люблю, — ответил он хмуро, — но такие любят настаивать на своих вариантах.

Я заверил:

— Мне пока что удавалось его переубеждать.
Он наморщил лоб.

— Но все же рискуете. Он дивно прекрасен в переднем ряду рыцарей и в вихре яростных атак. Но как бы не напортил вам в делах Совета. К счастью, видит в вас величайшего из вождей, которому служить — великое счастье! Потому все, что брякнете, для него высшая истина. Но не перегните. Согнуть его невозможно, но сломать противоречивой дилеммой можно.

— Будем беречь, — пообещал я.

Он усмехнулся, отпустил штору и отошел от окна. Через минуту дверь распахнулась, вошли Норберт, Робер, барон Келляве, никак не привыкну именовать его графом, Макс, Митчелл, Растер, Волсингейн, все чуточку удивленные и встревоженные срочным вызовом, последними вдвинулись солидные граф Улагорнис, теперь уже герцог, и лорд Рокгаллер, важные и величественные.

Я широким жестом указал на кресла по ту сторону королевского стола.

— Садитесь и внимайте. Нарекаю вас... Тайным Советом. А вы, стало быть, тайные советуны. Или советуны.

Альбрехт буркнул:

— Может быть, тайные советники?

— Точно, — сказал я. — Из головы просто вылетело. Да сядьте же! Бить пока не буду.

Встревожившиеся еще больше, все послушно сели, в глазах и позах столько внимания, что стало даже чуточку стыдно.

— Честно говоря, — пожаловался я, — трудностей больше, чем ожидалось, потому работы у вас будет много. Чему вы, конечно, рады и безумно счастливы.

Альбрехт проронил:

— А когда было иначе?

— Но разве всегда не надеемся, — сказал я, — что в следующий раз будет легче? Только этот следующий легкий никак не наступает. Одна из труднорешаемых проблем в том, что наша армия в великой миссии понимает прежде всего, что эти развращенные земли, где народ забыл о Боге и утопает в богатстве, просто созданы для справедливого и честного грабежа по праву людей, что верны Господу.

Они даже не переглянулись, по лицу Альбрехта тоже вижу, что да, все верно, а как же иначе, это вечный и непрекаемый закон войны или любого нашествия.

— Но здесь одна особенность, — сказал я. — Армии этих королевств и даже империй традиционно слабы, чтобы воевать друг с другом и побеждать вчистую, потому что здесь маги играют слишком большую роль.

— Здесь слишком много магии? — спросил сэр Растер густым голосом и добавил непрекаемо: — Магия от Сатаны! Забывшие Бога всегда тянулись к магии!.. Кстати, где Тамплиер?

Я сказал кисло:

— Маги, конечно, будут против нашего справедливого и честного грабежа. Здешнее стадо людей опекаемо ими и только ими. Мелкий грабеж касается мелких магов, это прокатит...

Альбрехт поинтересовался сухо:

— Опасаетесь Верховных?

— Крупные грабительские мероприятия, — ответил я, — коснутся Верховных Магов, а это вызовет их недовольство. А с ними драться не хотелось бы.

Норберт взглянул с удивлением.

— В башнях их достать трудно, однако Маркус может просто сесть на то место. Без всяких сражений.

Я вздохнул.

— Хочу предупредить вас... не задирайтесь. И других удержите. Норберт, что у вас насчет...

— Императорской казны? — уточнил сэр Норберт. — Не знаю, вся ли она там в подвальных помещениях, но уже то, что найдено, сэр Ричард, превосходит все ожидания. Здесь живут богато.

— Прекрасно, — сказал я. — Половину раздайте армии. Предупредите о недопустимости грабежей. Ну там какие-то изнасилования и прочие мелочи не в счет, я говорю не о грабеже жителей, а о грабеже города. Деньги у всех будут, не стоит ради них врываться в дома... Это и запрет, и объяснение запрета.

Норберт произнес привычно бесстрастным голосом:

— Я хотел бы предложить для рассмотрение другой вопрос, который все упускаем... Сэр Ричард?

— Говорите.

— Сейчас все короли, — напомнил Норберт, — как и вся знать, в самых глубоких пещерах. Еще и камнями завалили входы. Не столько от филигонов, сколько от своего разъяренного народа... Мне кажется, такие правители потеряли свою легитимность. Они и сами признают, что ликвидировали свою власть, отказавшись от своего народа...

Сэр Келляве сказал медленно:

— ...и намереваясь своим новым народом сделать тех, кто переживет с ними катастрофу.

Норберт продолжил:

— А что, если пусть так и будет?.. Навалить еще камней сверху, чтобы никто уж точно не выбрался в этот мир и не стал предъявлять свои права на ими же брошенные престолы!

Растер прорычал:

— Сэр Норберт, я всегда уважал вас, а за это мудрое предложение готов расцеловать!.. Правители, покинувшие своих подданных в смертный час, не имеют права на престол!

Я вздохнул.

— На престол... почти согласен. А на жизнь?

— Правители, — подчеркнул Растер, — не имеют!.. Сперва должны заботиться о народе, потом о себе.

— Ладно, — сказал я, — почти согласен. Но как на счет их жен, детей и вообще женщин?

Наступило недолгое молчание, наконец Альбрехт произнес язвительным тоном:

— Наш лорд не раз говорил нам о допустимости потерять среди мирного населения в случае штурма городов или других непредвиденных, потому оправданных обстоятельств. Что касается телохранителей и прочего воинского люда, что ушли с императором и королями... мужчины для того и рождаются, чтобы в конце концов погибнуть за правое дело... или за то, за которое получают высокую плату!.. Сэр Ричард?

Я тяжело вздохнул.

— Сложный вопрос... Отец Дитрих точно бы не одобрил, а вот Сатана сказал бы: «Браво, прекрасное решение!»

Норберт смотрел на меня пристально, а голос его вошел в меня, как горячий нож в глыбу масла:

— Мне кажется, вам никто не указ, мой лорд.

— К сожалению, — ответил я. — К сожалению, вы правы. Но как хотелось бы, чтобы эти твердые ориентиры были!.. Давайте отложим этот вопрос на пару дней. Пара дней ничего не решит, из пещер начнут откапываться примерно через месяц, мы за это время успеем все обсудить и принять верное решение.

— Мой лорд?

— Не хочу, — объяснил я, — чтобы вас преследовали призраки оставленных вами в подземельях женщин и детей, но не готов и принять их гибель на себя. Давайте отложим этот вопрос... Да-да, сэр Альбрехт, трусливо отложим, согласен. Но трусы выживают чаще, чем отважные.

Растер прорычал недовольно:

— Лучше красиво погибнуть в неравном бою, чем сбежать и жить трусом!

— Согласен, — сказал я миролюбиво. — Жаль только, история с этим не согласна. Ее пишут выжившие. В основном те, кто сбежал и спас шкуру.

Растер то ли проигнорировал, то ли не восхотел спорить с лордом, повернулся к Норберту:

— Дорогой друг, вы ничего не пропустили?

Норберт поинтересовался сухо:

— Что вы имеете в виду, доблестный сэр Растер?

— Нет арестов, — прогудел Растер, — не давим заговорщиков, мятежников, не вылавливаем замышляющих убить сэра Ричарда и вернуть власть императору... или присвоить ее себе... вообще ничего не делаем!

Норберт посмотрел на него с покровительственным пренебрежением.

— Сэр Растер, меня это тоже удивляет. Все еще. Но заверяю вас, никто не пытается поднять мятеж, никто даже не говорит о бунте, а замышляющих убить сэра Ричарда мы перехватили бы еще на входе в сад. Но, увы, таких нет!.. Я, честно говоря, предпочел бы, чтобы такие были, а то даже тревожно, вдруг что-то упускаем?

— Упускаете, — заверил Растер мощно. — Не может вся империя вот так смириться!

Они оглянулись на меня, я развел руками.

— К сожалению, может. Здесь как раз такой мир. Народ безмолвствует!..

— А кто молвствует, — сказал Альбрехт, — и правит... тот в пещерах? Кстати, сразу хочу напомнить про одну опасность, которая, увы, реальна.

— Сэр Альбрехт?

— Безбагерность, — пояснил он, — в отношении королевств. Над одними багеры не ходят вообще, а есть еще те, над которыми ходят, но не сойти и не посмотреть, что там. Даже не знаю, какие опаснее!

Макс, судя по лицу, встревожился, как и сэр Келляве, только сэр Норберт проронил с присущей ему невозмутимостью:

— Про них тоже думаем. Просто за всем не уследишь, сперва решаем неотложные и грозящие уже сегодня. Меня сейчас интересует не столько будущее империи Юга, как наше. Сэр Ричард! Вы хотите что-то большее, чем империю?..

Остальные молча вперили в меня взгляды, только Растер прогудел мощно:

— Больше не бывает. Как и нет титула выше, чем император.

Альбрехт, Келляве и все остальные подобрались, смотрят с напряженным ожиданием.

— Вы правы, — согласился я, — в административных единицах нет крупнее образований, чем империя. Да и те обязательно разваливаются из-за громадности...

Норберт кивнул, удовлетворенный, что подтверждают его слова, но лицо стало еще строже.

— Тогда... Ваша Небесность, как говорят местные?..

— Но есть и повыше власть, — напомнил я, — чем императорская. Это общие ценности, что ярче всего выражены в религии, вере. Вера, знаете ли, не обращает внимания на границы!.. Вера может объединить и связать королевства и даже империи крепче, чем власть императора со всеми его войсками.

Они смотрели все еще непонимающие, наконец Альбрехт произнес подчеркнуто ровным голосом:

— Намерены стать пророком, сэр Ричард?

Я засмеялся.

— Я Фидей Дефенсор, забыли?.. У нас есть вера, я намерен оставаться ее Защитником и дальше. Несмотря на все соблазны. Чего и вам желаю. Поддаться соблазну легко, удержаться — плюс к вашей чести, доблести и достоинству.

Они обдумывали, вопрос в самом деле сложный, здесь еще не встретили ни одного священника, церквей не видно, как насаждать веру — непонятно, а я подумал, повспоминал, ничего ли не забыл, все смотрят с ожиданием.

— А теперь перейдем к главному...

Сэр Раster оживился, потер ладони и гаркнул в сторону двери:

— Эй, там!.. Вина сюда!.. Да побольше, побольше!

Я вздохнул, Альбрехт ехидно улыбнулся, дескать, он же предупреждал, Норберт посмотрел на Раsterа с укором, дескать, еще не закончили, куда спешишь?

— Первые дни прошли успешно, — сказал я. — Мы установили контроль над дворцом и городом. А сейчас приступаем ко второй фазе.

Все подобрались, Норберт сказал строгим голосом:

— Сэр Ричард, мы готовы.

— Наливать я буду, — вызвался сэр Раster. — Слуги тут какие-то сонные.

— Что нужно для победы новой власти? — спросил я. — Взять почту, телефон, телеграф и захватить институт благородных девиц. Здесь это все олицетворяют баагеры, злополучные баагеры! Спасение для выживших и тормоз для их же развития!.. Из-за баагеров здесь вообще нет дорог, заметили? Я не о городских улицах, а

дорог хотя бы между городами. Не говоря уже о межгосударственных.

В напряженном молчании Норберт проговорил:

— Но есть и плюс?.. Завоевателю пришлось бы вести армию через дремучие леса, где не пройдет обоз, половину народу утопит в болотах, часть вообще разбежится из-за тягот... Потому королевства сотни лет не меняют очертаний.

— Сотни? — переспросил я. — Тысячи!.. Что хорошо и плохо. Карта империи у меня уже есть, теперь отыщите и принесите мне карту с маршрутами всех багеров. Над какими королевствами ходят, где останавливаются, где берут пассажиров, где нет, где вообще запрещены, а то и вовсе под запретом...

Митчелл пробормотал озадаченно:

— А что такое багеры?

Глава 7

Палант, Раster и остальные, за исключением Альбрехта и Норберта, смотрят с недоумением и кучей вопросов в глазах.

— Ладно, — сказал я со вздохом, — объясняю, хотя вообще-то что-то слишком много объясняю. Уже язык вспух, а мозоль там, как у сэра Раstера на ладони, которой он держит кубок... тьфу, меч. В общем, сообщение здесь багерное. С древних времен уцелели колесницы, что ходят одними и теми же маршрутами сами по себе. Одни по земле, а другие по воздуху...

Палант спросил наивно:

— Как Маркус?

— Да, — ответил я, — но Маркус умен, потому послушен моей монаршей воле, а багеры слишком тупые.

Просто ездят туды-сюды, туды-сюды, как их научили много тысяч лет тому. Помнят только одну дорогу, на другие мозгов не хватает, вот и ездят.

— А переучить?

— Хозяева давно померли, — объяснил я, — а других багеры не слышатся. Это коня можно переучить, а попробуйте таракана!.. Здешние багеры вроде больших тараканов. Но человек все приспосабливает... Вот и приучился передвигаться на этих штуках. Можно подумать, что багеры ходят между столицами королевств, хотя на самом деле это города построили там, где багеры останавливаются хоть ненадолго... Впрочем, сами все узнаете. Уже чувствую: кому-то некоторые ритуалы на идущем в небе багере очень понравятся.

Митчелл зябко повел плечами.

— Я ни за что на такую штуку... А что за ритуалы?

Альбрехт ехидно обронил:

— Судя по лицу нашего лорда, он поучаствовал, и ему очень понравилось...

— Ничего подобного, — запротестовал я. — Я был слишком занят, чтобы участвовать в непристойностях.

Митчелл сказал быстро:

— Я всегда чувствовал в себе страсть исследователя, так что готов на этот... на багер. Каспар, пойдем?.. Ах да, тебе Боудеррия голову оторвет... Сэр Горналь, как вы?.. Ладно, в самом деле лучше одному...

— Лучше одному, — поддержал Альбрехт. — Потом легче во всем отпираться. Не видел, не участвовал, то был не я... Да и не стоит группами, лучше по одному, если драться не придется. Думаю, все это сделает сэр Норберт с его командой.

— На сэра Норберта не кивайте, — сказал я, — это вам поручаю отыскать все-все карты с их маршрутами. Полагаю, такое относится к секретной информации,

потому карты следует искать где-то под семью замками.

Альбрехт сказал почтительно:

— Да, ваша Небесность! Все будет сделано, ваша Небесность... Нужно будет только порыться в департаменте Секретных Служб. Но если на то ваша воля...

— Моя воля, — отрубил я, — превыше всего. Я не отменяю по своей бесконечной и непонятной милости существующие в империи законы, но мое слово — закон над законами! И вы понимаете почему.

Он поклонился.

— Да, ваша Солнечность. Местные начинают понимать, что закон у того, у кого в руках меч длиннее.

— Рад, что все понимаете как политик, а не романтик, которых топить не перетопить...

— Пожелает ли ваша Звездность, — поинтересовался он вкрадчиво, — карту маршрутов только над Монтегю?.. Или изволите знать над всей Жемчужной?..

Я указал пальцем вверх и заметил покровительственно строго:

— Сэр Альбрехт, не кажется, что, если в руке вот такой меч, заурядная империя тоже жмет в плечах?

Он довольно ухмыльнулся, когда я назвал империю Генриха заурядной, поспешил поклониться.

— Да-да, ваша Солнечность, простите... Мы без вас привыкли жить мелкими масштабами.

— И даже те маршруты, — подчеркнул я, не реагируя на пышные титулы, я выше таких шуточек, — что выходят за границы империи! Их тоже в обязательном порядке на карту. Непременно. Герцог?

Он посерезнел, ответил суховато, даже не среагировал, что он уже герцог, хотя при переходе из графов в герцоги не было никакого торжественного рева мед-

ных труб, коленопреклонения и мечом по плечу с по-
жалованием каких-то особых льгот:

— Сэр Ричард, не вернее все это целиком поручить
сэру Норберту?

Я запнулся.

— Целиком?

Он ответил с тем же непроницаемым лицом:

— Вы хотите установить маршруты всех багеров?..

— В точку!

— Проверить, — продолжил он, — насколько карты
точны, ибо в официальных могут быть нарочитые и
очень опасные неточности. Так?.. Но я буду кататься
на них слишком долго. А сэр Норберт поручит наибо-
лее грамотным и ответственным из своей полевой раз-
ведки, они все сделают быстро и достаточно точно.

Я потер лоб и взглянул на него с укором.

— Вот видите, дорогой друг, как вы незаменимы!
Чуть что, я сразу же к вам, потому что барон Альбрехт
всегда и во всем был опорой и помогал мудрым сове-
том. Вот вы и здесь правы, это лучше графу Дарабосу...

Альбрехт с изумлением посмотрел на хранящего
мрачное молчание сэра Норберта.

— Он уже граф?

— А кем был?

— Не припомню...

Я сказал с досадой:

— Я тоже, но какая разница? По праву победителей
можем взять любые титулы и любые земли. Сэр Нор-
берт?

Норберт ответил сухим деловым голосом, пропу-
стив все насчет своих титулов:

— Как я понимаю, нам предстоит подняться на все
багеры и прокатиться по всем маршрутам?.. Всем-всем,
сколько бы их ни было и куда бы ни шли?

— И составить карты, — напомнил я. — С багеров прекрасно видно, над какими землями проходит маршрут. Реки, горы, леса, болота — все-все отмечайте. Как города и села, что по обе стороны.

— Вчерне составим, — пообещал Норберт.

— У вас сколько под рукой? Тысяч пять?

Норберт ответил скромно:

— Если брать только полевую разведку.

— Прекрасно! — сказал я с облегчением. — На все багеры и все маршруты хватит. Нам же не захватывать! Только прокатиться. Как пассажиры. Но привилегированные.

Его взгляд стал сразу внимательным и оценивающим варианты.

— Сэр Ричард... но их же много?

— Даже не знаю сколько, — ответил я честно. — Выясните все на месте. Не берите с меня дурной пример, а берите только удачное, у меня такие тоже бывают... Вот как сейчас. Не сам бегу все проверять, а поручаю вам! Вон как поручил сэру Альбрехту, а он умело перебросил на вас. И не стыдно, ваше высочество?

Альбрехт ответил независимо:

— Ничуть, ваша Небесная Звездность. Зато сэр Норберт не спустит указание еще на ступеньку ниже, такое бывает, когда и спросить за невыполненное не с кого.

— Ухитряйтесь, — посоветовал я. — Вы ищете карты во дворце, сэр Норберт составляет их заново с учетом наших потребностей и требований! Сэр Норберт?

Норберт встал, поклонился.

— Выполняю.

Остальные проводили его короткими взглядами и тут же обратили все внимание на сюзерена.

Я кивнул сэру Роберу.

— А вам вот такое задание... Зайдите в отдел дипломатии, не знаю, как здесь именуется, соберите все о соседних империях и королевствах. Вообще о соседях, даже если там простые с виду графства...

Он посмотрел с недоумением.

— Сэр Ричард, а зачем? Какое королевство устоит при одном только виде нависшего над ним Маркуса?

Остальные зашептались между собой, чудит властелин Маркуса, все можно быстрее и проще. Одним или двумя ударами.

Я сделал паузу, оглядел всех тяжелым взглядом.

— Битва не кончена, а только начинается!..

Сэр Растер с самым довольным видом с треском потер одна о другую твердые ладони.

— Я ж говорил!..

Альбрехт спросил его тихо:

— Он так и сказал?

— Он сказал, готовься к великой цели, и слава тебя найдет!

Я уточнил с нахимом:

— Меня интересуют не армии всяких там королевств, разве не понятно? По картам увидим, в каком выход к морю, у какого нет, где текут могучие реки, какое страдает от засухи, где есть богатые залежи руд, где лучше разводить овец, а где только поля под пшеницу...

Они смотрели с недоумением, только у Альбрехта глаза вдруг расширились от внезапного понимания. Что он себе уяснил, я даже не пытаюсь понять, при-чудливы извины человеческой мысли.

— Сэр Ричард, — сказал он и поднялся, привлекая к себе взгляды всего Тайного Совета, — с вашего позволения... мы вернемся к работе.

Я сделал вялое движение кистью руки.

— Идите. Как будто я вас на танцы пригласил...

Едва за последним закрылась дверь, принялся старатально вспоминать все, что знаю о багерах, грандбагерах и гросбагерах, хотя все отличаются только размерами, да еще тем, что грандбагеры ходят на большой высоте.

Судя по маршрутам багеров, хоть больших, хоть малых, для них никогда не существовало разделения на королевства или какие-то регионы со своими правителями. Города, как закон, образуются из селений на берегах рек. Или морей. Здесь же впечатление такое, что города избегают рек и водоемов, что более характерно для размещения промышленных предприятий.

Багеры возят, как и возили всегда, добываемый из сверхглубоких скважин металл с особыми свойствами. Хотя, скорее, там же, на месте, в подземных заводах он и вырабатывался, то ли просто из редких руд, то ли там сразу творились необходимые сплавы.

Но производства располагались друг от друга далеко, что не совсем рентабельно, хотя кто знает их экономику и логистику. Или в разных местах для разных целей... Теперь не определить, каждое появление Багровой Звезды вспахивало земную кору как гигантским плугом, перемещая верхние пласти вниз, а нижние поднимая вверх. Уцелели только заводы, упрятанные на километровые глубины, а то и ниже, что и сейчас продолжают добывать металл и поднимать его наверх, создавая уже целые горы слитков, но только некому их грузить на транспортные платформы.

Ладно, до слитков дойдет очередь... после двух-трех промышленных революций, а то и пяти.

Понятно, почему развились магия, а не наука. Когда остатки человечества выбирались из руин, через некоторое время наверх пробивались механизмы Древних:

багеры и грандбагеры, что тупо следовали своим программам транспортных перевозок.

Для людей это было чудесной магией, тысячи самых любознательных старались понять, как они работают и как ими управлять. Понятно, что работу таких механизмов можно было объяснить только магией, вот потому ею и начали заниматься усиленно, магия обещает при удаче в два счета овладеть всеми тайнами и стать самым сильным и богатым в мире.

— Справимся и без магии, — прошипел я тихо, — и уйдем дальше всякой магии.

Глава 8

Слухи расходятся быстро, то ли со скоростью лучших скакунов, то ли голубиной почтой, но во двор императорского дворца то ли дело въезжают роскошные кареты.

Альбрехт прав: пока одни все еще пребывают в тоске и отчаянии, а другие предаются разгулу, самые трезвые и расчетливые стремятся что-то ухватить в изменившейся ситуации.

Вельможи приезжают как в одиночку, так и с женами, те в какой-то мере будут служить защитой от жестокости завоевателя, а что удивило и безумно обрадовало наших рыцарей, в таких же роскошных каретах приезжают и женщины без всякого сопровождения, что немыслимо для целомудренного Севера.

Я сам не то что обратил на них внимание, конечно, обратил, хотя и напомнил себе, что это не женщины на Юге красивее, просто Солнечный Город — не просто город и даже не столица королевства, а столица огромной и существующей сотни, если не тысячи лет импе-

рии с уже устоявшимися традициями. И самые красивые женщины сюда стягивались все эти тысячи лет...

Все-таки, несмотря на все государственные заботы, как же приятно, что во дворце появились блестательные и роскошные женщины, настоящие украшения любого королевства.

Понятно, при бегстве в пещеры отбирали самых-самых, но даже не представляю, что за «самые», как говорит леди Мильсина Грэгинсийская. Есть и такой вариант, что император оставил на погибель всех, в его ситуации нужнее землекопы и каменотесы.

Мои орлы сразу повели себя, скромно говоря, очень заинтересованно, а местные красавицы, которых император опрометчиво определил во второй сорт, оказались не просто податливы, а тут же активно начали проверять на податливость ошеломленных таким счастьем прибывших мужественных героев.

Хоть и не с первой ночи, но уже со второй-третьей часть моего командного состава ночевала в спальнях красоток, оказавшихся к тому же сплошь герцогинями, графинями и баронессами, обладательницами несметных по меркам скромного Севера состояний.

— Альбрехт, — буркнул я, — ты там... как-то это... ну посмотри, чтобы не потерять всех наших... Головы уже потеряли, вижу, но чтоб не потеряли и совесть...

Он ответил отстраненным голосом:

— Кто-то потеряет, кто-то нет. Большинство из тех, кто потерял, скоро переедят сладкого. Натуре восхочется соленого, горького, кислого, мощного грохота копыт и звона тяжелых мечей по доспехам врага или хотя бы противника...

— Надеюсь, — сказал я. — О службе не забывают?

— Забыть трудно, — ответил он.

— Что, — переспросил я в недоверии, — серьезно?
Даже здесь?

Он пояснил с некоторым упреком:

— Наши крепче, чем вы думаете, сэр Ричард. Для нас здесь враги, с которыми велено пока зачем-то поддерживать мирные отношения. Но никто не верит, что такое надолго. Хотя, конечно, перевербовка идет мощная. Надо признаться, даже я впечатлен, а кое в чем и ввергнут...

Я сказал со вздохом:

— Держитесь, герцог. Нас капля в этом море. Легко растворимся, если осядем. Должны всегда быть в седле.

— Разве мы не пришли победителями?

Я сказал тяжело:

— Дело не в военной победе. Та нам обеспечена... так или иначе. А вот что дальше?.. Да, мы в состоянии захватить, как вы говорите, весь континент. Но что потом?.. Буду носиться с высунутым языком, подавляя мятежи всяких разных местных лордиков?

Он проговорил с иронией:

— Хорошо сказано... Подавляя мятежи всяких мелких лордиков... Как я понял, мой высший лорд имеет в виду всяких там императоров?

Я отмахнулся.

— Да при чем здесь титулы. Я вообще о ситуации.

— Разве не справимся? — спросил он.

— Не хочется быть держимордой, — сказал я с досадой. — Я же сам на бригантине поднимаю паруса, мне бы ломать и рушить, а не строить и возводить!..

— Нет уж, мой лорд, — сказал он. — Здесь мало кто скажет «Северяне захватили нашу империю», говорят «Император Севера Ричард захватил наши земли». А раз победа ваша, то и отвечать вам. А нас вешать нельзя, мы только выполняли приказы. Насиловали

местных женщин, и то через силу, по вашему жестокому настоянию...

— Да, — сказал я, — то-то эти женщины и едут теперь сюда одна за другой.

— Дуры, — сказал он.

— Но красивые, — парировал я.

— Да, — согласился он. — Красивыми они умеют быть лучше наших.

К счастью, слуг и лакеев в дворце осталось больше, чем придворных, уйти некуда, потому сразу ринулись исполнять привычные обязанности, жадно прислушиваясь к разговорам и стараясь понять, как же вот так северные варвары оказались здесь, неужели в самом деле сумели одолеть эту страшную Багровую Звезду Смерти и теперь никто не погибнет?

Рыцари и разведчики Норберта после первого осмотра замка перевели дух и даже перестали насиливать женщин, хотя для придворных дам это, скорее, приключение, чем что-то обидное, будет о чём со смехом рассказать подругам, все-таки некоторая необычность, вылезающая за рамки привычной дворцовой жизни.

В течение первых двух-трех дней жизнь во дворце возобновилась, пусть пока и в минимальном объеме, а слуги и без приказа старательно таскают победителям лучшее вино из императорских погребов, холодное, освежающее в такую жару.

Вечерами синее небо красиво и страшно окрашивается в багровый цвет, словно наш Маркус заслонил всю западную часть неба, длинные темно-багровые тени падают на двор от далеких башен, веет прохладой, и даже самые настороженные забывают, что мы пришли в этот мир с мечом в руке.

Мои рыцари и простые воины, что уже не простые, а благородные рыцари, пусть даже и не привыкли к но-

вому статусу, с изумлением смотрят на пританцовывающих, а то и просто как бы танцующих придворных.

Ужас от осознания, что все погибнут, сейчас во дворце исчез, все нарядные и разодетые, ухоженные, сытые и довольные, мужчины улыбаются и растанцуются друг перед другом, дамам целуют ручки, а те щебечут, щебечут и щебечут без устали, ласковые и податливые, так бы и вдул всем, да они и сами для того и дразнят, бросают кокетливые взгляды и обмахиваются веерами, то так складывая их, то эдак, подавая тем самым самые разные знаки.

Сам дворец, как я уже сказал Альбрехту, сплошной увеличенный Версаль, выстроен для веселья и радости, все подобрано изумительно и тщательно: форма зданий, деревьев, статуй, фонтанов, ширина аллей, цветовая гамма декоративных деревьев, кустарников и роскошные клумбы роз...

Пользуясь своим высочайшим статусом, часто появляется с докладами сэр Джеральдер, все еще делая вид, что крайне смущен назначением на пост лорда-канцлера и готов в любой момент уступить более достойному.

Я в самом деле впечатлился проделанной им работой. Местный, знает до тонкостей, как работает сложная дворцовая и столичная машина. Канцелярия заработала почти в полную мощь, а недостающие кадры находит быстро, зная всех как облупленных, многие бы хотели продвинуться на государственной службе, сейчас как раз тот случай, который упускать нельзя.

Альбрехт работает над административным управлением империи, сейчас зашел быстрым деловым шагом, в руке трепещет листок бумаги.

— Вот еще ключевые фигуры империи, — сказал он с порога. — Удалились в загородные поместья, наверняка все еще ждут конца света.

— Послать за ними гонцов, — велел я рассеянно. — Кстати, куда делись все? Не вижу Макса, а на него так приятно просто смотреть, где Боудеррия, Тамплиер, Сигизмунд, Раster?..

Он ответил почти равнодушно:

— Макс быстро и умело обеспечил порядок в столице, это вы знаете, а затем сам повел один из отрядов по селам, остальным велел проверить дороги в ближайшие города...

— Я не посыпал! — сказал я. — Да и нет дорог между городами.

Он посмотрел с укором.

— Мой лорд, вы же сами приучали военачальников к самостоятельности!.. За всеми, дескать, не усмотрите, должны действовать по обстоятельствам...

— Да-да, — сказал я с досадой, — ну сказал-сказал! Но все равно тревожно.

— Почти вся армия, — досказал он, — пошла от столицы расширяющимися кругами, нещадно вешая магрордеров на ближайших деревьях.

— Молодец Макс, — сказал я с облегчением. — Уже понимает, где надо проявить жестокость. Как народ, возвращается в села?

— Макс отправил легкие отряды, — ответил он, — находить спрятавшихся и уговаривать вернуться в дома.

— А где Сиг?

— Доблестнейший сэр Сигизмунд, — ответил он, — вместе сэром Тамплиером...

— Все-таки сдружились!

— Теперь водой не разольешь, — подтвердил он, — все еще на Багровой Звезде Зла.

Я спросил в раздражении:

— Снова? Зачем?

— Это для вас он Маркус, — уточнил он, — а для большинства это все еще гнездо Антихриста. Тем более для сэра Тамплиера, который посвятил себя борьбе со Злом. Вместе с Сигизмундом старательно поднимаются по узким, а где и широким ходам наверх. Рассчитывают на самом верху найти самое большое Зло.

Я безнадежно махнул рукой.

— Видите, как трудно работать с людьми, для которых Бог главное, чем король?.. Все правители только из-за этого со временем начнут искоренять религию... А где Боудеррия?

Он ответил тут же:

— Боудеррия с Каспаром Волсингейном в императорском дворце вообще не показываются. Им интереснее патрулировать улицы столицы даже ночью. В отсутствие власти преступность в таком благополучном городе выросла так, что просто выше крыши... а город богатый, есть чем поживиться!

— Ну хоть вы меня не бросаете, — сказал я.

— Да, — ответил он. — Мы, ваша Звездная Небесность и Багровая Антихристность, всегда как бы!

— Идите в жопу, дорогой Альбрехт, — сказал я с досадой. — Юмор какой-то дурной, а когда задача не решается, вообще дурацкий...

— А что не решается? — полюбопытствовал он, ничуть не среагировав на указание сюзерена идти в анус. — У вас с вашим методом давать сдачу заранее да не решается?

Глава 9

Я указал взглядом на лист бумаги на императорском, а теперь моем столе.

— Прочтите. Мой высочайший указ.

— У вас почерк неразборчивый. О своем титуле?

— Приказываю очистить моря и океаны от чудовищ и пиратов, тем самым обеспечить свободу мореходства. Я же демократ и свободолюбец!

— Прекрасно, — ответил он. — Звучит красиво. А где подвох?

— В скоропалильности, — ответил я. — Я мудрый или не мудрый?.. Мудрые вообще не спешат. Все медленно и печально, если понимаете, о чем я. Свобода мореходства не развязет ли руки какой-то энергичной сволочи с короной на челе, что тут же двинет все свои морские силы на завоевания? Возможно, чудовища пока что работают сдерживающим фактором? Стабилизирующими?

Он наморщил лоб.

— Гм, признаюсь, ваше величество, никогда под таким углом не смотрел. Сэр Ричард, а вы в самом деле не дурак... по крайней мере, не полный. И что намыслили?

— Да намыслил я много всякого, — ответил я в раздражении, — понадобится армия с лопатами, чтобы все разгрести. Но все такое же умное... как и это вот с морскими монстрами. Такое ощущение, что прибыли сюда на материк и... ждем.

Он посмотрел на меня с сочувствием.

— Но так в самом деле.

— А чего ждем?

— Когда вылезет император, — ответил он незамедлительно. — С армией, канцелярией... попрет вас отсюда. Вот тогда и начнется.

Я с досадой потер лоб.

— Да, конечно... А пока не знаем, чем себя занять. Как-то не подумал заранее.

— А когда у вас не так? — спросил он невинно.

— Герцог, не бейте по больному месту.

— С другой стороны, — сказал он тверже, — кто старается рассчитать каждый шаг, обычно не сдвигается с места. Так что встрайхнитесь, мой лорд. Какие будут указания?

Я подумал, сказал без особой уверенности:

— Нужно увеличить корпус картографов. Собрать в канцелярии Германа все-все, что относится к Южному матерiku, нанести на карту. Нет, на карты!.. Отдельно физическую, отдельно политическую, отдельно метеорологическую, а совсем отдельно со всякими Зачарованными Местами...

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, а вы в самом деле... Зря скулите, вы по праву наш вождь! Никогда бы не подумал, что так можно и что так лучше... А в самом деле лучше. Нагляднее.

— Особо займемся Зачарованными, — сказал я. — На Севере руки не дошли заняться, но там пока пусть, особо не мешают, умирающие остатки, следы былой мощи, а здесь это выходы той древней силы, что упрантана глубоко в недрах, и на ней держится слишком много современного и даже нынешнего.

— Мой лорд?

Я пояснил с некоторым раздражением:

— Те же багеры, сэр Альбрехт!.. Я велел вам или не велел взять под контроль все их маршруты? Во всех королевствах. Составить карту маршрутов.

— Это поручили Норберту, — напомнил он.

— Норберт практик! Он сам выберет маршрут подлиннее и поопаснее, других посадит на все остальные и так начнет составлять карты. Настоящие, реальные на сегодняшний лень. А нам недостаточно карт транспортных путей, хотя дороги, конечно, не только военные победы, но и любые другие.

— Ну, тогда...

— Нам нужно знать, — напомнил я, — с чем столкнемся. Возможно, в соседнем лесу спит такое зло, с которым и Маркус не справится... Ладно-ладно, спрашивается, но после него вообще жизни не останется. Вам нужна такая победа?

Он посмотрел на меня с сочувствием.

— Кстати, о Маркусе. Вам нужно тщательнее играть роль человека, который всегда готов пустить в ход всю мощь Маркуса.

— Я недостаточно грозен?

— Увы, — ответил он. — Не видно, что без колебаний уничтожите вызвавший недовольство город, а то и все королевство. Народ вскоре ощутит слабость и тут же начнет добиваться вольностей.

Я ответил с неохотой:

— Если слишком долго носить маску, может прирасти.

— Чаще меняйте, — подсказал он, — но свое лицо милого мальчика лучше не показывать.

— Это у меня милое?

— Все еще, — подтвердил он. — Мир жесток, признает только силу. Нужно смотреть зле и решительнее. На все. Просто на всякий случай.

— Когда-то сделаем добре?

Он покачал головой.

— Разве что людей не станет. А пока нижнюю челюсть выдвинули, голову слегка назад, чтобы взгляд всегда свысока... и вперед!

Я поднялся, подвигал плечами, что-то хрустит в суставах, это же сколько я вот так просидел над картой?

— Мой лорд? — спросил Альбрехт.

— Засиделся, — объяснил я. — На кабинетной работе... Я и работа — странное сочетание, да?.. Но работа хуже неволи.

В коридоре мои гвардейцы, все в железе, хотя я разрешил перейти на полумирный вариант, то есть оставить на себе только панцири, все остальное пока снять, но держать в надежном месте, война еще не кончилась.

Альбрехт кивнул им за себя и за меня: бдите, ребята, — и пошел рядом, поглядывая искоса на мое озабоченное лицо.

В анфиладе залов как будто выставка цветов под стенами, местные придворные, не удостоенные чести уйти с императором в пещеры и тем самым обреченные на уничтожение, держатся жадно и скромно.

Все одеты празднично, как сказали бы у нас на Севере, но здесь вся жизнь элойская, в глазах рябит от красного, синего, зеленого, оранжевого, у всех костюмы светлых оттенков, ни одного темного.

Альбрехт с насмешливым превосходством поглядывает на золотые украшения в виде многолучевых звезд, а когда увидел у некоторых еще и широкие цветные ленты через плечо, в изумлении вскинул брови.

— Герцог, — сказал я, — привыкайте... Это всего лишь наши перевязи для меча. Только как бы слабое

изнеженное потомство. Вроде бы перевязь, но уже и не перевязь...

По мере того как двигаемся через зал, по нему проходит волна, все спешно склоняются при виде грозного повелителя Багровой Звезды Зла.

Альбрехт фыркнул, эти огромные серые парики в таком ракурсе напоминают одинаковое стадо баранов.

Вообще-то парики бывают черные, как и белые, но молодежи сюда то ли нет доступа, то ли сильно ограничено, а белые носят совсем престарелые, которые уже не могут делать вид, что у них в волосах «благородное серебро». Остальные предпочитают нейтрально-серые, как бы намек, что вот только сейчас начинают седеть, хотя половина из них тоже с белыми, как лунь, головами.

Мои телохранители бдят, идут сзади с грозным топотом, хотя вообще-то надо будет переобуть во что-то мягкое, хватить милитаристничать, пора гибко проявить мягкую силу в дополнение к твердой власти и стальному кулаку в бархатной перчатке.

Альбрехт шепнул на ходу:

— Их все больше. Ждут.

— Чего?

— Всего, — ответил он. — Настороженные, почти все чуточку враждебны...

— Только чуточку?

— Император оставил их на смерть, — напомнил он, — а мы спасли. При всей лояльности к императору...

— Вряд ли у них настолько развито чувство благодарности.

Он спросил в непонимании:

— Как это?

— У них более продвинутое общество, — пояснил я. — Все на выгодах, а не каких-то чувствах.

Он не ответил, а когда навстречу из-под арки следующего зала повеяло прохладой и влажным воздухом, поинтересовался с удовлетворением:

— А это уже видели?

В центре исполинского зала с высоким сводом раскинулся настоящий сад, вдоль ограды из мраморного бортика растут десятки роскошных декоративных растений с дивными оранжевыми цветами размером с кулак, а в центре вздымается настоящее дерево с кроной в виде зонтика.

— Нет, — признался я. — Здесь еще не был.

— Не интересуетесь своими владениями?

Я пожал плечами.

— Это всего лишь краткосрочная аренда... не спрашивая хозяев.

Он с хозяйствским видом обвел рукой зал, где вдоль стен возносились к высокому своду вообще великанские стволы, а кадки для этих деревьев не кадки, а все те же кольца из толстых мраморных плит, на которых удобно сидеть, можно даже лечь, глядя на потолок сквозь зеленую листву.

Я покачал головой, Альбрехт сказал с иронией:

— Хорошо быть императором? Сад с доставкой прямо в апартаменты. Не утруждаться же великим людям пешими прогулками!

— Думаю, — ответил я, — кроме бассейна и настоящее озерко где-нить в таком великанском здании притянулось.

— Поищем?

Я отмахнулся.

— Нет, спустимся в императорскую библиотеку. Мне нужны карты! Все. В том числе и самые древние.

— А древние зачем? С тех пор все разрушено.

— Пусть сейчас там ничего нет сверху, — ответил я, — но подвалы сохраняются дольше стен.

Сэр Джеральдер не упускает случай показать придворным, что он уже в правительстве, к тому же не просто в нем, а его глава, тут же на виду у всех подошел, поклонившись уже намного сдержаннее и без танцев, оттанцевался в первый раз, а я, все поняв, поинтересовался громко:

— Как идут дела, лорд-канцлер?

Он ответил так же громко и уверенно:

— Ваше Звездное Величество, все заработало!.. Жизнь во дворец возвращается, гонцы понеслись во все концы империи с новостями о вашем победном прибытии!

— Прекрасно, — сказал я жирным голосом. — Продолжайте править, а мы пошли вкушать.

Когда отошли, Альбрехт поинтересовался:

— Вкушать?

— Ну да, — ответил я. — Духовной пищи. Библиотека вон там... в том направлении.

— Уже знаете дорогу?

— Зачем нам дороги? Мужчинам достаточно и направлений.

Он покосился на мое суровое, надеюсь, и одухотворенное великими идеями лицо.

— Ах да, вы же никогда не забываете произносить коронные фразы?

— Только перед народом, — ответил я. — Народ — это наше все. Это буревестник, что прячет тело жирное в утесах.

— Народ, — сказал он с презрением, — это ветер, что дует куда изволит.

— Тогда король, — ответил я, — не меняя ветра, должен умело поворачивать парус корабля королевства, чтобы вести его через бурное море эпох...

Из дальнего зала широкие ступеньки цвета старой меди, по виду просто вырубленные в массиве каменной горы, торжественно повели вниз, по бокам со стен смотрят ничего не выражаящими глазами морды зверей и утопленные в камне барельефы перил, там же на стенах мифологические фигурки и сценки, наверняка понятные хотя бы библиотекарям.

Спустились в обширный зал, заброшенный, где не просто запустение, а даже осколки некой посуды, небрежно сметенные в угол, горки мусора на красочно разрисованном полу очень сложным узором, голова закружится, если пытаться за ним уследить.

На той стороне зала арочный вход, а над ним горит зловеще красными буквами надпись: «Се создал Эннер Хеншоужр, сын Мердера Маркворкшера».

Альбрехт, перехватив мой взгляд, пояснил:

— Уже встречал такое.

— Автограф строителя?

Он кивнул.

— Да. Но отложенный... В смысле, выступает в камне очень медленно, становится заметен только через несколько лет! А потом все ярче и ярче.

— Понятная предосторожность, — сказал я. — Не всякий король, тем более император, позволит, чтобы еще чье-то имя вот так нагло высвечивалось у всех на виду.

Он пробормотал:

— Тут строители передрались бы все, стараясь договориться, каким титулом увековечить вас...

По ту сторону арочного входа такая же лестница вниз, дальше зал еще в худшем состоянии, но когда

спустились еще ниже, я с удивлением увидел выметенную лестницу, а дальше зал с массивными шкафами как вдоль стен, как и посреди зала.

— Здесь и работают, — пояснил он. — Да, эти люди почти не покидают эти места... Что делать, им здесь нравится больше, чем наверху.

— Я их понимаю, — ответил я. — В детстве мечтал стать библиотекарем!.. Сколько книг, бери и читай... Но увы, мечты остались мечтами, пришлось стать императором...

Он покосился с недоверчивым изумлением, явно же шутка над несчастными в этом зале, но говорю так серьезно, даже печально.

Впереди за огромным столом одиноко сидит маленькая девочка лет семи, увлеченно читает толстую книгу с картинками.

— Привет, принцесса, — сказал я.

Она оторвала затуманенный взор от страниц, посмотрела на меня, хорошеный такой чистый ребенок, застенчиво улыбнулась.

— Я не принцесса...

— А кто ты?

— Просто девочка...

— Все маленькие девочки, — сказал я твердо, — принцессы.

Глава 10

Мелко-мелко перебирая тонкими ножками, выбежал сухонький старичок в неопрятном парике, да и тот сбился набок, вскрикнул испуганно и возмущенно:

— Кто такие? Кто позволил?

Я сказал ласково:

— Успокойся, отец. Похоже, даже не знаешь, что был Конец Света. Да и зачем вас предупреждать?.. Это чья девочка?

Он ответил настороженно:

— Моя внучка. Оставить не с кем. А вы кто?

— Властелин мира, — ответил я скромно. — Хотя мир об этом еще не знает, но у нас впереди вечность, не так ли?

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Те, кто читает книги, в самом деле властелины мира... А вы что, грамотный?

— У меня меч для красоты, — объяснил я. — Атрибут мужественности. Мужчина должен быть с мечом, а женщина с сиськами. Вы как насчет сисек?

— Сиськи одобряю, — ответил он настороженно, — а мечи нет.

— Я тоже, — сказал я. — Видите, как много у нас общего?.. Но жизнь такая, как без меча выйти в люди? Не всем же повезло стать библиотекарями... Кстати, нам нужны карты.

— Карты? Какие карты?

— Любые, — пояснил я. — Все. А там разберемся.

Он нахмурился.

— Старые карты под особой охраной тайной императорской гвардии.

— А гвардия сейчас... с императором?

Он ответил неохотно:

— Да...

— Показывайте то хранилище, — распорядился я. — С этого момента оно переходит под вашу руку и ваше управление.

Он воскликнул:

— Да кто вы?

Я оглянулся на дробный стук туфель.

— Вот спешит сэр Джеральдер, вы его знаете? Он все объяснил. Даже необъяснимое, так как он уже лорд-канцлер, представляете? Всем бы нам такую карьеру.

Он остановился, ожидая бывшего советника его величества, а мы с Альбрехтом прошлись по залу,циальному особом ароматом старых книг, где страницы из пергамента и веленевой бумаги, переплеты из ценных пород дерева, многие в металлических с замочками, да не откроет тот, у кого нет секретного ключа.

Я сказал невесело:

— Такие сокровища...

— Ценителей мало, — ответил Альбрехт с полнейшим равнодушием.

— Но книги вообще ценность...

— Если не бухгалтерские записи, — напомнил он. — А большинство книг как раз о расходах, доходах, налогах, потерях, стоимости разбитой посуды, ценах на ремонт мебели, количестве кур в деревнях...

— Все равно грустно, — сказал я. — Почему никто не пользуется? Не вижу толпы читателей. И читальных залов.

За спиной послышались быстрые шаги, библиотекарь подошел торопливо, поклонился, но неохотно и неумело, а сэр Джеральдер исчез в одном из помещений библиотеки.

— Сюда точно, — обронил Альбрехт, — не заходят высокорожденные и высокопоставленные?

Библиотекарь сказал с приглушенным вызовом:

— Высокородные нет, но умные люди приходят. Только вчера я выдал три книги!

— Целых три? — спросил я в изумлении. — Это же невероятно много!.. Кто же эти сумасшедшие, что даже в такое время читают?

Он ответил нехотя:

— Вы правы, ваше... Ваша Мощь, их и раньше называли сумасшедшими. В благополучное время.

Что-то в его тоне насторожило, я поинтересовался, глядя ему в глаза:

— Не хитрите, дружище. О ком речь?

Он уронил взгляд и ответил в пол:

— Причуда императора. Нет, отца императора Генриха Третьего. Это он велел незадолго до кончины создать университет...

— Что-что? — спросил я, не веря своим ушам. — Университет? А как же маги?

Он посмотрел на меня в удивлении.

— Магия — это серьезно, а в университете безобидные чудаки. И под особым покровительством императора. Уважая волю отца, Герман Третий не трогает и не закрывает заведение...

— Все равно, — пробормотал я в изумлении, — интересно, как он вообще существует... Или и маги обленились? Не реагируют на угрозы?

Он в свою очередь смотрел на меня в недоумении.

— Ваша Небесная Мощь... какие угрозы?

Я запнулся, не зная, что сказать, все-таки университеты, насколько помню, возникали при монастырях... нет, при монастырях только школы, а университеты уже при солидных кафедральных соборах, в тех университетах изучали богословие и разбирали сложные теологические вопросы, закладывая методы научного познания. Короли начали основывать их гораздо позже, да и то подражая церкви. Но как вот здесь, на Юге, где никогда не было церкви...

— Что там, — спросил я, — в этом, как его, университете? Семь свободных искусств?

Он посмотрел на меня с уважением.

— Вы слышали о них?..

— Догадался, — ответил я. — Такой вот я догадочный. Такое, бывает, догадаюсь, что и на голову не лезет.

Он ответил почтительнейшим тоном:

— До правления его величества императора Генриха Третьего существовал только тривиум, но его величество лично распорядились ввести еще и квадривиум, так что все семь в наличии.

Я пробормотал:

— Император?.. Все страньше и страньше...

— Никому не ведомы планы его императорского величества, — сказал он значительно.

— Умеет скрыть, — одобрил я, — у меня пока не получается. Всяк заранее видит, кого пну... Ладно, хорошо бы навестить этих чудиков в универсе... Там уже спорят на тему, сколько демонов поместится на острие иглы? Или схоластику еще не открыли?..

— Ваша Звездная Мошь?

— Надо их навестить, — сказал я. — У меня время прям девять некуда. Вот сплю и думаю, куда бы его деть? Мог бы заработать на продаже... Какие-то книги еще заказывали?

Он ответил со вздохом:

— Да.

— Какие?

Он ответил уклончиво:

— Они в особом императорском отделе. Никто кроме...

— Сейчас, — прервал я, — все в вашем отделе! Вы полный хозяин. А над вами только я. Если не считать Творца, но вы Его отрицаете. Так что давайте те книги, к которым универцы хотели получить доступ.

Он спросил в полнейшем замешательстве:

— Ваше... но зачем?

— Поработаю посыльным, — ответил я. — У прозвещенных людей никому не стыдно быть посыльными, даже императорам.

В полнейшей прострации, почти не соображая, что делает, он повел еще на этаж ниже, но там лестницу перегородила массивная дверь из незнакомого металла, в глубине которого поблескивают искорки.

— А где охрана? — спросил я.

— Дверь себя охраняет сама, — ответил он почти тельно. — Только император вхож...

— И часто сюда входил?

— Ни разу, — ответил он.

Я вскинул руку, сосредоточился, по телу прошла теплая волна, наполняя мышцы новой мощью.

— Молот!

Растопыренные пальцы сжали короткую рукоять боевого молота, рука чуть опустилась под его тяжестью, но тут же я почти без размаха швырнул его в середину двери.

— Во имя Господа!

Даже Альбрехт смотрит зачарованно, хотя этим молотом я совсем недавно лупил филигонов. Первый был поглощен Темным Богом Терросом, однако гномы сделали в память о нем второй такой же по виду и с такой же короткой рукоятью, но зато усеяли камешками даже рукоять, так что с одного броска проломлю любую крепостную стену...

Дверь глухо звякнула, молот кувыркнулся в воздухе и стремительно метнулся обратно. Я выставил вперед руку с раскрытой ладонью, рукоять впечаталась смачно, я едва успел сжать на ней пальцы.

Библиотекарь распахнул рот, взгляд его устремлен не на меня, такого красивого и грозного с молотом в

руке, а на дверь хранилища, что заметно прогнулась в ту сторону, а в середине глубокая вмятина.

— Это я разогреваюсь, — пояснил я и сказал громче: — Во славу Господа!

Метнул я с силой, а еще вложил в бросок мысленный приказ сокрушить все, что вот так нагло противостоят здесь нам с Господом.

Весь лестничный пролет наполнил звон, затем до несся тяжелый грохот, с которым сорванная с петель дверь ударила там внизу о каменный пол.

В наступившей тишине я сказал внятно и как можно безмятежнее:

— Идем дальше и выше. В смысле, глубже, так как знания нужно углублять. Нас это возвышает, а книги — источник возвышающей глыбины... Эх, ничего не понимаете, дикари зачитанные.

Повесив молот на пояс, я двинулся по ступенькам ниже и ниже, а за мной злобно ухмыляющийся Альбрехт, обожает такую демонстрацию моци, хотя и не показывает виду, а за ним, приотстав от обалдости, дробно-дробно семенил библиотекарь.

Внизу распахнулся зал, едва ли не обширнее верхнего. Стеллажей с книгами здесь меньше, зато в центре зала два массивных стола, способных выдержать любые тома, даже если там по тысяче страниц в ярд, а переплет из чистого золота.

— Неплохо, — сказал я с одобрением. — Прекрасный читальный зал без права выноса редких и уникальных экземпляров. Знавал, знавал... И где тут карты?

Он торопливо поклонился и с поклоном развел руки в стороны, не то собирается пойти в пляс, не то приглашает меня.

— Если изволите... То вот, например...

Я подошел за ним к массивному столу, где расположились стопки толстых и очень ветхих с виду книг, часть в кожаных обложках, некоторые в медных и бронзовых, вокруг горящие свечи, что вообще-то как-то не то, но местным виднее. Возможно, эта бумага не горит.

— Вот древняя книга с картами, — сказал он, — где указаны все королевства. От берега и до берега. Все с границами, крепостями, большими и малыми городами...

— Прекрасно, — сказал я радостно. — Ценнейшая вещь.

Он предупредил:

— Обращайтесь осторожно, ваша Небесность!.. Этой книге три тысячи лет.

Я вздохнул.

— Ну да, ценность... Антиквары здесь уже есть? Очень полезная, да, а как же... Впрочем, давайте. Есть вещи, что не изменились. Те же горы, а то и большие реки. Или это только политическая?

Он переспросил:

— Какая-какая?

Я отмахнулся.

— Давайте!.. Мое величество изволит провести экспертную оценку на предмет полезности для страны и подъема сельского хозяйства. Как у вас здесь с сельским хозяйством?.. Оно же всегда в упадке и требует дотации. Эх, оторвались от жизни...

— Ваша Багряномощь?

— Соберите книги, — велел я, — что хотели чудаки из универа. Чудачества, сэр Главный Библиотекарь, нужно поощрять, развивать и спонсировать!.. Раз Господь создал чудаков, значит, они нужны. Кто мы, чтобы спорить с Господом?

Он поклонился с самым смиренным видом.

— Да, конечно, ваше Могущество!.. Все как скажете. Только насчет Главного Библиотекаря...

— Уцелевшие становятся на места павших, — сказал я сурово. — Вся жизнь — война! Всех со всеми. Не знали в библиотечной тиши?.. Те, что ушли с императором, считай, погибли. Так что теперь главный вы.

— Ох...

— Главный Библиотекарь столицы, — сказал я. — Да что там столицы? Империи!.. Так что все редкие книги вправе изымать во всей стране... империи!.. и тащить в эту нору.

Глава 11

Его глазки загорелись не из-за титула, а когда сказал насчет права изымать и тащить, это же мечта всех книжников.

— Ваша Мошь, — проговорил он уже без сопротивления в голосе, — конечно, редкие книги должны быть в особом охраняемом месте...

— Вы справитесь, — сказал я. — А сейчас пришлете заказанные чудиками книги в мой кабинет. Или мне лично, изволю выйти на свежий воздух... слишком уж везде надушено.

Он ответил с мольбой:

— Но книги побережете?

— Книги? — переспросил я. — Книги не люди, их берегут. Не трепещите, я самолично или мои доверенные люди отвезут в полной сохранности. Все весьма зело! Ибо всегда.

Развернувшись на каблуках, я красиво направился к лестнице. Великому вождю-завоевателю не весьма лепо глязеть на книги, он должен с удовлетворением

созерцать отрубленные головы врагов, целые пирамиды из них, в развитом цивилизованном обществе всяк хорош на своем месте.

Альбрехт дрогнул, сказал четким голосом:

— А вон ту... не желаете взять?

На отдельном столике расположилась огромная толстая книга, раскрыта посередине, от нее идет тихий голубой свет. Длинное гусиное перо само по себе быстро-быстро выводит странные письмена, а когда подходит к концу страницы, та с легким приятным шелестом переворачивается на другую сторону.

Я уже видел такие книги, почти все раскрыты примерно на середке, и сколько бы страниц ни перекладывалось, разницы незаметно. Наверное, страницы в один атом, потому в подобных книгах их много миллионов, если не миллиардов.

Правда, говорят, есть книги, в которых страницы уже подошли к концу. А когда будет закончена последняя, то ли Конец Света, то ли что-то еще страшнее.

Я буркнулся:

— Если бы писала, что будет, я бы да, а так кому нужно то, что свершилось?.. Хотя таких дураков много, их называют историками, есть такая вымирающая, но уютная профессия...

Он, чуть задержавшись, дрогнул у выхода в центральный зал. Вдоль стен в жадно-трусливых позах затаялись придворные, две женщины быстро выдвинулись вперед и присели в жеманном приветствии.

Я кивнул, Альбрехт скользнул поnim равнодушно-внимательным взглядом.

— Мой лорд, — сказал он с чувством, — как давно не видывал ваш молот в работе!

— Да, — поддакнул я. — Три дня уже!.. Или пять?..

Он шире раскрыл глаза, потом кивнул.

— Что это я в самом деле... Но столько событий, битва с филигонами будто в другой жизни... Подумать только, всего пять дней тому ворвались в Маркус и спасли мир! Даже не верится.

— То ли еще будет, — сказал я зловеще. — Мы в самом сердце царства Зла!

Он посмотрел на меня искоса и с сомнением на лице.

— Правда? Издали да, а когда вот здесь, то как-то... терпимо.

— Настоящее Зло, — пояснил я, — всегда рядится под уют и покой. И под свободу нравов с ее такой сладкой раскрепощенностью... И доступностью женщин.

Он сказал предостерегающе:

— Но-но!.. Думаю, даже инквизиция за доступных и теплых женщин.

— И мягких, — согласился я. — С вот такими... Эх, дорогой друг, вот так нас и берут голыми ногами!.. Оставайтесь здесь пока за меня, а я съезжу в тот университет.

Он взглянул с сомнением.

— А это важно?

— Как знать, — ответил я. — Но знания — сила, как сказал мудрый сэр Френсис.

Когда шли через холл, он кивнул на двух лакеев в длинных ливреях императорских цветов.

— Эти пришли сегодня.

— Не доверяете, сэр Альбрехт?

Он ответил уклончиво:

— Я мало кому доверяю... полностью. Но мы спасли и здешних! Они страшатся выражать свой восторг слишком явно, мы для них грозные и загадочные. Здесь давно не видели, как я понимаю, людей в железе. Поэтому приходят во дворец на цыпочках и... всем видом

показывают, что готовы служить. А ваш лорд-канцлер умело отбирает наиболее... адекватных.

— Как он?

— Горд и счастлив.

— А в работе?

— Стремится, — ответил он снова с неопределенностью. — Я же не слежу за каждым его шагом, хотя вообще-то замечаю.

Из холла перед нами распахнули массивные двери, Альбрехт знаком велел страже оставить открытыми. Во двор вкатила очередная карета, изысканная настолько, что даже мне понятно, за дизайном стоят несколько сотен, если не тысяч лет доработок, все вытююлено до мелочей, красота и удобства на марше.

Лакеи подставили скамеечку, и когда дверь распахнулась, помогли выйти и встать, не пошатываясь, на каменные плиты двора солидному вельможе с громадным брюхом.

Следом легко и грациозно спустилась женщина, еще молодая, красивая и явно следящая за своим рядом и внешностью, в отличие от мужа.

Альбрехт сказал с иронией:

— Богатство и влияние мужчины здесь определяется по женщине, что с ним рядом...

— Так было, — согласился я, — так есть и так будет вовеки. Пока, конечно, остаемся самецами.

Альбрехт сказал тихо:

— Не могу это пока объяснить, но уже двое местных сегодня появились при дворе в панцирях.

— Беспокоит? — спросил я.

Он ответил с неопределенностью:

— Да как-то непонятно... Необходимости нет, а панцири здесь никто не носит.

Я подумал, он смотрит в ожидании мудрого ответа, и развел руками.

— Возможно, это некий сигнал нам. Возможно, хотят понравиться. Но возможно, и нечто более значительное...

— Что?

— Доспехи могут войти в моду, — сказал я. — Конечно, в облегченном варианте, окультуренном, осовремененном...

Он подумал, сказал с некоторым облегчением:

— Носят же парики...

— Вот-вот. Парики те же шлемы, тоже прикрывают головы. Но уже не от ударов, а прячут лысины.

В сторонке от главного входа, куда уходит тенистая аллея, виден массивный фонтан в три моих роста, в центре на пьедестале блещущая золотом фигура мужчины с бородой и, чудо, книгой в руке, а не мечом.

Пьедестал окружен тремя нисходящими и все расширяющимися кольцами бассейнов, а за стенкой последнего, прямо в воде, расположились с раскрытыми широкими ртами массивные зеленые жабы, каждая в половину моего роста.

Из пасти каждой хлещет вода, наполняя последний уровень бассейна, уже широкий, окаймленный только бортиком дорожки для прогулок.

— Жабы, — сказал Альбрехт, поймав мой взгляд, — самые любимые Небесами. Стоит им заквакать, выпрашивая дождичек, небеса сразу же дают просимое... Так что с Севером есть нечто общее.

— Общие предания, — согласился я. — Но, может быть, и привнесенное с Севера. Я сам знаю одного энтузиаста, что добрался сюда своим ходом...

Он спросил заинтересованно:

— Он в столице?

— Дальше побережья не пошел, — ответил я, — хотя мог бы.

За спиной послышался торопливый вскрик:

— Ваша Небесность!..

Нас догоняют двое, один Главный Библиотекарь Империи, второй, судя по его виду, тоже библиотекарь, в руках тщательно завернутый мешок, еще и перевязанный лентой.

— Ваше Звездное Могущество, — проговорил Главный, он так сильно щурился от солнечного света, словно не видел его с рождения, — вот... как вы и вели...

— То, что чудики заказывали? — переспросил я.

— Да, — ответил он упавшим голосом. — Только это очень древние и ценные книги! С ними надо поосторожнее...

— Я их предупрежу, — пообещал я. — Зайчик, Бобик, ко мне!

По лицу Главного Библиотекаря видно, что предупреждение относится ко мне, а не к чудикам, но лишь молча отпрыгнул, с грохотом копыт примчался громадный черный конь с развевающейся косматой гривой и роскошным хвостом, рядом с ним словно из ниоткуда возник огромный ужасающий пес.

Оба библиотекаря замерли, трепеща, а я сунул мешок в просторную седельную сумку, Альбрехт вздохнул, когда я поднялся в седло.

— Что, — спросил я, — герцог?

Он сказал рассерженно:

— Не люблю, когда вы на этом чудище!.. Нет, его самого люблю, кто бы не полюбил такую милую лошадку, но за нею никто из свиты не успевает!

— Герцог, — ответил я со смехом, — универ не на другом конце империи, а в двух кварталах отсюда!

— Многое может случиться, — напомнил он, — на пути ложки от тарелки до рта. Вас не жалко, мой лорд, вы уже давно заработали место на виселице и самый большой котел в аду, но такое великое дело без вас вдруг да рухнет?

— Хороший вы человек, — сказал я, — о деле радеете. Все верно, главное — наше общее дело, а людишек еще бабы нарожают.

Он посмотрел свысока, а я поднялся в седло и красиво вскинул руку в прощании.

Бобик ринулся вперед, часто оглядываясь и стараясь угадать, куда я изволю в городе, но, к его разочарованию, мимо промелькнуло не больше двух домов, крупных и роскошных, а дальше за обширной площадью поднялась мрачная громада зданий непонятного назначения, теперь отданная под университет.

Арбогастр красиво и гордо понес меня к воротам. Я не удивился, увидев их открытыми, нужно быть мастером, чтобы у студентов найти что-то достойное кражи.

По ту сторону ворот вдоль забора целый лес из зеленых растений, сейчас обильно покрытых пылью, широкий и заброшенный с виду двор, а там три стаинных приземистых здания, вместительных, но как-то не видно, чтобы их обжили в полном объеме.

За мной с грохотом копыт во двор вломились телохранители, обогнали, ворвались в здание. Я удивился, как это они ухитрились, хотя я, конечно, не спешил, но ребята быстрые, успевают прочитывать мои желания.

Местный народ разбежался в ужасе, а через минуту из центрального входа выскоцил один из норбертовцев, с порога помахал рукой.

— Чисто, сэр Ричард!

Покидая седло, я шепнул Зайчику:

— Ничего здесь не разноси. Вернемся — получишь вкусности.

Он фыркнул, то ли одобряя, то ли выражая неудовольствие, что он будет ждать, а это черное и противной, именуемое Псом, пойдет со мной.

Я заверил:

— Нет-нет, Зайчик, ему тоже лучше побегать здесь на солнышке, чем в затхлых помещениях, где много пыли и пауков. Бобик, гуляй!.. Сэр Чекард, покажите, что отыскали...

Чекард, один из младших командиров Норберта, оставленный охранять и беречь верховного лорда, уже соскочил на землю, разведчики подают ему известные только их племени знаки.

Чекард посмотрел сперва на них, повернулся ко мне.

— Сперва в это здание. Хотя и остальные два мало чем отличаются. Но здесь их... главные.

Навстречу нам торопливо вышли с дюжину одетых в длинные хламиды, что-то похожее на мантии магов, все старые и очень старые, головы не покрыты, а когда мы слезли с коней и двинулись в их сторону, там все опустились на колени.

Хламиды, как я все-таки заметил, хоть и чистые, но протертые, кое-где заштопанные, а у одного даже с латкой, хоть и замаскированной достаточно искусно, так что эти хламиды точно от слова «хлам».

Наука всегда получала мало инвестиций, сказал внутренний голос, так что не хрюкай, здесь энтузиасты, что меняют мир, прозябая в нищете и бедности.

Чекард сказал презрительно:

— Смирение выказывают?

Я ускорил шаг, велел сердитым голосом:

— Это что еще за?.. Наука, если вы наука, не должна ни перед кем преклонять колени!..

Чекард жестами поднимал стариков, они вставали, опираясь на посохи, кому-то пришлось помочь, а ко мне смиленно обратился высокий худой мужчина с длинными седыми волосами и седой бородкой, впрочем, аккуратно подстриженной:

— Ваше величество, властелин Багровой...

— Это опустим, — сказал я в нетерпении. — Ведите в аудиторию, рассказывайте. Мне кажется, я впустую потратил время. Вы декан?

Он сказал покорно:

— Ректор Такер Дохерли, ваша Багровость... Прошу вас...

Он хотел было, судя по его неуверенным суетливым движениям, сказать «следуйте за мной» и пойти, указывая путь, но это же пойти впереди даже больше чем короля, что недопустимо, но, с другой стороны...

И он семенил сбоку, дипломатически отстав на полшага. Так прошли коротким пыльным коридором, достаточно темным, что так не похоже на местные здания, пропитанные солнцем, за нами как овцы идут остальные, только что не блеют, головы у всех виновато опущены, словно все гранты пропили, а отчитываться нечем. Из-за первой же двери доносятся голоса, ректор по моему нетерпеливому жесту отворил, помещение огромное и выглядит заброшенным, студентов около десятка, расположились на лавках, а преподаватель, как я понимаю, за столом, рассказывает им нечто скучное, судя по лицам студентов, которым от десяти до сорока, если не больше, лет.

— Что преподаете? — поинтересовался я.

Преподаватель вскочил и опустился на колени, а ректор ответил торопливо:

— Основы магии, ваше Звездное Могущество.

— Ах да, — сказал разочарованно, покосился на лица свиты ректора, все смотрят покорно и смиренно, только у одного лохматого с бледным угловатым лицом дернулась щека. — Конечно, это важно... Это важно?

Ректор ответил почтительно:

— Ваша Мощь, мир держится на магии.

Я кивнул, взглянул на его свиту, но все уронили взгляды.

— Ладно, показывайте дальше.

Преподаватель так и остался на коленях, когда мы вышли в коридор. Надеюсь, не простоят так до конца жизни.

Ректор подвел к следующей двери, по моему кивку отворил. В этом помещении народу еще меньше, а преподаватель ходит между рядами, что-то объясняя.

— А здесь что?

— Магия в строительном деле, ваша Громовержность...

Я махнул рукой, зря приехали, в третьей аудитории преподают магию в сельском хозяйстве, в четвертом — магию в искусстве.

Глава 12

Так дошли до последней двери, ректор, все больше горбясь, распахнул передо мной дверь и сразу испуганными жестами показал, что никаких коленопреклонений, этот вот властелин от их вида почему-то раздражается.

— А здесь?

— Магия в устройстве мира...

На стене висит большое полотно плотной бумаги или пергамента. Я издали рассмотрел красочный ри-

сунок гигантской черепахи, на спине плоская земля с деревьями, реками и крошечными городами. Черепаха, как водится, плывет по морю. Или бескрайнему океану.

— Здорово, — сказал я с сарказмом. — Это как раз то, что так важно. И чему надо учить молодое поколение. Тогда у него точно не будет будущего.

Он покорно склонился, а я бросил взгляд на его свиту. У всех одно безнадежное выражение, типа «скоро бы ты убрался отсюда», только тот лохматый, которого я заприметил еще в начале инспекции, нахмурился и воздел взгляд к потолку.

— Думаю, — сказал я, — все с вами согласны... Вот вы — согласны?

Лохматый вздрогнул, запнулся на миг с ответом, видно было, с каким усилием прощедил сквозь стиснутые челюсти:

— Да, ваше величество. Конечно.

— Целиком? — спросил я.

Он ответил мрачно:

— Целиком...

— Весь мир находится на черепахе, — сказал я, глядя ему в глаза, — а та плавает по морю...

— Да...

— По бескрайнему океану, — сказал я. — Плавает, плавает... а когда почешется, на земле эти, как их, землетрясения...

— Черепахи не чешутся, — ответил он и добавил: — Ваше величество.

На лице ректора отразилось отчаяние. Человек если не очень умный, но хорошо разбирающийся в людях, понял, к чему я веду, и понял, чем может окончиться, если не прервать, но на это не осмеливался и только все больше бледнел и вздрагивал.

— А какой породы черепаха? — спросил я. — Ах да, просто магическая... Как здорово, как магия объясняет все, не нужно ни до чего допытываться... Верно? Хотя непонятно, зачем университет... Ну да ладно, а как же тогда смена дня и ночи?.. Зима и лето?.. Или черепаха заплывает, дура такая, и в холодные моря, где может отморозить лапы, и плавает там несколько месяцев?..

Лохматый задержал дыхание, но пересилил себя и кивнул.

— Умные здесь люди собрались, — проговорил я, глядя ему в глаза. — В университетах самые умные, верно?.. Какие же тогда остальные... Вы тоже такое будете преподавать... или уже преподаете?.. Все правильно в таком устройстве мира?

Я рассматривал его насмешливо и провоцирующе, ректор подавал ему непонятные мне знаки.

Лохматый с усилием проговорил:

— В устройстве мира все правильно...

— И в его понимании? — уточнил я.

Он не выдержал мой взгляд, отвел в сторону, но вдруг сказал с усилием, словно это само вырвалось, а он удерживал, но не смог:

— Понимание не совсем... верно.

В свите ректора ахнули, сам он стиснул руки и вздел глаза к потолку.

— А как точнее? — спросил я.

Он ответил чуть громче:

— На мой взгляд... но только на мой!.. Земля вообще круглая, как шар, и находится в центре мира. А вокруг нее ходят Солнце, Луна и звезды.

В свите ахнули уже несколько голосов, кто-то подчеркнуто, чтобы все видели его лояльность, ректор закусил губу и покорно повесил голову.

— Та-а-ак, — сказал я, — это уже любопытно... Идея, конечно, бредовая... Сэр Такер, вы согласны?

Ректор вздрогнул, никто не называл его сэром, сказал умоляющее:

— Ваша Грозность, не обращайте внимания!.. Всегда найдется кто-то, кто все портит...

— Да, — согласился я и повернулся к лохматому. — Тебя как зовут?

— Элис Ламберт, — ответил тот покорно.

— Вот что, Элис, — сказал я вельможно. — А с какого перепуга или перепоя, что вероятнее, ты решил, что Земля, на которой живем мы и жили наши предки, круглая?

Преподаватели хихикнули, лохматый ответил угрюмо:

— Я раньше преподавал арифметику и геометрию...

— Это в рамках тривиума, — ответил я. — Астрономия уже замыкает квадривиум!

— Потом я доказал право вести занятия в рамках квадривиума, — сказал он. — И обнаружил некоторые противоречия...

— Ага, — сказал я с удовлетворением. — Некоторые!.. Ух ты, только некоторые, надо же. А в остальном теория Земли на спине черепахи верна?

Он поклонился.

— Целиком, ваше величество!.. За исключением незначительных моментов в области арифметики и геометрии... Мне показалось, теория шарообразной Земли, несмотря на ее безумие, более точна в математическом смысле...

Ректор выглядит как человек на эшафоте с петлей на шее, остальные преподаватели замерли в ужасе.

Я расхохотался.

— Одобряю! Ты повеселил меня своей ерундой. Даю тебе поручение! Разработай теорию... ха-ха, что весь мир, вот этот твой круглый шар, не стоит на месте, как ты решил с какого-то перепуту, а вращается вокруг такого же круглого Солнца. Один оборот, ха-ха!.. за цеплый год. А еще и вращается сам как волчок вокруг оси. Один раз в сутки. Когда в следующий раз приду с инспекцией, доложишь результаты. И попробуй только увильнуть!.. Весь университет закрою... Сэр Такер, ведите дальше.

Ректор всю дорогу поспешно вытирая платком вспотевшее лицо. Строптивый преподаватель своей безумной выходкой чуть не погубил университет, но благодаря тому, что развеселил грозного повелителя, все обошлось. Да и этот Элис Ламберт явно сожалеет о несдержанности перед лицом проверяющей комиссии, во всяком случае грозный властелин Багровой Звезды еще ничего не сказал...

— Дальше только хозяйствственные постройки, — проговорил ректор заискивающим голосом. — Желаете осмотреть?

Я отмахнулся.

— Неинтересно. Живете небогато. Кто финансирует?

Он сказал виновато:

— В основном на подачки от родственников. У всех, кто учится и преподает, есть семьи, родители...

— Добрые люди, — изрек я. — Но ваше заведение... весьма.

— Ваше... ваша Звездность?

— В просвещенном обществе, — изрек я жирно, — таких должно быть много. Во всех крупных городах... Ладно, с этого дня ставим вас на гособеспечение. Преподавателям будут выплачивать зарплаты, а студентам

стипендии... Нет, студенты пока обойдутся. Разве что самым талантливым и тем, у кого нет родителей. А то набегут всякие.

Он кивал, лицо вконец растерянное, его свита преподавателей за спиной начала растерянно-радостно переглядываться, но переговариваться пока не осмеливаются.

— А этот лохматый, — сказал я, — как его...

— Элис Ламберт, — подсказал он. — Уволить?.. Выгнать?.. Сдать в руки страже?

— Он же ваш преподаватель? — спросил я. — Что преподавал до астрономии?

— Да ерунду всякую, — сказал он торопливо. — Не обращайте внимания, ваша Звездность!.. Геометрия, потом изучал состав земли, как и почему меняется...

Я понизил голос:

— Но вы же его цените?

Он смущился, жалко проблеял:

— В какой-то мере... он талантлив... но только характер вот... никак не хочет следовать установленным канонам...

— И все-таки вам нравится, — сказал я понимающе. — Вы хороший человек, сэр Такер. Это даже выше, чем хороший ректор. Проследите, чтобы он не подвергался гонениям со стороны коллег. Как-нибудь загляну еще. Жаль, не завтра точно...

Едва вышли во двор, Зайчик примчался с мощным грохотом копыт, Бобик с той стороны забора перемахнул в красивом исполинском прыжке и подбежал на мгновение позже.

Ректор и свита застыли, страшась шевельнуться. Я поднялся в седло, телохранители взяли в кольцо, и так все галопом понеслись к раскрытым воротам.

Самое правильное было бы развернуть сеть таких университетов по всей империи, но такое не сделать ни с помощью армии, ни с помощью Маркуса.

Так что оставим на будущее. А сейчас сосредоточимся на средствах коммуникации. Через Гессен, как рассказал Рефершельд, проходят сто двадцать багеров, сорок воздушных и восемьдесят наземных. Наверное, есть и те, что ходят мимо Гессена, так что их может быть даже вдвое больше. А то и больше, чем вдвое.

Наземные, правда, на короткие расстояния, всегда в пределах королевства, у багеров размах шире, а у грандбагеров, которых только над Гессеном проходит пять, и вообще... Возможно, у них маршруты от края континента до края, кто знает. Но ребята Норберта со временем выяснят, он набирает к себе самых любопытных и настырных...

Во дворе отдал повод Зайчика в руки конюхам, напомнил, чем его кормить, чем баловать, а когда поднялся на свой этаж, у двери кабинета встретил поджидающего Альбрехта.

— Как прошло? — спросил он.

Я сказал с яростью:

— Сэр Альбрехт, даже вы... даже вы!.. не понимаете, с чем мы столкнулись!.

— Сэр Ричард?

Я вошел в кабинет, сделав ему знак следовать за мной, там рухнул в кресло, чувствуя на своих плечах даже не горный хребет, а всю планету.

— Садитесь, дорогой друг. Кофе?

— Если не трудно...

— Не трудно, — буркнул я. — На Юге все подобное еще проще, только мне как-то не легче. Победили филигонов... а значит, перед нами никто не устоит!.. Но...

что дальше?.. Мы же хотели сделать мир лучше!.. А как его сделать, чтобы в самом деле лучше?

Он принял из моей руки чашку с горячим парующим кофе, поблагодарил кивком, посторонних нет, можно без церемоний.

— Перебить всех, — предложил он мрачно. — Жаль, создавать людей не умеем. Но если бы даже умели... все равно бы не рискнул... Но то я, а то вы.

— Мы можем менять, — сказал я, — разве что королей... пусть даже императоров, но что это даст?.. Да ничего! Они же все одинаковы, как муравьи-фуражиры. И озабочены разве что тем, как бы удержаться на троне и закрепить право престолонаследия за своими отпрысками. Прогресс движется без них, а то иногда и вопреки.

Он отхлебывал мелкими глотками, взгляд исподлобья, слушает молча, но я затих в бессилии, он после паузы проговорил с осторожностью:

— Прогресс... это тот путь... что всякий раз приводит к Войнам Магов?

Укол серьезный, я сказал с тоскливой безнадежностью:

— Сэр Альбрехт, я не вижу другого пути. Подозреваю, что его нет вообще. Потому нужно идти, понимая, чем может кончиться, и сразу убирая с пути все... ну, что может потом привести к катастрофе...

Он вздохнул:

— И каждый раз надеясь, что на этот раз обойдется?

— Да, — ответил я. — Все-таки, как мне кажется, люди выбирали разные пути, только вот все равно приводило к этим войнам Магов. Возможно, там были во все не маги, но... какая разница? В общем, предложу другой вариант...

Он спросил уже чуть живее:

— Какой?

Я поставил на стол пустую чашку, подумал и сделал себе другую, поменьше.

— Если бы я сам знал! Сэр Альбрехт, я абсолютно не готов править миром!.. Нет, вообще-то готов, когда все благополучно и налажено, а мне чтоб ничего не делать, только вкусно есть, сладко пить и трахать женщин, но здесь же надо поднимать мир из руин...

— Из руин?

Я сказал серьезно:

— Юг, как это ни странно, в гораздо большей беде, чем наш Север. После последнего появления Маркуса они восстановили все, как было, в ближайшие сто лет! Представляете? А потом целых пять тысяч лет, вплоть до этого дня, у них ничего не менялось!

Он посмотрел очень внимательно.

— Сэр Ричард... Судя по вашим словам, вы даже знаете... или хотя бы предполагаете, что должно было измениться?

— Конечно, знаю, — отрезал я. — Сэр Альбрехт, не расспрашивайте, все равно совру!.. Да, знаю, но это же не деревню изменить!.. Эх... придется начинать с введения всеобщей грамотности. Хотя бы для верхушки, а потом для лиц зажиточного сословия.

Он покрутил головой.

— Сэр Ричард, я ничего не понял. Но я с вами, как и был всегда. Мне, честно говоря, тоже привычнее меч над головой и на горячем коне в атаку... но хозяйствовать в своих землях мне тоже приходилось.

— Ваш метод хозяйствования, — сказал я, — намного прогрессивнее, чем здесь, на Юге. Это не комплимент.

Глава 13

Часовой в коридоре, выполняющий обязанности и слуги, открывающего дверь в королевский кабинет, приоткрыл, заглянул вполлица.

— Сэр Ричард... к вам сэр Раster, Тамплиер и Сигизмунд.

— Ох, — сказал я, — эти ястребы... Проси!

Он распахнул дверь шире, через порог шагнули трое закованных с головы до ног в лучшую сталь гигантов, разве что Тамплиер и Сигизмунд уступают Раsterу в массе, но слегка превосходят по росту и ширине плеч.

Раster выглядит рассерженным, Тамплиер суров и собран, только Сигизмунд явно стесняется того, что услышит, но смотрит открыто и прямо, уверенный в правоте их общего дела.

— Рад вас видеть, — сказал я. — Что вас тревожит?

Тамплиер сказал первым, чуть опередив Раstera:

— Сэр Ричард, армия высказывает недовольство!

— Ого, — сказал я. — Чем?

— Вашей непонятной слабостью, — отрезал он. — Нерешительностью... если не сказать больше!.. Сейчас уникальная возможность захватить весь мир!

Сигизмунд добавил торопливо:

— И не обязательно силой...

— Силой, — возразил Тамплиер, снова не дав Раstеру вставить слово, — но без кровопролитий, сражений и долгих войн!.. Все короли в глубоких пещерах! Будут пережидать там месяц-другой, а потом начнут прокапываться к поверхности. За это время нужно занять их дворцы и столицы, объявить королей низложеными, а у выходов поставить охрану, чтобы сразу всех выползающих из нор брать под стражу.

Раster прогрохотал гулко:

— В королевствах никто и не пикнет. И не только потому, что видят нашу силу. Короли виноваты уже тем, что бросили свой народ на верную гибель!

Сердце мое застучало громче, впервые сталкиваюсь с тем, что мои решения начинают оспариваться, потому заулыбался как можно беспечнее и сказал легко, стараясь, чтобы в голосе ирония звучала достаточно отчетливо:

— Герцог Альбрехт Гуммельсберг и граф Норберт Дарабос сейчас формируют ударные рыцарские отряды, что высадятся с Маркуса в королевствах, куда не ходят багеры. А-а-а, для вас это новость?.. Значит, вы не попали в число избранных.

Растер рыкнул оскорбленно:

— Как это?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, у вас хромает воинская дисциплина?.. Но если не хромает, то вам предстоит то, чего сейчас требуете, прокатитесь на багерах и захватите королевства, где они останавливаются.

По их ошелелым лицам вижу, кто-то уже пустил слух, что этот Ричард Длинные Руки только пьет и гуляет в захваченном замке местного императора, а о нашей великой миссии не думает.

Правда, цель этой миссии никто не сформулировал, но ее одухотворенные тезисы витают в воздухе, что-то типа насчет всех нагнуть, ограбить, женщин поиметь, а земли объявить своим феодом.

— Похоже, — сказал я с сарказмом, — я ответил на ваши вопросы. Можете идти.

Они повернулись и вышли из кабинета, голос у меня прозвучал в самом деле как у императора-воина.

Дверь моего кабинета на первом этаже то и дело распахивается, что приводит местных вельмож в изум-

ление и трепет такой бесцеремонностью. Похоже, мой авторитет то падает на самое дно, то взлетает выше императорского, как только вспоминают, что ужасающий Маркус, перед которым трепетали тысячи лет, теперь послушная колесница грозных северных завоевателей.

Альбрехт, которого я ждал с особенным нетерпением, наконец вернулся со смятыми листками.

— Вот, ваша Непонятная Звездность, — доложил он. — Первые наброски. Ребята потрясены этими багерами.

— Еще бы, — согласился я. — Даже меня тряхнуло, а я как Гильгамеш, все видавший... Где сам Норберт?

— Отправился лично, — сообщил Альбрехт. — Слишком уж непонятная штука эти багеры. Вдруг опасная? Выбрал самый крупный.

— На них разъезжают тысячи лет, — буркнул я.

— То южане, — напомнил он. — Вдруг у них что-то иначе? Норберт становится все осторожнее.

— Возраст?

— Ответственность.

— Ну наконец-то, — сказал я. — А то вы все в чем-то растеряны...

Он сказал с укором:

— Вы не замечаете, а у нас хребты уже потрескивают!

Я разложил на столе листки, в одну карту свести нетрудно, все-таки каждый садился на багер с причальной платформы чуть ли не в центре Солнечного Града, а уже оттуда уходили в разные стороны. Кто-то проехался туда-обратно, у кого-то маршрут оказался зигзагистый, у кого-то еще зигзагистее, через несколько городов и даже королевств.

Один из разведчиков прокатился тем же маршрутом, что и я, в маркизат Черри через королевство Гес-

сен. Судя по листку с заметками, абсолютно ничего не изменилось и нового не прибавилось, а я лишний раз отметил, что парень добросовестнейшим образом отметил все-все по дороге, не помешали даже некоторые пикантные ритуалы на борту.

— Ну как?

Я поднял голову, Альбрехт смотрит с ожиданием.

— Мало, — отрубил я. — Кто контролирует дороги, тот контролирует все!.. Во всяком случае, здесь. Ребята успели нанести на карту всего восемнадцать маршрутов, капля в море.

— Для империи?

— Даже для империи, — ответил я. — Не говоря уже о том, что... В общем, пусть Норберт бросит на картографию дорог все силы, что потребуются. А пока его нет, займитесь сами.

Он кивнул.

— Начну немедленно. Это в самом деле важно для завоевателя.

Я поморщился.

— Ладно-ладно, я все припомню. Постарайтесь особо выделить и отметить королевства, где не принимают багеры. На Юге очень легко стать независимым, не заметили?

— Нет дорог?

— Вот-вот, — сказал я. — А от десанта с багера защищаться проще простого. Сперва причальные пирамиды окружали рвами с водой, каменными стенами, откуда прибывшие шли по одному и под прицелом арбалетов...

Он посмотрел непонимающе.

— Не проще вообще разрушить причал?

— Простые решения приходят не сразу, — пояснил я. — Мы же люди, нам поумничать надо. Некоторые

короли, всходя на трон, вообще велят рушить эти исполинские лестницы, чтобы император не прислал войска и не начал устанавливать свою власть... Сейчас никто не знает, что там.

Его лицо помрачнело.

— Да уж... Думаю, не их благополучие заботит вас так уж... заметно.

В императорском дворце продолжают появляться как придворные, так и придворные дамы, что весьма взбодрило моих орлов. В городе тоже налаживается, но большинство пока где-то в лесах или в оврагах, стараясь укрыться от плениения филигонами.

Забавно было наблюдать за Митчеллом. У женщин натуры чуткие, моментально определили за его внешне грубыми манерами мужскую простодырость, потому атакуют достаточно активно.

Он поддался охотно, но только на прелюбодеячество, однако когда ему начали намекать на их титулы, богатства и связи, я пожалел, что милая Даниэлла не видит его в тот момент, когда он красиво и одухотворенно отвечает им что-то в благородно-рыцарском духе: «Отстаньте, суки! Я женат».

Похоже, назревает проблема, с которой не сумели справиться великие завоеватели прошлых времен. Александр Македонский пытался ее решить тем, что женился на дочери владыки великой покоренной империи, а своим полководцам велел брать в жены и любовницы местных дам знатного происхождения. То же самое делал Вильгельм Завоеватель, как и его прадед Ролло, но что-то не нравится мне такое примитивное решение, а на изящно-сложное, боюсь, мозгов не хватит...

Да и в подавляющем большинстве сами завоеватели растворялись в море покоренных. Персия переварила завоевавших ее греков, англосаксы всего за двести лет полностью переварили захвативших страну французов и вернули ее к английскому языку, а Китай так и вовсе завоевывали бесчисленное количество раз, но все растворялись, как морская волна в песке...

Хотя, конечно, это я, как обычно, залетел в облака со своими мыслями, что не мысли, а просто дурные грезы.

В столице тишина, мародеров рубят на месте, не выясняя, много или мало украл, закон военного времени жесток, а сегодня сэр Джеральдер, весь довольный с головы до ног, оттанцевался, помахивая шляпой, уставился в меня блестящими от возбуждения глазами.

— Сэр Джеральдер? — спросил я.

Он сказал счастливым голосом:

— Знаменательный момент, ваше Могущество!.. Мародерство подавлено, а отряды графа Максимилиана передают охрану городских улиц местной страже.

— Он все еще именует себя графом? — спросил я. — Графом был на Севере, но как только подошва его сапога коснулась земли Южного континента, он стал герцогом.

Он сказал с поклоном:

— Запомню и велю довести до сведения всех работников дворца.

— А с работой поздравляю, — сказал я. — Действуйте жестко. Сейчас вы лорд-канцлер, а это отличный шанс все исправить и наладить, не считаясь с законами, а уже потом можно казаться добреньким.

Он ответил почтительно:

— К сожалению, добреньким можно быть только на самых низших ступеньках.

— Где доброта, — сказал я, — ничего повредить просто не может?

— Увы, ваша Звездность.

— Это наша ноша, — согласился я. — Хочешь быть добрым... а нельзя. Государственная мудрость велит быть жестким.

Он поклонился, сделал движение уйти, но пересилил себя и сказал совсем тихо:

— Очень не хотел бы даже думать о таком, но в вашем Тайном Совете далеко не все мудрецы.

Я хмыкнул.

— Хотите сказать, таких вообще нет или мизерно мало?

— Ну, я так не сказал...

— Но подумали, не так ли? Сэр Джеральдер, мне совсем не мудрецы нужны, а друзья и соратники. В их окружении думается лучше. И придумывается. К сожалению, их мудрость и моя очень даже резко перпендикулярничают. Так что лучше уж я сам, получается лучше и ровнее.

Он печально улыбнулся.

— Вот-вот, это еще одна глыба на ваших плечах, ваше Сошедшее с Небес величество.

Я смотрел в его удаляющуюся спину, он прав, как и я прав, но вот сказал он с какой целью: хочет как лучше или намекает, что Тайный Совет мудро было бы расширить за счет местных?

Когда на плечах такая глыба, поневоле станешь подозрительным... А тут еще загадка Маркуса, всегда спешим, всегда хватаемся за новое, не закончив старое, я даже не представляю, как устроен Маркус, вообще не пытаюсь понять. На него словно бы вообще не действует гравитация, он как будто ориентирован на некие более весомые в рамках вселенной силы.

Сейчас выполняет мои команды, потому может опуститься на землю и находиться на ней, не примяви ни травинки, может висеть на небольшой высоте, и не слышно работы двигателей, а вначале едва не продавил планету до самого ядра, пока я не взял его под контроль.

А продавить может только потому, что его масса должна быть как у нейтронной звезды, сконцентрированной в сравнительно небольшом объеме...

Хлопнула дверь, Альбрехт вошел быстрый и четкий, а безжалостный голос грубо разметал мои мечтательные мысли:

— Мой лорд, проблему магов нужно решить сейчас, пока они в пещерах! Не увиливайтесь от неприятностей.

— Да вот думаю, — буркнул я, — планирую так, чтобы с избытком и запасом...

— А еще, — добавил он, — быстро решите, что делать с сатанистами. Они единственные, кто не стал прятаться от Багровой Звезды, потому у них преимущество перед остальными!

Я поморщился.

— В столице их не увидел...

— Празднуют за городом, — сказал он, — в своих храмах. Там царит ликование, все уверены, что Антихрист на Багровой Звезде возьмет с собой в свой мир. Макс уже послал в те храмы крупные воинские отряды, велев истреблять всех на месте.

— Тогда нет проблем?

— Недопонимание, — объяснил он. — Мы как бы убиваем своих сторонников! Это же мы на Багровой Звезде!.. Значит, сатанистее всех сатанистов и вообще всех пересатанистим!.. Но устроили резню как бы среди своих...

— А разве так не всегда? — поинтересовался я.

— Э-э... Мой лорд?

— У нас не должно быть соперников, — напомнил я. — Ни в чем. Тем более за симпатии народа.

Глава 14

Женщины страшатся мышей, но с мужчинами бесстрашны. Даже самые ужасающие оккупанты не могут сделать ничего больше, кроме как изнасиловать, а такое может быть даже приятно, некая новизна, потому выходят из карет без особой боязни, приседают в почтительном приветствии, а я благосклонно киваю, иногда делаю некий слабый жест, дескать, ага, весьма, заходите и приступайте... ну там к сплетням, интригам и прочим интересным вещам, без которых высший свет вообще не видит смысла в жизни.

Придворные прогуливаются парами и мелкими группками по саду, бросают на меня жадные взгляды, но подойти никто не осмеливается.

С двумя женщинами прошла вдали Мильсина, я перехватил ее взгляд и сделал знак приблизиться.

Она быстро-быстро что-то сказала подругам и заспешила в мою сторону, счастливая и радостно улыбающаяся.

В двух шагах от меня присела, опустив взгляд в пол, но вспомнила, что мне так не очень нравится, вскинула голову и посмотрелся снизу вверх сияющими глазами.

— Леди Мильсина, — сказал я. — Поднимитесь и встаньте рядом.

Она послушно поднялась, я рассматривал с удовольствием, она спросила тихонько:

— Ваше... сэр Ричард?

— Комментируйте, — велел я, — что за гуси тут прохаживаются.

Она сказала испуганно:

— Ой, я могу ошибиться в оценке...

— Оценку сделаю сам, — заверил я.

Она повела в сторону глазом, стараясь не показывать, на кого смотрит, голос снизила до такого шепота, что я едва слышал ее слова, но говорила четко и достаточно кратко, я не ошибся, определив ее в умные женщины.

Завидев возле меня Мильсину, придворные начали прогуливаться ближе, принимая значительные позы, кланялись, когда проходили вблизи, но я не реагировал, и они шли дальше, а Мильсина снова комментировала, кто из них что, чем владеет, какие должности занимал при императоре, каких взглядов придерживается...

Так мы и стояли на нижней ступеньке залитой солнцем величественной лестницы к главному входу, когда Альбрехт вышел из холла, на ходу потирая кулаками усталые глаза, разбирать бумаги императора непросто, и сразу засмотрелся на роскошнейшую карету, очень напоминающую формой золотую тыкву.

Вкатила она во двор с легкостью игрушечной, возница лихо натянул поводья, усатый и остролицый, похожий на крысу. С запяток соскочили двое в дорожной одежде, один торопливо поставил красивую резную скамеечку, настоящее произведение искусства, у двери кареты, а второй быстро распахнул ее и протянул руку.

В проеме появился дородный вельможа с одутловатым лицом и солидным брюхом, громадный парик надвинут на лоб, а уши свисают до плеч, медленно сошел на землю, следом на скамеечку ступила дородная женщина, величественно осмотрелась, сошла еще на ступеньку, а оттуда уже после солидной паузы на мраморные плиты двора.

Прическа настолько пышная, что больше напоминает парик лорда-канцлера, только у того нет такого количества вплетенных лент, бантиков и заколок с огромными цветными камешками.

Слуги убрали скамеечку в карету, чуть менее добрый господин подал ей руку, медленно и величаво пошли в нашу сторону, степенные, как идущие с водопоя гуси.

Леди Мильсина сказала тихонько:

— Леди Слипслоп, урожденная...

Я охнула:

— Слипслоп?.. Та самая?

Она посмотрела на меня с некоторым испугом.

— Простите, сэр Ричард, но я о ней ничего не знаю, кроме имени...

— Неважно, — ответил я.

Они проходили мимо нас, мужчина торопливо и с самым подобострастным видом сорвал с головы шляпу и замахал ею, то смахивая пыль с туфель, то разгоняя воздух вокруг себя, а женщина грузно и величаво присела, выставив почти целиком на обозрение огромные дыни вторичных половых признаков.

Я всмотрелася в них с интересом, потом без торопливости поднял взгляд на саму хозяйку таких ценностей.

— Леди Слипслоп?.. Я просто счастлив вас видеть!

Леди Слипслоп насторожилась, я жестом велел ей подняться, а то уже пыхтит, она спросила испуганно:

— Вы обо мне... что-то слыхали?..

— Еще бы, — ответил я довольно. — Каждый культурный человек... а кто посмеет сказать, что я, властелин Багровой Звезды, недостаточно культурен?.. Или инсвенируете мне такое вот недопонимание?

Она смотрела с тем же испугом, не врубилась, а Мильсина сказала невинно:

— Никто такое в нашем подлунном мире сказать не посмеет.

— Вот и я о том же, — сказал я. — Леди Слиплоп, добро пожаловать в обновленное общество высшего света! Внесите свежую струю в этот такой одинаковый, хоть и ярко-цветной мир.

Все еще настороженная, даже испуганная непонятно-радушным приемом, она, повинуясь моему жесту кончиками пальцев, чуть ускорила шаг, понуждая партнера идти быстрее.

Завидев нас как бы на отдыхе, в нашу сторону быстро направился сэр Альбрехт, поклонился и сказал быстро:

— Похоже, даже они не знают того, что о них знаете вы, мой лорд.

— Еще не тем удивлю, — сказал я бодро.

— А я уже перестал удивляться, — ответил он. — Леди Мильсина...

Она мило улыбнулась ему.

— Лорд Альбрехт... Ой, кто это у вас такой... нарядный?

Через двор в сторону конюшни быстро прошел Палант в полном доспехе, панцирь разукрашен серебром и золотом, золотые узоры блещут на плечах, на бедрах и опускаются до колен.

В нарядности доспехов ему в соперниках разве что его друг Герцлер, такой же молодой и жизнерадостный еще с тех времен, когда Палант, тогда еще молодой и беситульный рыцарь, привел под мое знамя сорок тяжелых всадников, две сотни кнехтов и сотню лучников, что помогло мне укрепить свое хилое на то время воинство.

Тогда он был в легком панцире из черной кожи и с обнаженными по плечи мышастыми руками, но

когда стал бароном, обзавелся доспехами из прочной стали и принялся старательно украшать их насечками и аппликациями из серебра и золота.

— Граф, — сказал Альбрехт с легкой иронией, — теперь уже граф Палант!.. Леди Мильсина, кто пошел с сэром Ричардом и не погиб по дороге, те быстро получили земли и титулы.

Мильсина бросила на меня пугливый взгляд.

— Вы прошли долгий путь, ваше... сэр Ричард?

— Даже не представляете, — ответил я.

Сталь доспехов Паланта теперь чернее самой зловещей ночи, золото смотрится особенно выигрышно и устрашающе, словно некий древний бог спустился на землю и принимает участие в битвах.

Навершие рукояти его меча выполнено в виде оскаленной головы дракона, тоже в золоте, и когда он для показа кому-нибудь обнажает длинный и широкий клинок, в самом деле выглядит устрашающе.

Придворные в мягкой одежде с жабо и ажурными воротниками, кружевами на манжетах поглядывают на него с опаской, но и заинтересованно, он чуть ли не единственный из моих военачальников, кто старается выглядеть нарядно. К тому же чуть ли не самый молодой, с таким проще установить контакты, а при удаче есть шанс породниться.

Мильсина сказала тихонько:

— С вашего позволения я пойду к себе.

Альбрехт взглянул на меня, повернулся к ней.

— Мы вас обидели, леди?

— Нет, — прошептала она, — но посмотрите, как на меня смотрят женщины!.. Со свету сживут!

Альбрехт поинтересовался:

— А как же наше с сэром Ричардом высокое покровительство?

— Оно в силе, — сообщила она, — но интриги тоже в силе!

Присев в молчаливом поклоне, она поспешно удалилась, Альбрехт не стал смотреть вслед, с такими пышными платьями форму ягодиц не разглядеть, ног тоже не видно, а остальное не так интересно.

— Что-то стряслось? — спросил он серьезным голосом.

— С чего вы взяли?

— Да вот так выйти и тупо смотреть на толпу, как баран какой... такого еще не было. Никогда.

Я тяжело вздохнул.

— В самом деле как-то завис.

— Как это?.. Как муха в клее?

— Примерно, — ответил я с тоской. — Ждем, ждем, ждем... Ничего не делаем. Не наш стиль. Не совсем как бы наступательный.

Он покачал головой.

— Это мы ничего не делаем?.. Да мы уже, считай, всю империю подгребли!

Я загнул палец.

— Первое, что делать с императором, так и не решили. Второе, насчет магов тоже зависло в несвойственной мне раздумности, словно я не мужчина, а интеллигент какой-то паршивый.

Он спросил:

— А третье?

Я загнул третий палец, подумал.

— Что-то еще наверняка есть... но как-то выпало...

Он вздохнул с облегчением.

— Только две проблемы. Не скажу, что пустяковые, но, мой лорд, их всего две!

— Зато какие, — ответил я. — Вообще, мне кажется, решение немедленно после битвы с филионами привыть сюда было не самым умным...

Он напомнил строго:

— Мой лорд! Мы все слышали, император Герман грозно повелел вам явиться немедленно!.. И пригрозил, что если нет, то явится он с огромной армией!

Я пробормотал:

— Да, но... все равно у меня ощущение, что я то ли поторопился, то ли повела мелочная месть... то ли еще что-то не совсем умное и достойное правителя... А сейчас не могу продумать, как нам выстроить свою политику с императором и вообще с прочим Югом...

— Сэр Ричард?

Я сказал со вздохом:

— Дорогой друг, поищите на карте королевство Танкмария. А в нем маркизат Остфалию.

Он встрепенулся.

— Намечается война? Хотя бы маленькая?

— Нет, — ответил я, — просто навещу семью друга. Погибшего. Может быть, в дороге туда что-то придумается умное и правильное. Или на обратной.

Он сказал с замешательством:

— Да, в дороге хорошо думается. Однако... подготовить отряд сопровождения?

— Не стоит, — ответил я. — Не к врагам же еду. Завтра с утра, хотя я мог бы и в ночь, но не хочу вспугивать людей, будто перепелов каких-то.

Он не ответил, так же в молчании вернулись в холл, я направился к лестнице, навстречу попались граф Келляве и верный вассал Альбрехта Бриан Кенговейн, для которого сэр Альбрехт по-прежнему выше, чем я.

Келляве, хмурый и даже мрачный, я его еще никогда не видел улыбающимся, учтиво поклонился, увидел вопрос в моих глазах и сказал с неудовольствием:

— Как же остоцертело это веселье! И когда закончатся эти праздники?

Альбрехт развел руками, тоже повернулся ко мне, я же единственный знаток по Югу.

Я сказал с едва прикрытым злорадством:

— Никогда.

— Сэр Ричард?

— Это не праздники, — пояснил я. — Это их будни.

Келляве охнул.

— Хотите сказать, что...

— Верно, — подтвердил я. — Так они и живут.

Он страдальчески поморщился.

— Какой ужас. И не переедают?

— Некоторые да, — ответил я и вспомнил маркиза де Куртена, которому я пообещал навестить королевство Таркмарию и в маркизате Остфалии передать перстень леди Герберге. — Но те не остаются. Уходят.

— Куда?

— Юг велик, — ответил я. — Где сложить голову, всегда найдется место. И долго искать не придется.

Они поклонились.

— Доброй ночи, сэр Ричард!

Глава 15

Коридоры на верхних этажах все под охраной, поэтому я вздрогнул и чуточку насторожился, когда впереди из распахнутой двери анфилады залов, что идут перпендикулярно, вышла женщина, увидела меня и присела в низком реверансе.

— Ваше вели... сэр Ричард...

— Леди Мильсина, — ответил я с запинкой, почему-то не сразу вспомнив ее имя, хотя память у меня вроде бы безупречная. — Вы э-э... прогуливаетесь перед сном?.. Это полезно. Встаньте, кстати.

Она поднялась, на бледных щеках проступил сильнейший румянец, а голос прозвучал едва слышно:

— Вы сказали... только близким разрешаете называть себя по имени...

— А-а-а, — протянул я, не сразу сообразив, что она имеет в виду, у женщин несколько другие понятия и о близости, тоже несколько упрощенные, — вообще-то... Леди Мильсина, позвольте проводить вас до двери императорских апартаментов. Вы не против?

— Ваше импе... как скажете!

— Хороший ответ, — одобрил я. — Наконец-то начинаю понимать и хорошие стороны императорства.

— Ваше... сэр Ричард?

— Правда, — уточнил я, — я несколько императорее императора Генриха Третьего, потому его апартаменты временно со всей прирожденной и просто необыкновенной скромностью нагло занимаю под свои нужды...

— Ох, сэр Ричард...

Ее щеки быстро заалели, я спохватился, что опять может понять по-своему, потом подумал, что пусть понимает, на самом деле и под эти нужды, почему нет, я же не только горячее сердце и холодный расчетливый мозг, ничто животное мне не чуждо, как сказал великий Аристофан.

И хотя здесь нет обычая ходить под руку, но я согнулся в локте, и леди Мильсина, моментально сообразив, женщины вообще сообразительнее нас в бытовых ситуациях, тут же опустила пальцы на мое предплечье.

Так дошли почти церемонно до двери, мои гвардейцы смотрят мимо, хотя морды довольные и веселые. Если лорд с бабой, то все хорошо, войны не предвидится, зарплату не задержат, а после дежурства можно и самим вот так даже не со служанками, а с вполне приличными дамами.

В апартаментах императора леди Мильсина точно не бывала, заметно по мелочам в поведении, но когда усмотрела постель с роскошным балдахином, пошла медленными шагами прямо к ней.

Я в затруднении просто ждал, мне штаны скинуть несколько секунд, а она, остановившись у ложа, грациозно потянула один шнурок платья, другой, а после третьего платье пошло вниз.

Фигура у нее, конечно, выше похвал, я даже мысленно охнул, это как если бы фотомодель бросила фотомодельничать и начала с аппетитом жрать пирожных столько, сколько ей хочется.

Сейчас она на самой середине этого увлекательного процесса, когда уже успела нарастить нежного мясца, на боках небольшие валики сладкого такого жирка, сразу захотелось ухватить жадными загребущими, а то и куснуть...

Все еще стоя ко мне спиной, она так же грациозно подняла руки к прическе и начала вытаскивать оттуда рубины, опалы и топазы, что оказались лишь головками длинных шпилек.

Верх башни волос обрушился, укрыв обнаженные плечи и верх спины, а тонкие пальцы проворно вытаскивают все новые шпильки, и башня все тает, тает.

Иссиня-черные волосы сперва струились по плечам, спине и груди, опустились до живота, ног, на конец коснулись пола, и только тогда опустила руки,

обернулась и посмотрела на меня стыдливо и в то же время победно, как женщины умеют особенно хорошо.

Такие волосы, мелькнула у меня трезвая мысль правителья-философа, спасали первобытных в морозы, из-за чего у нас, самцов, инстинктивная тяга к густым и плотным, которыми можно укрывать наших детей, ибо Господь велел плодиться и размножаться.

Волосы в самом деле роскошнейшие, густые, блестящие, нижняя часть от бедра и до пола в крупных локонах, Мильсина в них стоит, как в плаще.

— Здорово, — вымолвил я, понимая, что она ждет каких-то слов именно насчет ее основного богатства, — это же надо такое отрастить... Трудно было?

— Надеюсь, — проговорила она покорно, — вашей Звездности понравятся.

— Уже, — сообщил я. — Весьма. Даже зело весьма. Или весьма зело.

Она поняла как команду, тихо легла в постель, но не выдержала и укрылась одеялом, глядя испуганно, вдруг да рассержусь за такое свое воле.

Конечно, в постели не все женщины одинаковы, но вообще-то разница настолько невелика, что только бабники, не заслуживающие называться настоящими мужчинами, могут замечать разницу. Для настоящих, у которых на первом месте дело, то есть война, грабеж, захваты, дуэли, пирушки и прочие важные мужские работы и обязанности, разница в женщинах замечаема только выше пояса.

И не только по сиськам, хотя, конечно, их замечаем в первую очередь.

— Ну, а теперь, — сказал я, как только слез с нее, — у вас, леди, есть шанс встать еще выше... Ох, как же я люблю повышать людей!

Она сдвинула ноги и спросила тихо:

— Ваша Небесность имеет в виду виселицу?

Голос ее прозвучал так серьезно, что я не сразу врубился, что над моей грозной багрянозвездностью рисковнули пошутить.

— Я же говорил, — сказал я, — вы умная женщина! А я молодец, сразу заметил. Но император тоже прав, взял вместо вас покорных дур. В экстремальных ситуациях нужны не умные, а послушные.

— Что вы хотите узнать, ваша Небес...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Еще в первую встречу в коридоре даровал вам право называть меня сэром Ричардом за ваше отважное решение выйти мне навстречу.

— Это было случайно, — возразила она, — но теперь многие женщины стараются попасться вам на глаза.

— Опоздали, — ответил я злорадно. — Надо было хватать раньше, как вон сделали вы.

— Ой, — сказала она испуганно, — это я схватила?

— Еще как, — заверил я. — Так что скажете про империю, императора, его окружение и тех, кто остался во дворе?.. Сперва о тех, кто уже служит нам, если вы успели их заметить... а женщины таких бравых ребят замечают с ходу, даже не глядя, а затем о тех, кто мог бы пригодиться...

Она сказала медленно:

— Похоже, в самом деле считаете меня умной? Или больше довериться некому?.. Я отвечу, но... это будет мое личное мнение...

— Прошу, — сказал я. — Нет-нет, не одевайтесь. Уже ночь, и если не слишком сильно храните, то все путем. Вообще-то я не очень доверчив, ваше мнение сравню с мнением других, а потом сделаю мудрые выводы, я же мудер, как стадо бобров... во всяком случае, сам так

считаю, а весь мир пусть говорит что хочет, меня не волнует. А если и волнует, то виду не покажу.

Она слабо улыбнулась.

— Хорошо. Слушайте, отважный завоеватель... Конечно, все заметили тех, кто уже служит вам. Им перемыли кости, но пришли к выводу, что те поступают правильно. Лояльность императору одно, но лояльность империи — другое.

— То есть, — уточнил я, — перейдя на службу ко мне, империи не изменили?

— Не изменили, — подтвердила она.

— Мудро, — ответил я. — Правители могут меняться, но империя есть империя... Хотя иной дурак на троне может загубить не только империю, видывали таких... Я, конечно, не такой, моих ошибок никто не видел...

— Живых не осталось? — уточнила она. — За вами только чад и пепел?.. Ох, да шучу я, ваше... сэр Ричард! У нас вообще все переводят в шутки. Даже шутки в шутки, если те еще смешнее. Так веселее, радостнее, а для чего живем, как не для радостей?

— Услышал бы это сэр Раster, — сказал я, — нужно будет вас познакомить.

— Ой, уже боюсь... Он против радостей?

— Еще как за, — ответил я.

— Тогда представьте нас.

— С великим удовольствием, — заверил я. — Тоже люблю веселые зрелища.

Она поинтересовалась тихим голосом:

— У него... какие-то другие понятия о радостях?.. У всех свои слабости или странности, как хотите, так и назовите. Леди Синтиолла, к примеру, обожает в темные ночи уходить далеко в ту часть сада, где болотца, там раздевается и ложится в воду так, что только

лицо среди кувшинок и толстых мерзких жаб... А вот в спальне леди Горации, которая никогда ночью ее не покидает, блещет странный синий свет, похожий на молнии, даже плотные шторы не прячут... Однако, судя по вашему лицу, такое вам интересно... не очень?

— Не очень, — согласился я. — А помасштабнее как-то можно?

— Масштабнее... Как я поняла, вы еще не знаете, столицу и всю империю опекает Великий Маг Линдон Престонс. Сейчас он, как и все, укрылся в одном из самых глубоких подземелий, изготовленном им самим...

— Из которого выйдет точно, — продолжил я, — как бы Маркус ни перемешивал верхние слои. А если учесть, что на этот раз башня Мага останется цела, то... спасибо, леди Мильсина, вы напомнили мне о серьезной опасности.

— Рада служить, ваше величество, — сказала она серьезно.

— Правда?

— Вы меня спасли, — напомнила она. — Как и всех остальных. В любом случае, даже если вы — Зло, вы меньшее зло, чем Багровая Звезда.

В дверь заглянул один из коридорных стражей.

— Сэр Ричард, тут еду принесли. Впустить?

— Я не заказывал, — ответил я настороженно.

— Я заказала, — ответила Мильсина. — Человек верный и послушный, новой власти будет служить преданно.

— Впусти, — велел я. — Но только если там без носилок и оркестра в сто человек.

Страж широко ухмыльнулся.

— Нет, один.

Мильсина шепнула торопливо:

— Носилки только для обеда и ужина...

В распахнутую дверь вошел рослый мужчина в униформе императорского лакея верхних этажей, в руках поднос, я рассмотрел два широких блюда красивого шоколадного цвета, где нечто изысканное, я узнал с уверенностью только свернутые в трубочку рулеты из красной рыбы, все остальное слишком уж... в дизайнерской форме, не угадать.

— Ого, — сказал я, — как много... Леди Мильсина, вам есть нельзя.

— Как скажете... А почему нельзя?

— Мне лекарь не советовал ложиться на полный желудок.

Она засмеялась:

— А, вот почему... Вы что-то придумаете, сэр Ричард!..

Лакей молча переставил обе тарелки на столик у ложа, так же молча и неслышно удалился.

— Значит, — сказал я и подцепил на вилку тонкую рыбью трубку, — маг Линдон Престонс... Как он правит?

Она сказала несколько виновато:

— Никто не знает что-то особенное о магах. Они ревностно хранят свои тайны. Известно только, что почти вся мощь Магов собрана и продолжает накапливаться в их Башнях.

— Каким образом?.. Берите рыбу, она интеллектуальной беседе не мешает, хоть и рыба.

Она послушно потыкала вилкой в рыбные ломтики.

— Маги умеют находить камни, что накапливают магическую силу. Из них строят себе башни. Чем крупнее и выше башня у такого мага, тем больше его сила.

— Ого, — сказал я, — а как же демоны, что служат у магов?

Она печально улыбнулась.

— Почти все эти демоны заняты тем, что ищут такие камни. У них чутье. Они же сами магические существа...

— Понял, — прервал я. — Потому так трудно было разрушить башню Гатонеса...

— Ваше величе... простите, мне так трудно называть вас сэром Ричардом! За это меня женщины дворца со свету сживут!..

— За имя?

— И за имя тоже, — призналась она. — Можно, я хотя бы на людях буду называть вас вашим величеством?

Я ответил неохотно:

— Только если это вам удобнее.

После рыбы и вина тот же молчаливый лакей привнес некрупный торт, сверху торчит десятка три свечек, как мне показалось вначале, хэппибездный, дескать, но присмотрелся и понял, не свечи, а лакомые трубочки в виде свечей, ювелирные изделия мастеров фитильной выпечки.

Даже по широкому боку идет не просто хаотичный узор, а настоящие фигурки, что-то на мифологические темы, как догадываюсь, или же иллюстрации к модным поэмам.

— И зачем так стараться, — сказал я, — все равно же съедим?.. Эх, куда творческий потенциал уходит...

— А куда еще? — спросила она. — Все на радость, на веселье, на счастливую жизнь...

— А горького не хочется? — поинтересовался я. — Для счастья иногда и поплакать надо.

Она в изумлении вскинула брови.

— Сэр Ричард?

— Ладно, — сказал я, — проехали. Мы уже здесь, научим любить и горькое, жгучее, острое, а наплакаться

точно наплачетесь! Мы научим вас строить светлый цивилизованный мир прогресса. Права отдельных человечиков соблюдать тоже будем... но не сразу и не всех. И не так уж чтоб прямо сегодня.

Она спросила жалобно:

— А когда?

— Потом, — повторил я, — когда все построим и взглянем.

— Тогда будет можно?

— Соблюдать? Конечно! Но не раньше, а пока весь мир насилия мы разрушим своею собственной рукой и на обломках самовластья напишем наши имена... и много чего еще напишем. А потом да, можно.

Она задумалась, потом сказала тихонько и очень рассудительно:

— Сэр Ричард... лучше вернусь в свои покои. Не стоит, чтобы осталась еще и на ночь. Это будет чесчур. Появится у вас желание меня увидеть... стоит только свистнуть. Но если возжелаете полакомиться кем-то другим, я не хочу, чтобы вы меня для этой цели выгоняли из постели...

Я покачал головой.

— Вы уверены?..

Она поцеловала меня в щеку и легко выскочила из постели.

— Абсолютно. Да и вы, знаете, молчите из деликатности... Вы очень хороший человек, сэр Ричард!

Она быстро оделась и выскользнула из спальни в коридор. Я полежал на спине, закинув ладони за голову. Да, конечно, она права, хотя насчет моей деликатности преувеличивает, но в самом деле не до женщин, тем более не нужна одна на постоянной или полупостоянной основе.

Интерфейс «мой мозг—Маркус» все еще довольно болезненный, то ли Маркус все еще не доверяет мне, то ли не уяснил еще, что в сравнении с ним я мышь домовая, а то и вовсе дрозофила безродная, со мной нужно поделикатнее.

Однако чувствую, как роется в моей нервной сети, пытается разобраться, понять, как работает, а это значит понять, что мне нужно и что велю.

Мильсина права, маги власть так просто не отдадут. Может быть, даже попытаются захватить Маркус. Мне удалось, а они явно сильнее...

Конечно, правильный правитель тут же уничтожил бы все башни Магов, а затем и всех этих великих и Верховных, разве что оставил только магов мелких, что без башен и «заботятся о народе», но я все еще неправильный, слишком миндалевидный, что хорошо для оппозиционера, но не для вершины власти...

Да и за младшими магами нужен глаз да глаз, так как малые восхотят стать крупными.

Часть третья

Глава 1

В кабинете за бумагами трудится сэр Альбрехт, перед ним почтительно согнулись двое из местных, торопливо отвечают на вопросы.

Услышав шаги, оглянулся, вскочил и почтительно поклонился, это показуха для местных, пусть видят, все к властелину относятся с великим уважением.

— Мой лорд...

— Дорогой друг, — ответил я подчеркнуто дружески. — Доброе утро.

Он сделал обоим знак удалиться, а когда оба заспешили прочь, повернулся ко мне, уже строгий, привычно подтянут и с ровной спиной, словно старается сравняться в росте с такими гигантами, как я или Тамплиер.

Доспехи уже сменил на такие же привычно щегольские, разве что теперь без шлема и покрытых металлическими щитками сапог, но вид все такой же гордый и надменный, что действует успокаивающе, в Багдаде все спокойно.

— Что-то случилось? — спросил он.
— Заметно? — поинтересовался я.
— Местным вряд ли, — ответил он, — но тем, кто знает вас, как и я, не первый год...

Я опустился в одно из кресел, Альбрехт сел напротив, не сводя с меня испытующего взгляда.

— Как вам здесь?

Он окинул беглым взглядом облюбованную себе под кабинет роскошную комнату.

— Как ни странно, сэр Ричард, но устраиваться эти люди умеют.

— Этого у них не отнимешь, — согласился я. — Даже не знаю, так ли уж страшна власть магов, если не дают королевствам воевать друг с другом тысячи лет.

— Тысячи лет?

— Представьте себе. И все эти тысячи благополучнеют и благополучнеют, заразы. Обидно.

Он кивнул, голос прозвучал нейтрально:

— Созрели для грабежа?

— Перезрели даже, — согласился я. — Не в ту сторону направили свое благополучие.

— А в какую надо?

— В какую не позволяют маги, — ответил я. — Вот тут и дилемма, как относиться к магам. А у нас от слова к делу один шаг, потому со словами нужно быть поосторожнее.

В двух шагах от его стола на фигурно раскоряченном треножнике из дорогих пород дерева, да еще отделанном золотом, высятся исполинские песочные часы в рост человека.

В верхней части грозное заходящее солнце, баагровое, как медленно остывающий слиток металла, а внизу, куда падает тончайшая струйка, появляется утреннее солнышко, оранжевое, свежее и умытое росой.

Рядом вертикально линейка с мелкими делениями, указывающими час и минуты, такие уже видел в других

комнатах, синхронизированы до секунд, потрясающая и невиданная для северян точность.

Альбрехт проследил за моим взглядом, сказал с ноткой зависти в обычно бесстрастном голосе:

— Конечно, в наших северных замках и даже дворцах как-то мрачновато, если сравнивать с этим всем...

— Мрачновато?

Он ответил нехотя:

— У нас даже мебель из темного дерева, а здесь все из светлых пород. Так, конечно, веселее глазу. И женщины все такие яркие, хорошо. Приятно. Мужчинам так не подобает, но женщинам можно...

Я покачал головой, он насторожился, и я сказал с сочувствием:

— Не поддавайтесь, сэр Альбрехт.

— Что-что?

— Мы вступили в самую тяжелую битву, — ответил я. — Честно говоря, совсем не готовыми.

— Мой лорд!

— Я говорю о быте, — пояснил я. — Битвы... это хоть и не раз в жизни, но все же эпизоды, а быт вечен.

Он чуть откинулся назад, всматриваясь в меня с подозрительной настороженностью.

— Но, мой лорд... вы же сражались и в таких битвах? И побеждали?

Я покачал головой.

— Можно сказать, даже не сражался. Сдался сразу. Только вот в общении с вами, мой друг, и особенно с сэром Растиром, хотя вот вы улыбаетесь, но как-то вот по-другому живу... но Сатана силен именно здесь, на Юге!.. И его сила именно в таком вот, чему мы постепенно поддаемся...

Он произнес с вызовом:

— Мы? Да ни за что!

— Тогда устою и я с вами, — ответил я просто.

— Сейчас здесь трудно, — напомнил он, — отложите свой визит в эту, как ее...

— Танкмарию, — подсказал я.

— Да, — повторил он, — Танкмарию. Отложите ее на чуть более благополучное время. Хоть на пару дней. Здесь еще не устоялось, хотя с виду все так тихо, мирно, одно веселье...

Вошел чопорный слуга, важный и величественный, в обеих руках перед собой широкая стеклянная посудина, где красочно расположились ягоды черники, малины, ежевики, чего-то оранжевого, желтого, бесшумно поставил на свободную часть стола и так же молча удалился, ступая в женских туфлях на мягкой подошве.

Ягоды расположены с таким расчетом, чтобы две ягоды черники или ежевики не соприкасались, между ними обязательно малина или что-то еще красное, алое, оранжевое, даже жратва это произведение искусства как-то неловко, но из Альбрехта такой же ценитель прекрасного, как из меня таксидермист.

Он перехватил мой взгляд.

— Отведайте, мой лорд. Меня вчера угостили, сразу пристрастился.

Я покачал головой.

— Спасибо. Голубики бы поел, на остальное не тянет...

Он кивнул, сказал в пространство:

— Голубики.

Я посмотрел с любопытством.

— И как, получается?.. Очень полезное заклятие, скажу вам.

— Да, — согласился он, — только у меня все проще, я же герцог, а не император...

Дверь отворилась, вошла молодая чуть полноватая женщина в крестьянской одежде, опрятная и чистенькая, в руках плетеная корзинка.

Молча, как и лакей, поставила ее передо мной, улыбнулась.

В корзинке горка голубики, на удивление крупной и сочной. Я взял достаточно лениво одну, другую, потом разохотился и бросил в пасть целую горсть.

Она наблюдала с материнской улыбкой, всем нравится, когда существо ест, но перехватила взгляд Альбрехта, поклонилась и поспешно вышла.

— Хорошо устраиваетесь, — заметил я. — Насколько я заметил, здесь все слуги мужчины?

— Это не служанка, — пояснил он. — Из деревни привезли грибы и ягоды, вот я и распорядился доставить пару корзин ягод прямо сюда.

— Обживаешься, — сказал я, — а вот мне никак не удается. Хотя пришлось пройти путь от оруженосца до императора, так что прежнего дурака, каким я был в начале пути, осталось совсем немного, но все-таки...

— Но осталось?

Я поморщился.

— Рудименты, как вон щерсть на руках. Главное, я старательно учился рулить, сперва на отдельно взятом мелком хозяйстве провинциального феодала, даже феодальчика или феодаленка, а потом все выше и выше...

Он сказал почтительно:

— Уже некуда.

— Точно?

— А что выше императора? — спросил он.

— Императорствовать тоже могу, — сообщил я самоуверенно. — Но то, с чем столкнулись вот сейчас, ни в какие ворота... И такие вызовы, если честно, я не мог и представить.

— А что еще? — спросил он. — Вы властелин!.. Властелин мира. У вас нет соперников. Достойных соперников.

Я огрызнулся.

— Это и пугает до икоты. Раньше у меня была простая и понятная цель: победить врага! Или противника, неважно. Красивая и благородная, достойная короля и рыцаря. А потом, дескать, когда всех победю, тогда и...

— Ну-ну?

— Вот и прошло время этого «и», — отрезал я сердито. — Никогда не чувствовал себя таким беспомощным! Говорят же, коня к ручью может привести и ребенок, но заставить пить не смогут и сто мужчин.

Он подумал, предложил:

— А зачем заставлять? Захотят пить — напьются.

— А как заставить жить лучше? — спросил я. — Достойнее?.. Не жить на халяву с безусловным доходом на душу населения, что гарантируют Высшие Маги, а работать, работать, работать!

Он молча смотрел, как я создал две чаши с вином, взял одну и медленно отхлебывал, взгляд стал отстраненный и задумчивый.

— А какой сумасшедший захочет работать... когда можно не работать?

— Такие найдутся, — ответил я, — но их единицы, вы правы, дорогой друг. А нужно заставить работать все общество.

Он отставил чашу и взглянул на меня строго и прямо.

— Сэр Ричард, это опасно.

— Что именно?

— Уничтожение Высших Магов, — ответил он просто. — Это вы задумали?.. Будет хаос.

Я покачал головой.

— К счастью, я уже не настолько прям и бесхитростен. Понимаю, такое геройство подорвет основу общества. А нового ничего предложить не можем. Вроде бы уже созрел... а ничего умного в череп не лезет.

— А неумное?

— Дури во мне и так полно, — сообщил я честно. — Всю жизнь шел к этой цели... хотя, правду говоря, большей частью неосознанно, просто выживал, а потом плыл по течению, но вот последний рубеж... когда вся моя сила бессильна!

В дверь заглянули, часовой из коридора сказал прокуртору:

— Сэр Ричард, по всему городу начинается подготовка к празднованию вашей победы... Главный Архитектор интересуется, позволено ли будет установить памятники вам как Победителю во всех населенных пунктах или только в главных?

Я буркнул:

— Позволяю.

Он перепросил:

— Везде или только в городах?

Альбрехт посмотрел в мою сторону несколько странно, я пояснил:

— Везде и во всех, но не сейчас.

— Сэр Ричард?

— Лет через пятьдесят, — пояснил я. — Чтобы полностью было осознано величие моего подвига. За это время героев, лично побивавших филигонов, увеличится раз в сто, а я вырасту, надеюсь, до чего-то вообще непонятного...

Часовой запнулся, Альбрехт же заулыбался, сказал значительным голосом:

— А в памятниках будет позволена та художественная вольность, которая сейчас покажется чрезмерной.

Ну там плечи пошире, взгляд орлиный, в одной руке горло дракона, в другой что-то еще...

— Сиськи, — сказал часовой мечтательно.

Я нахмурился, Альбрехт сказал покровительственно:

— Там же художники, разве не важнее простор фантазии, чем унылая правда? Так и передай.

Дверь захлопнулась, но тут же в коридоре послышались тяжелые шаги группы человек, и по грохоту нетрудно догадаться, что идут не придворные императора, а закованные в сталь могучие воины северных королевств.

Глава 2

Альбрехт сказал громко, не дожинаясь стука в дверь:

— Впустить!

Часовой все же заглянул, дождался кивка еще и от меня и отступил, пропуская в кабинет Раstera, Митчелла и Гастона Келляве, чем-то очень недовольного и хмурого.

Раster довольно заулыбался.

— Сэр Ричард, тоже здесь? А мы хотели сперва к вам, а потом решили, пусть спит, он же молодой, по бабам еще не набегался, а они здесь такие мягкие, хоть ребра и жесткие...

— То не ребра, — пояснил Митчелл, — то корсеты. Сэр Альбрехт, мы пришли к вам, но раз уж здесь сэр Ричард, разрешите обратиться к нему?

Альбрехт отмахнулся.

— С превеликим удовольствием. А я посижу тут, по-злорадствую.

Митчелл обернулся ко мне.

— Сэр Ричард! В королевстве Вайтлокшир, это рядом с Монтегю, вспыхнула война! Король Катсионер и все его окружение, с полководцами и военачальниками, ушел глубоко в пещеры, а соседний король, что только и дожидался этого момента, вторгся со всей армией...

— Зачем? — спросил я вяло.

Растер прорычал, опередив Митчелла:

— Погулять напоследок в красивой кровавой битве! Обагрить мечи и топоры, ощутить вкус победы, дабы пасть красиво и доблестно.

Граф Келляве сказал недовольным голосом:

— Королевство Ферростон на песке и болотах, там пещер нет, да и не выкопать. А в Вайтлокшире их немало, все население спрятать можно.

Альбрехт поерзal, не вытерпел, вмешался:

— Может, они просто хотели захватить эти пещеры?
Или хотя бы часть?

Келляве кивнул в сторону сэра Растера.

— Наш воинственный друг и соратник, образец воинской доблести, угадал точнее.

— Не угадал, — рыкнул Растер. — Это же так понятно!

— Да, — согласился Келляве. — Это так понятно...
Что делать будем, сэр Ричард?

Я спросил с неудовольствием:

— А что там не так?

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Королевство Вайтлокшир захвачено без боя, так как король Катсионер обезглавил армию, уведя с собой в пещеру военачальников. А король Ферростона Адамерт выставил у выходов отряды! Дескать, как только вылезет какой разведчик посмотреть, что и как, его тут

же схватят. Словом, то же самое, что я вам предлагал здесь... и взять всю империю Генриха Третьего.

Я поморщился.

— Дорогой друг, надо смотреть шыршее...

— Не успеваю, — буркнул он мрачновато. — За вами не угонишься.

— Я не король Адамерт, — напомнил я. — Нас не должны интересовать такие мелочи, как королевства и даже империи.

Они все умолкли, даже Альбрехт насторожился и посмотрел очень-очень внимательно.

Келляве поинтересовался:

— Сэр Ричард?

— Мы возьмем для начала, — сообщил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно будничнее, — весь континент. Кроме той части, что ушла под воду, но и над нею установим свои бесспорные и непререкаемые суверенные права. От берега двести миль для начала... Нет, сразу от континентального шельфа, что под водой.

Он спросил с непониманием:

— А как мерять, если под водой не видно?

— Вот и хорошо, — сказал я. — Это они не видят, а ваш лорд видит все!.. И установит такую зону, какую нам нужно и не нужно... в расчете на будущие поколения, которым вообще всего будет мало... На этом континенте всего восемь империй и каких-то две-три сотни независимых королевств, полтыщи или тыща графств, княжеств, маркизатов и прочих административных единиц!

Митчелл пробормотал вздрагивающим голосом:

— Всего-то... Позвольте, я сяду... Что-то с ногами не того...

— Я тоже, — сказал Келляве слабо, — как-то в глазах потемнело... а должны бы искры...

Только непоколебимый Раster высится как несокрушимая скала, но и он смотрит с уважением и даже некоторым сомнением.

— Надо мыслить глобальнее, — заявил я, — и смотреть в корень.

— Какой? — спросил Келляве.

— Квадратный, — отрубил я. — Или трехчленный. Не цепляйтесь к словам, сэр Гастон! Ваш вождь всегда говорит мудро, даже если и сам не понимает, что несет.

Он вздохнул и умолк, а Митчелл спросил туповато:

— Так что мы делаем с захватчиками?

Я посмотрел на него строго.

— А мы мудрецы или кто?

Он подтвердил еще растеряннее:

— Еще какие!.. Даже какие-то!

— Ну вот, — сказал я с удовлетворением, — а мудрецы обычно ни хрена не делают. А если их припрут к стенке, всегда находят оправдание, что не оправдания, а мудрые объяснения... Еще не поняли?

— Нет, — ответил он честно и посмотрел на меня преданными глазами.

Остальные, судя по их лицам, понимают еще меньше, я сказал отечески:

— Эволюция на стороне активных и беспокойных, презревших грошовый уют! Как верно сказал наш светоч доблести сэр Раster, король Адамерт решил красиво погибнуть в битве при захвате вражеского королевства, но вместо этого захватил его... так что хвала его отваге и доблести!

— И удаче, — буркнул Келляве.

— Удача на стороне отважных, — сказал Раster отечески. — Сэр Келляве, учитесь рисковать, как умеет наш великой вождь!

Я ощущил, что мы с РаSTERом как кукушка и петух, сказал величественно:

— Других вопросов нет? Тогда начнем с главного.

РаSTER сказал довольно:

— Давно пора! Кто наливает?.. Митчелл, неси кувшин!

Альбрехт сказал трезвым голосом:

— Сэр Ричард... У нас всего несколько тысяч человек. Этого маловато даже для королевства МонтеGю. А таких только в империи Генриха несколько. А что уж говорить про остальные семь империй, которые друг с другом в постоянно вооруженном нейтралитете?

Сэр РаSTER выпрямился, жутко громыхнув доспехами, пророкотал мощно и с примесью благородного гнева:

— Каждый из нашей тысячи стоит сотни человек!

Альбрехт поморщился, я понимаю мудрого барона Цоллерна и Ротвайля, а теперь еще графа и герцога, однако я вождь, потому недовольство умного соратника проигнорировал, сказал с восторгом:

— Прекрасно сказано, сэр РаSTER!.. Главное в нашей жизни — честь и доблесть, умение сражаться отважно и беззаветно!.. К тому же за городской стеной нас ждет наша Багровая Звезда, как зasadной полк... да и о таком пустячке подумываю, как о здешних могучих демонах...

Альбрехт спросил настороженно:

— Демонах?.. Могучих?

— Горы сворачивают, — ответил я. — Толпами осаждают меня, просятся на службу... В прошлый раз едва-едва отгавкался!

Келляве сказал с многозначительным намеком:

— А я все думал, почему отца Дитриха не взяли...

— У отца Дитриха слабое здоровье, — отрезал я. — Беречь надо. Не исключено, что как тайный кардинал станет папой, а вы хотите здесь угрожать?..

Растер спросил с подозрением:

— Сэр Ричард... мы привыкли к вашим шуточкам, что чаще всего не шуточки, но что насчет демонов? Мне показалось, вы как-то почти всерьез...

— Я всегда всерьез, — заверил я, — даже когда не. Лезут, друг друга отпихивают!.. Ну на фига мне демоны, что горы сносят?

Они переглядывались, не уверенные, что снова не шуточка, Митчелл пробормотал:

— Я бы вообще-то придумал...

По лицам своих орлов видел, что и другие бы придумали, еще как придумали.

Я тяжело вздохнул.

— А знаете, почему весь Юг вот уже пять тысяч лет в гнусном застое?.. Да, сытый и довольный, но прогресс двигают только недовольные!.. А на Юге прогресса нет. Потому что можно послать демонов, чтобы сбегали и сделали, а самим можно ничего не знать и не уметь. В то время как северяне знают и умеют, у нас жизнь тяжелая.

— Но достойная, — гордо бухнул сэр Растер.

— Потому побеждаем, — подтвердил я. — И всегда недовольные будут побеждать сытых и довольных!.. Словом, хватит разговоров. Вы все топайте готовить армию. А то, вижу, пока один Макс работает, воплощая наши великие цели!

— Готовить, — переспросил Келляве, — к чему?

— К тому, — отрезал я, — для чего и прибыли. Все, за работу, за работу!.. Сэр Альбрехт, гоните их к такой матери!.. А с ними и я уйду, чтобы вы тоже как бы поработали на благо.

— На благо солнцеликого Ричарда, — буркнул Альбрехт, но я уже выпихнул всех в коридор и сам сделал вид, что не слышу.

Пока шел к себе, услышал за дверью одной комнаты, вчера еще пустой, заливиштый женский смех, здоровый и веселый. Осторожно отворил, у центрального стола, где в кресле — молодая ослепительно красивая женщина, собралось с полдюжины придворных, кто сидит, кто стоит, все слушают с вниманием и наслаждением. Еще трое у стены за спиной женщины слушают внимательно и в какой-то мере подобострастно.

Щебечет она здорово, цветет обворожительными улыбками, расточая направо и налево, картино всплескивая руками, что до локтей и дальше в белоснежных перчатках, но дальше уходят под широкие рукава пальто золотисто-оранжевого цвета.

Слушающие напоминают свору пуделей с одинаково длинными париками в крупных локонах, видимо, есть регламент на размеры, у всех практически черные, хотя у двух цвета мореного дуба, одеты не по-мужски пестро, даже мне как-то не весьма, хоть и зело, здесь же вечный праздник, императора нельзя огорчать мрачными тонами костюмов.

Я неслышно прикрыл дверь и отступил в коридор. Прекрасно, когда дворец наполняется красивыми женщинами, это сразу поднимает дух, мужчины начинают чувствовать себя мужчинами, плечи раздвигают пошире, а спины держат прямыми, да и вообще, чем больше красивых женщин, тем экономика стабильнее, а сельское хозяйство работает без провалов.

Пару часов поработал в кабинете императора, а теперь моем, без помех, затем я услышал за спиной, как

без скрипа отворилась дверь, но я теперь очувствителен настолько, что без ошибки скажу, кто у меня за спиной показывает мне фигу, а кто корчит рожи.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, не поворачиваясь, — заходите, дорогой друг. Чувствую, вам тоже работать не хочется, хоть и надо. Дилемма, верно?

— Мой лорд, — сказал он от двери, — я уже и так на цыпочках, и амулет незримника в ладони... Ладно, там в коридоре я оставил королевского мага.

— Ого, — сказал я. — Чего он так поздно?

Альбрехт подошел к столу, взгляд его скользнул по разложенным передо мной бумагам.

— Маги, — ответил он, — как и короли, ушли в пещеры. Осталась только мелочь. Их оставили намеренно.

— В пещерах мало места?

— Чтобы заботились о народе, — ответил он с неопределенной усмешкой. — До его конца. Такова официальная версия.

Я махнул рукой.

— Зови. Послушаем, что скажет...

— В свое оправдание?

Я посмотрел с неудовольствием, но Альбрехт ответил тем бесстыжим взглядом, дескать, у вас перенял, ваше величество Небесная Звездность.

Часовой по его знаку приотворил дверь, кивнул, через порог осторожно переступил мужчина среднего роста и среднего возраста, даже одет как-то средне, если сравнивать с разодетыми придворными.

Альбрехт знаком велел ему приблизиться к столу, за которым развалился сам Тот Самый Грозный и Страшный, а я, выдерживая позу и надлежащее выражение на лице, сказал с ленивым недоверием:

— Маг? А почему не в укрытии, как все?

Он поклонился, почтительный, но без подобострастия, как младший перед старшим по должности и чину, произнес негромким четким голосом:

— Осмелюсь возразить, ваше величество, младшие маги остались практически все.

— Не остались, — уточнил я, — а оставлены. Своим руководством, что предпочло захватить с собой в укрытие своих баб, а не вас, верных работников.

Он ответил скромно:

— Женщины необходимы для размножения, ваше величество. Один маг и сто женщин — сто детей в год, а сто магов и одна женщина, увы, один ребенок.

Я помолчал, всматриваясь в его лицо, выглядит интеллигентным и даже умным, держится скромно, но с достоинством, говорит грамотно, соглашаться и поддакивать не спешит.

— Вон кресло, — сказал я. — Садитесь, у меня пара вопросов.

Он ответил учтиво:

— Отвечу с радостью.

Альбрехт чуть нахмурился, когда я пригласил безродного мага сесть, сам отошел к стене за моей спиной и встал там чуточку сбоку, наблюдая за нами обоими.

— У нас на Севере нет магов, — сказал я. — Почти нет. И, конечно, они не оказывают никакого влияния на повседневную жизнь...

— Есть, — возразил он.

Я нахмурился.

— Ого, какие дерзкие речи. Что вам дало повод думать, что со мной можно так говорить?

Он ответил тихо:

— Некий Карл-Антон, если ваше величество его еще помнит.

— Карл-Антон? — воскликнул я. — Наконец-то что-то о нем слышно! Он цел? С ним все в порядке?

Он не сводил с меня испытующего взгляда.

— Вы озабочены его безопасностью?

— Он просто друг, — отрезал я. — Никакого отношения к магии это не имеет. Это он подсказал вам явиться?

— Он, — подтвердил маг. — С ним был еще один, рыжий и очень лохматый...

— Зейс, — сказал я. — Его помощник. Очень перспективный и хороший молодой человек. С ним тоже в порядке?

Он кивнул.

— Теперь я вижу, что они были правы, настоятельно советуя мне явиться к вам. Мы обязаны помочь людям...

Я переспросил с подчеркнутым недоверием:

— Помогать? Это как?

Он ответил с поклоном:

— Ваша Небесность, наша мощь позволяет упорядочить жизнь простых людей...

— Включая королей? — спросил я.

Он ответил с понимающей улыбкой, а в голосе прозвучала ирония:

— А чем потребности королей или даже, уж прощите, императора отличаются от потребностей крестьянина? Только лишь многое больше и качеством выше...

— Короли еще и воюют, — напомнил я.

Его лицо стало строже.

— Запретить не можем, а могли бы, не стали бы этого делать. Но любое вторжение обходится слишком дорого. По соглашению между магами никто не поддерживает королей в нападении, но обязаны помочь

защищаться своему королю, если на его земли вторглись чужие.

— Хорошее соглашение, — сказал я.

Он вздохнул.

— Отсюда сложилось впечатление, что маги все-могущи, ваша Небесность. На самом деле это верно, когда дело касается обыденной жизни. А люди, даже короли, видят только обыденность.

— А что за обыденностью? — поинтересовался я.

Он чуть помедлил.

— Ваша Небесность... Люди, даже короли, быстро смиряются с ограничениями, что им ставит природа. Не терпят ограничений от людей, но против природных... не протестуют.

— А вы?

Он развел руками.

— Ваша Небесность... мы не протестуем против того, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, хотя некоторые задаются этим вопросом, стараются понять, почему и что будет, если изменить... Но есть и более близкие примеры. Зачарованные Места, где наша мощь оказывается бессильной, магия работы багеров и грандбагеров, что нам пока неподвластно...

— Остатки Древней Моши, — сказал я. — Понятно. Но пытаешься?

Он прямо взглянул мне в глаза.

— Не все, но самые беспокойные все еще пытаются. Все пять тысяч лет, считая от прошлого появления Багровой Звезды. А есть трое, что пережили две такие катастрофы. Они тоже все еще не могут разгадать эти секреты.

Я промолчал, секретов вообще-то нет, продвинутые технологии, магия ни при чем, но это с ходу не объяснишь.

— Сделаем так, — сказал я державно, — вы сообщите своим коллегам, что я, властелин Багровой Звезды, изволю принять их во дворце. Что, император так не делал?

Он покачал головой, в глазах сдержанное изумление.

— Нет, ваше величество.

— Вот видите, а я советуюсь с творческой интеллигенцией! Так как понимаю ее ведущую и направляющую под моим руководством роль в жизни современного общества. Пусть соберутся... скажем, через недельку, примем программу развития и совершенствования экономики, культуры, политики и новых технологий.

Маг не сводил с меня взгляда, в котором изумление продолжает расти, но первым заговорил Альбрехт:

— Ваша Небесная Победоносность, вы же не крестьян собираете со всей империи? Маги могут собраться и сегодня к вечеру! Иначе какие они маги?

Я подумал, кивнул.

— Вы правы, дорогой друг. Тогда завтра. Видите, как я легко принимаю разумные доводы? Завтра к вечеру пусть прибудут все, с кем успеете пообщаться. Вовсе не обязательно, чтобы прибыли все до единого! Достаточно несколько человек, которые доведут решение нашего пленума до остальных.

— Мудро, ваша Багровозвездность, — сказал Альбрехт.

— А вы проследите, — велел я ему строго.

— Сделаю, ваша Победоносность, — ответил он с поклоном.

Маг следит за ним краем глаза, что-то прикидывает, только мне понятно, Альбрехт, несмотря на свою невозмутимость и высокомерный вид, втихую забав-

ляется, путая титулы, чтобы местные так и не сообразили, как обращаться правильно.

— Вас как зовут? — спросил я.

— Вендисс, ваше величество.

— Успеха, сэр Вендисс.

Его брови взлетели при обращении «сэр», но по небрежному движению моих пальцев вскочил, поклонился и заспешил к двери. Гвардеец отворил перед ним с таким видом, словно выпускает нашкодившего кота.

Глава 3

— Сегодня солнце, — произнес Альбрехт на другое утро, — подражая нашему величеству сэру Ричарду, тоже встало пораньше.

Он отодвинул тяжелую штору на окне, снаружи воился яркий солнечный свет, на Юге даже солнце другое, все под его лучами играет всеми красками. Правда, здесь и сами краски ярче.

— Первый прибыл, — сказал он с сарказмом. — На простой повозке... что за маг, если летать не умеет?

— Те в глубоких пещерах, — напомнил я, — а остались самые мелкие.

— Тогда стоит ли с ними даже разговаривать?

— Зато их тысячи, — напомнил я, — сотни тысяч. Верховные занимаются непонятно чем, а эти поддерживают благополучие народа. Лечат людей и скот, прогоняют саранчу и грызунов, выводят на поверхность подземные ручьи, обеспечивают урожай и плодовитость животных...

— Сделаете их старшими? — спросил он. — Как Лазиуса и Джеральдера?

Я покачал головой.

— Нет, тут надо иначе. А как... все еще не соображу.

— Решайте быстрее, — посоветовал он. — Вон еще двое прибыли. Но пока ждут еще кого-то.

Я судорожно вздохнул, стараясь собрать в кулак разбегающиеся мысли. Магия сама по себе не просто тормоз на ногах цивилизации, это полный застой человечества. С другой стороны, если на него смотреть как на множество отдельных существ, то маги, надо признать, обеспечили им безбедное и сытое существование. Можно сказать, счастливое, без эпидемий и практически вообще без болезней.

Войны между королевствами возникают крайне редко, а когда такое все же случалось, армия напавшей стороны всегда уничтожалась Верховным Магом страны, на которую напали.

Альбрехт сказал с сочувствием:

— Да не волнуйтесь вы так, мой лорд!.. На вас лица, как говорят в народе, нет. Ни перед одной битвой вы так не волновались, как перед этими... ничтожными магами.

— Что, — спросил я, — уже идут?

— Да, — сказал он. — Подъехала целая толпа. Тогда их лучше в большой зал?

— В малый, — ответил я. — В большом и армия потерянется.

Мы нарочито выждали, когда маги собираются в зале и разместятся на одной половине зала, а на другой одно-единственное кресло, для меня, естественно.

Альбрехт удвоил в коридоре стражу, пусть даже со стороны магов не чувствую особой враждебности, больше недоверие и некие ожидания, все-таки Вендисс поработал, собирая и пересказывая наш разговор.

Они все встали, когда я вошел, и стояли, пока не прошел к своему креслу и не сел.

Я оглядел их, как и положено, тяжелым давящим взглядом, все замерли в неподвижности, хрен что прощешь по их лицам, готовы ко всяkim неожиданностям; тоже продумывали все повороты разговора.

— Садитесь, — велел я, — разговор будет недолгим; все мы люди занятые, я вас не задержу, как и вам не дам задерживать меня болтовней. Говорить можете сидя, я все равно услышу!

Они довольно дружно поклонились и опустились в кресла. На лицах некоторых я увидел сдержанное удивление, обычно все стоят перед королями.

— Вы все люди мудрые, — сказал я, — потому обойдемся без лживых глупостей, которыми короли и вельможи угощают друг друга, это у них называется культурой. Мы с вами практики, мы единственные, кто занимается настоящим делом, ради которого стоит жить и трудиться!..

Их лица остались такими же неподвижными, но я со своей обостренной чувствительностью ощутил, что айсберг хоть и монолитен, но готов треснуть.

— Потому, — сказал я все тем же властным голосом, — обещаю и впредь поддерживать элиту человечества, магов!.. Короли, бароны и все прочие титулованные... будем говорить прямо, это те же простолюдины. Мне это даже виднее, чем вам, потому что я еще и король, и барон, и даже император!

Слушают все еще настороженно, я продолжал почти пламенно, как бы сам вдохновленный своей же речью:

— Потому будем заниматься своими делами, а чернь своими!.. Более того, мне кажется, вы слишком уж милосердны и заботливы! Скоро будете простому народу и сопельки подтирать!.. Слюни уже подтираете, вижу. И хотя этим занимаются самые низшие из магов, но и

они могли бы больше заняться изучением основ магии, чем нянчиться с простолюдинами.

Старик из переднего ряда, осанистый и с длинношерстной бородой, сказал громко:

— Простите, что не встаю, ваше величество, но вы запретили... потому мне ужасно неловко... однако мы сами все люди, и забота о своих соплеменниках должна быть обязательной.

— Знаю, — сказал я, — у вас в Уставе есть пункт, обязывающий заботиться о тех, кто сам о себе позабочиться не может. Очень благородный пункт!.. Думаю, было много противников...

Он наклонил голову.

— Сказать по чести, очень много. Были даже войны. В конце концов удалось доказать, что, если людей считать за скот, наша мощь слабеет.

— Мудро, — согласился я. — Но все же с заботой переборщили. Люди под вашей опекой разленились и превращаются в ленивый скот. С ними нужно жестче!.. Не так жестко, как наверняка предлагали ваши экстремисты, но пора заставить их трудиться хотя бы на самих себя... А у вас останется больше времени на самосовершенствование и работу над тайнами бытия.

Вендисс, он расположился в переднем ряду, заметил вежливо:

— Вообще-то забота о людях внизу... это дело самых младших магов. Что мы и делаем.

— А вам не нужны кадры? — спросил я. — Что повышают мастерство?.. Сами не хотите подняться до высот магии?

Он наклонил голову.

— Да, конечно...

Я прервал:

— На том и решим!.. Я не вмешиваюсь в вашу работу. А если какие-то реформы и будут... то в самых низших кругах людей. Чтобы работали, а то отдыхают слишком много!

Маги молчат, все еще переваривают, а Вендисс, как глашатай их интересов, переспросил:

— Ваше величество, простите... не понял...

— Слушаю, — сказал я сухо.

— Вы сказали, что намерены защищать интересы простых людей... но в то же время посоветовали нам, очень настойчиво посоветовали, кстати... меньше им помогать...

— Помогать будем, — сообщил я. — Когда пожар, наводнение, засуха или что-то еще такое вот. Да и то будем приучать, чтобы сами! А сейчас вообще вытираете за ними носы и чуть ли не задницы. Люди вообще в скотов превращаются! Нет уж, высокая и благородная наука, то бишь магия, должна заниматься действительно высокими и важными делами!.. А простой народ...

Он напомнил осторожно:

— Наша мощь в известной мере зависит от этого простого народа... Немного, но все же...

— Мы все от него зависим, — напомнил я. — Даже императоры! Ничего в этом нет стыдного. Потому пусть народ пашет и сеет сам, надрывая жилы, их не жалко, а маги должны не покровительствовать дуракам и бездельникам, а раскрывать тайны природы на благо!.. Вы же видите, я на вашей стороне! Я болею за вас, за ваше дело, вашу работу, которой так мешает эта ежедневная рутина с заботой насчет заболевшей коровы, червяков в яблоках, нашествия сорняков на поле с пшеницей!..

Он поклонился.

— Ваша Звездная Мошь, вы не представляете, как приятно слышать такое. Все пять тысяч лет маги только и слышат: дай то, сделай это, принеси, добудь, почему так мало...

Я благосклонно улыбнулся, дескать, мы одной лиги, потому понимаем друг друга.

— Что вам еще сказал Карл-Антон?

Он ответил громко, чтобы услышали все в зале:

— Он сказал, что вы умеете творить с помощью магии такое, что недоступно даже ему, а он, как я убедился лично в общении с ним, маг огромной силы.

В зале оживленно задвигались, на меня уже смотрят с удивлением и растущим уважением, а я поднялся, они тут все встали тоже, нельзя сидеть в присутствии королей.

— На том и порешим, — сказал я веско. — Мы на одной стороне. А теперь все за работу!.. Это, как вы поняли, относится и ко мне.

Я повернулся в вышел в боковую дверь, не дожидаясь, пока они покинут зал.

Альбрехт сразу же пошел рядом, сказал осторожно:

— Сэр Ричард, вы в самом деле...

— А что не так? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Уже привык, что говорите одно, а делаете третье. А то и четвертое. Но ведь говорите с таким убеждением, таким жаром!..

— Дорогой друг, — ответил я, понижая голос, — я ничуть не кривил душой. Юг застыл в развитии, а любой застой рано или поздно ведет к катастрофе.

Он почти вскрикнул:

— Но вы обещали ничего не менять, ни во что не вмешиваться!

— В деятельность Верховных Магов, — напомнил я. — Они обречены историческим процессом, чего я вдруг встану на пути лавины? Да и ради чего?.. А вот жизнь низшего сословия, на которое принято вообще не обращать внимания, немножко потревожим...

— Немножко?

— А что?

— У вас не бывает немножко!..

— С виду будет немножко, — пообещал я. — И как бы послабления... ну, с виду. Свободы там всякие, равенство и братство... с себе подобными, конечно. И вообще возможность самим определять свою судьбу и надеяться только на себя, свои силы, свой талант! Вы же знаете, каждый считает себя талантливым. Им только цепи мешают стать толстыми и богатыми.

— В этом и ловушка?

— Одна из, — сообщил я. — Одна из. Мы им, гадам, еще покажем демократию! Наплачутся, да поздно будет. Логика развития неумолима, возможностей рвать жилы на благо прогресса будет все больше, шырше и глыбже! И будут рвать, будут сопеть, хрипеть, но тянуть телегу прогресса, потому что иных вариантов не останется. Кто не будет проливать пот на поле, тот издохнет, и никакие маги не прокормят!

— Магов к тому времени не останется?

Я зыркнул на него зло.

— Не дразните меня, дружище. Останутся или не останутся, но работать будут все. Кто будет сытым, а кто сдохнет с голода, отныне зависит от них самих.

— Значит... будут умирать с голоду, — уточнил он, — но магам нельзя будет их накормить от щедрот?

— Нельзя, — отрезал я. — Народ, где бездельники живут так же сыто, как и труженики, уже не народ, а стадо свиней непонятной масти. Господь сказал, что

каждый в поте лица будет зарабатывать свой хлеб? Вот и будет, как велел Господь.

Альбрехт сказал с двусмысленной улыбкой:

— Как же хорошо под вашим знаменем, сэр Ричард!

Я взглянул с подозрением.

— Вы чего?

— Да так, — ответил он довольно, — какие бы...
действия я ни совершал, все равно, оказывается, иду во
славу и по указанию Господа, выполняя Его волю!

— Неисповедимы пути Господа, — сказал я твердо.

— Но вы-то их знаете?

— А то, — ответил я. — Как же иначе?

Он поклонился с довольной улыбкой.

— Какой же я предусмотрительный, оказывается...

— В чем? — спросил я.

— Поддался на уговоры Митчелла, — сообщил он, — встать под ваше знамя, мой лорд.

— Не просто встать, — напомнил я. — Вы пришли в
мой трудный час на помощь незнакомому вам рыцарю,
руководствуясь принципами справедливости. Я этого
никогда не забуду, мой друг.

Глава 4

Похоже, она подстерегала меня, выскочила впереди
в коридор и сразу присела в поклоне, но без поклона,
то есть с прямой спиной и не отрывая от меня вопро-
шающего взгляда.

Я узнал ту женщину, что так очаровательно щебетала,
окруженная толпой придворных пижонов, небрежно
кивнул, проходя мимо, а она сказала быстро и почти
шепотом:

— Ваша Небесность... мне нужно сказать вам пару слов. Лучше наедине.

Я остановился, смерил ее взглядом. Хороша, но здесь все женщины хороши, неэлитные отсеиваются задолго до порога императорского дворца.

— Вы имеете в виду...

— Нет, — ответила она. — Нет.

— Говорите.

Она сказала шепотом:

— Лучше не здесь.

— Ведите, — ответил я коротко.

Она развернулась и быстро пошла по коридору, широкому и ярко освещенному. Чувство опасности пока молчит, а оно у меня, как ни смешно, растет почти с той же скоростью, что и мои титулы. Сейчас я, наверное, в состоянии ощутить, если какой-то комар задумает укусить меня, а насчет людей чую и за каменной стеной, так что эта женщина если что и замышляет, то очень неявно, я уже умею вылавливать и скрытое.

Мои гвардейцы молча провожают нас взглядами, я всем видом показываю, что все в порядке, впередолю вот этой и вернусь, жизнь прекрасна, мы завоевали эту империю, теперь только грабить и почивать...

В императорском саду помимо множества гротов с падающей водой в изящные бассейны есть и немало мрачных уединенных мест, где поверхность темной воды покрыта толстыми мясистыми листьями болотных растений. Водяные лилии и кувшинки цветут скучно, дизайнеры хорошо потрудились, стараясь сделать эти места как можно более мрачными и недобрыми.

Она привела именно в такое место, впереди темная вода с болотными растениями, две толстые жабы смо-

трят с неодобрением, но не сдвинулись с мест, они хозяева, а мы гости.

Женщина остановилась, я указал на большой покрытый мхом продолговатый камень.

— Присядем, леди...

Она сказала тихо:

— Леди Александра. Спасибо, ваше величество.

Кусты распахнулись, как раздернутый нетерпеливой рукой занавес, огромный черный пес в стремительном прыжке перемахнул клумбу и приземлился передо мной на все четыре мощные лапищи.

Я потрепал Бобика по лобастой, как башня танка, башке.

— Он никому не расскажет, леди Александра. Но если кто-то вблизи спрятался и наблюдает за нами, то сразу найдет и придушит. Как мышь.

Она сказала бледным голосом:

— Ваша Небесность, никакого подвоха, уверяю вас!.. Просто готовится заговор против вашей Звездности, а я, хоть вы и чужак, решилась предупредить...

— Спасибо, — ответил я. — А почему?

— Свои оставили нас на гибель, — ответила она сердитым шепотом, — а вы, хоть и чужаки, спасли!.. Что вы с собой принесли, не знаю, я женщина, далеко заглядывать должны мужчины, а я вам просто благодарна за то, что живу!

— Спасибо, — повторил я.

Она понизила голос настолько, что я вынужденно подсел ближе и наклонился к ее волосам. Пахнуло прямыми ароматами, Бобик посмотрел с неудовольствием, а леди Александра прошептала:

— Лорд-канцлер Грейд Ньюгрейс, вы его еще не видели, велел послать слуг за императором Германом!

— Ого, — сказал я.

— Он знает ход в ту пещеру, — прошептала она горячо, — и хотя проход завален камнями, но если пробраться к императору, тот сможет выйти гораздо быстрее, чем все предполагают! И раньше, чем ожидаете вы.

Я сказал медленно:

— Это ценные сведения, леди Александра. Спасибо.

— Рада служить вам, — ответила она смиренно. — Мы, женщины, всегда покоряемся более сильному. А вы, властелин Багровой Звезды, самый могущественный повелитель на свете! За вашей спиной безопаснее и надежнее.

— Надеюсь, — ответил я скромно. — Еще раз спасибо... Информация ценнейшая и может многое поменять... Будем эту задачу как-то решать... Леди Александра, здесь такой уютный альковный гrot, но, думаю, после такого серьезного разговора как-то неловко хватать вас за сиськи?

Она слабо улыбнулась, но глаза оставались серьезными.

— Вы правы, ваша Небесность. Даже если все к этому располагает, но... лучше в другой раз. Если вы еще к тому времени обо мне вспомните.

— Вы еще и умная женщина, — ответил я. — Никогда бы не подумал, глядя, насколько вы красивая.

Она улыбнулась снова.

— Спасибо, ваша Небесность. У северян грубые комплименты, но мощи в них больше, чем в любых наших.

Бобик, не найдя ничего интересного, снова унесся исследовать огромный двор и пугать народ, а я вернулся в главное здание. Старший по охране доложил,

где сэр Альбрехт, где Норберт, а где сейчас по большей мере собираются придворные.

Я кивнул, насчет придворных и сам знаю, все пользуются такими мощными феромонами, что я без труда уловил аромат духов леди Мильсины и пошел по их следу.

Запахи привели к двери, из-под которой текут густые ароматы духов, кремов и притирок, я открыл и вошел уверенным шагом властелина мира.

В комнате с леди Мильсиной еще и немолодая строгая женщина в платье старинного покроя, ее появление понятно, приличной молодой девушке низзя одной в помещении, куда внезапно может войти мужчина.

Обе присели в изысканном книксене, глазки скромно долу, почти открытые сиськи на самом видном месте, все продумано.

Я на ходу снял шляпу и, вручив ее строгой леди, прошел к Мильсине и протянул мужественную длань, а она в ответном жесте красиво простерла ко мне обе руки, улыбаясь чисто и чарующе.

Строгая леди незаметно вышла в коридор, а мы присели за небольшой столик, покрытый белой с золотом скатертью, на ней только золотой чайничек и широкая золотая чаша на таких же широких золотых блюдцах, а еще небольшая ваза с красными и синими цветами.

— Тяжелый день? — поинтересовалась Мильсина с улыбкой.

Я создал две чашки кофе, пренебрегая чайником, Мильсина приняла одну с мягкой улыбкой и взглянула поверх нее на меня с интересом.

— И как вам это удается?

— Не знаю, — ответил я. — Как-то вот. Леди Мильсина, о вас тут все говорят, что вы, оказывается, еще и умная женщина.

Она позволила себе чуть-чуть сдвинуть губы в сдержанной улыбке.

— Вас это удивляет?

— Еще бы, — ответил я. — Вы же красивая женщина! В самом деле красивая.

— Спасибо, сэр Ричард... ох, как трудно выговаривать это, так и просятся на язык пышные титулы...

— Стерпится, — сообщил я, — слюбится. К вам повышенный интерес у всех наших рыцарей. Даже сэр Альбрехт, вы его видели, советует обратить на вас внимание...

Она поинтересовалась нейтральным голосом:

— В каком смысле?

— Вот-вот, — сказал я, — вы сразу все поняли, дело не в постели. Император увел всех, кого он считал ценными или нужными, а остались те, кто... ну, не вошел в его элиту. Даже если и входил до появления в небе Багровой Звезды. В моменты опасности многое пересматривается, как вы догадываетесь.

Она чуть наклонила голову, рассматривая меня испытующе.

— Так в качестве кого ваш сэр Альбрехт меня рассматривает?

— Как некий противовес, — пояснил я, но увидел непонимание в ее глазах, — как новый центр, вокруг которого могут консолидироваться как оставленные женщины, так и мужчины. При всей верности и лояльности императору все-таки у каждого есть хотя бы крохотная обида, что его бросили на смерть, а взяли с собой немало никчемного люда, все достоинства которого в том, что льстили императору умелее и чаще.

На ее лицо на миг набежала тень, я почти ощутил ее колебание, а вместе с тем сверхбыструю оценку новых возможностей. И решать надо быстро, по мне видно,

что, если попросить время подумать, я тут же легко соглашусь, но сам о ней забуду и найду более говорчих, хоть и менее компетентных.

— Располагайте мною, сэр Ричард, — сказала она и тут же уточнила: — Может быть, все же именовать вас более подобающим титулом?

Я отмахнулся.

— Не существует титулов, достойных моего величия, если помнить, что я царь природы и венец творения. Но это только для вас и своих, а все остальные во дворце и королевстве обязаны обращаться ко мне со всем почтением.

— Каким титулом?

— А вот с поцелуями погодим, — сказал я и, заметив на ее лице непонимание, пояснил: — Пусть имеют, как кому подскажут фантазия, размах, чувство соразмерности, подхалимаж или желание угодить. Леди Мильсина, вы знаете, где сейчас бывший лорд-канцлер империи?

Она наклонила голову.

— У себя во дворце. Только он себя не считает бывшим. Хотите навестить?

— По мне заметно? — спросил я с огорчением.

— Да, — ответила она. — Понимаю, на Севере все откровеннее в выражении чувств, но здесь Юг, все намного изощреннее...

— Учту, — пообещал я. — Адрес лорда-канцлера?.. Здесь не появлялся?

— Он слишком стар, — ответила она. — Но император с ним часто советовался. Император Скагеррак, властелин соседней империи Клонзейд, самой могучей, давно давит на Германа, стараясь принудить к подчинению и поглощению его империи.

— Ого, — сказал я. — При дворе известно?

Она замялась, ответила шепотом:

— Нет. Во всяком случае... не широко.

— Кто-то из оставшихся может знать подробности?

Она покачала головой.

— Император таких взял с собой. Но опять же никто не знает больше, чем лорд-канцлер.

— Вы просто прелесть, — сказал я. — Или уже знаете, что мужчинам... я говорю о мужчинах, а не бабниках, мало ваших сисек и жопок?.. Нам еще и поговорить о мировых проблемах, как будто в самом деле что-то понимаем. Давайте адрес, надо навестить.

— Мне с вами? — спросила она быстро. — Мне доверяет.

— Гм, — сказал я, — а это не подпортит вашу репутацию?

Она вскинула брови в изумлении.

— Каким образом?

— Ах да, — ответил я, — хорошо. Но на коня не возьму, он посторонним не очень-то верит.

— А ваш милый песик доверяет!

— Он только делает вид, — сказал я предостерегающе. — Он хитрый... со всеми уживаются, кто его чешет и гладит. А конь у меня честный. Что думает, то и говорит.

Она улыбнулась, но промолчала.

Я дал ей фору в час, пусть сообщит старику все новости, если он еще не узнал от слуг, начиная с того, почему Маркус еще не уничтожил мир и что случилось дальше, а когда Зайчик красиво и гордо донес меня до ворот солидного особняка, роскошного даже по меркам империи, слуги уже ждали у распахнутых створок,

дружно пали на колени, едва завидев меня на огромном коне в сопровождении Адского Пса.

Бобик влетел во двор первым, молниеносно сделал круг, все успел обнюхать и оказался у широких мраморных ступеней в тот момент, когда Зайчик остановился там, а я покинул седло.

— Жди здесь, — велел я. — Кур не души, детей не пугай.

Командир тройки телохранителей заверил с широчайшей улыбкой:

— Мы за ним посмотрим!

— Да, — сказал я с сомнением, — займите его чем-нибудь. Вон то бревнышко можете побросать ему... по очереди.

Двери в холл распахнули, а дальше величественно одетый лакей провел меня через два роскошных зала в третий, поменьше, где я издали увидел у стола в глубоких креслах Мильсину и дряхлого старика в огромном белом парике.

— Не вставайте, — велел я издали. — Милая Мильсина уже сказала, что я из страны варваров, где принято уважать старших?..

Лорд-канцлер слабо улыбнулся беззубым ртом, глаза старческие, слезящиеся, но взгляд ощутимо быстро и цепко пробежал по мне.

— Спасибо, — проговорил он слабым дребезжащим голосом. — Меня в самом деле ноги уже не держат. Так вы и есть тот таинственный вождь, что одолел неведомых существ и захватил Багровую Звезду?

Я учтиво поклонился.

— Да, и еще много чего натворил. С вашего позволения я сяду. Ваше время дорого, понимаю, потому много у вас не отниму. Меня интересует империя Клонзейд.

Насколько она сильна, почему давит на Жемчужную, чего от нее ожидать?

Пока он собирался с ответом, старые люди медлительны, я сотворил три чашки с горячим кофе, гору сахарного печенья и несколько пирожных в виде трубоочек с заварным кремом.

Мильсина гордо улыбнулась, а у канцлера глаза расширились в изумлении. Мильсина хвастливо ухватила свою чашку раньше меня, сделала большой глоток и в подчеркнутом блаженстве закрыла глаза.

Канцлер взял чашку обеими руками, но глоток сделал без боязни, в его возрасте уже не страшится за жизнь, прислушался, на бледных дряблых губах пропустила слабая улыбка.

— А это бодрит, — сообщил он.

— Пейте до дна, — посоветовал я. — Так взбодрит больше. Пирожные тоже весьма... Грызть не обязательно, тают во рту.

Он сделал еще пару глотков и, держа чашку в ладонях, сказал замедленно:

— Так вы воин и маг?.. Интересное сочетание. Раньше не встречалось. Воины и маги изначально воюют друг с другом... Империя Клонзейд одна из восьми на континенте. Но еще больше земель под властью независимых королевств, герцогств и даже графств.

Я кивнул.

— Знаю. Есть даже независимый маркизат. В моей бурной молодости я был там маркизом... надеюсь, остался его сюзереном и теперь.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— В молодости? Это когда было?

Я вздохнул.

— Давно... Год тому или даже больше. Настоящие мужчины взрослеют быстро. К тому же старые книги читал, представляете?

Он смерил задумчивым взглядом мою фигуру, особенно ширину плеч и вздутость бицепсов.

— Нет, не представляю...

Мильсина воскликнула с живостью:

— У вас есть маркизат?.. Как интересно!.. Хотелось бы побывать где-то в дикости... Там сейчас, наверное, все заброшено?

— Напротив, — заверил я. — Расцветает. Но вам туда не стоит.

— Там злая жена? — спросила она с интересом. — Ничего, подружимся. Я уживчивая.

— Там две, — сообщил я. — Уже и сам не знаю, какая из них настоящая. Хотя вроде бы не жены, какие у пиратов жены, но женщин переубедить трудно.

— Но обе как-то уживаются?

— Весьма.

— Так и я уживусь, — заверила она. — Где две, там и три!

— Нет уж, — сказал я решительно и повернулся к канцлеру. — Империя Клонзейд намного крупнее?

— Не знаю, — ответил он, — намного ли это, но по территории где-то втрое, однако заселена не так уж чтобы плотно. В королевствах империи его величества Германа Третьего гораздо меньше пустых пространств.

— Тогда почему? — спросил я. — Или император там слишком воинственный? Воинской славы жаждет?

Он сделал глоток кофе, подумал, держа чашку в дряблых ладонях. Мильсина дотянулась до сахарного печенья и с наслаждением захрустела им.

— Есть только предположения, — произнес он осторожно. — Но ни одно не является окончательным.

А еще не забывайте о Великих Магах. На его земле их Конclave. Император наверняка действует с их согласия... а то и поддержки.

— А у магов есть интерес?

Он чуть наклонил голову.

— Недалеко от Геркуласта, это старинный город на востоке нашей империи, есть заброшенные карьеры. Там ломали камень, что способен поглощать прямо из воздуха и накапливать в себе магическую мощь. В других империях залежи этих камней либо иссякли, либо остались только на очень большой глубине. Добывать очень трудно.

— Понятно, — сказал я. — Миром правит экономика даже в миге магии!.. Хотя чему удивляться? Ничто не берется из ниоткуда. Спасибо, вы очень помогли.

Он спросил слабо:

— Уже уходите?.. Вопрос напоследок можно?

— Любой, — заверил я. — Хотя, конечно, ответ не гарантирую.

— Что будет дальше... с империей?

Я подумал, ответил с осторожностью:

— Как всегда при любом завоевании варваров. Старое рушится, на руинах возрождается мир более высокого качества. Знаю точно, мир будет лучше!

Он устало прикрыл глаза.

— Не думал, что доживу до таких потрясений... Но вам спасибо. За спасение мира!

— Кто-то, — ответил я с надлежащей скромностью героя, — рано или поздно бы это сделал... Кстати, император скоро вернется? Как-никак он мне постоянно давал титулы, а недавно пожаловал принцем императорской мантии!.. Я примчался вот поблагодарить...

Он посмотрел на меня испытующе.

— Да, конечно... Здесь титул принца императорской мантии весит, как полагаю, больше титула императора на диком Севере... Император пока что в ожидании, пока все закончится.

— А сколько будет ждать?

Он пожал плечами.

— Думаю, это больше зависит от запаса продуктов, взятых с собой. Никто ведь не знает, сколько эти неведомые существа...

— Филигоны, — подсказал я.

Он повторил:

— Филигоны... Странное название, в летописях не сохранилось. Сказано только, что сперва набирают пленных, а землю разрушают потом. Но никто не знает, как долго они набирают...

Глава 5

Едва мы покинули дворец лорд-канцлера императора, как со всех сторон сдвинулись разведчики Норберта. Навстречу выступил Чекард, я сказал быстро:

— Слуг здесь немного, как я понял. Узнай, кто отлучался недавно, кто отлучился и еще не вернулся... С этими нужно поговорить, где были, какое поручение выполняли.

— Что спрашивать особо?

— Дорогу к императорскому схрону, — ответил я.

Чекард кивнул, лицо сразу стало жестким.

— Это серьезно. Займемся сейчас же.

Когда въехал во двор императорского дворца, там как раз соскочила с коня Боудеррия, рослая и опасно прекрасная, в легких кожаных доспехах, с выглядыва-

вающими из-за широких плеч рукоятями двух мечей. Узкие перевязи через грудь выгодно подчеркивают атлетизм фигуры и в то же время выпуклят вторичные признаки, пояс тоже узкий, чувствуется вкус. Если и была дикаркой, то у принцессы Алонсии, будучи ее телохранителем, кое-чему научилась.

— Боуди, — сказал я, — здешние дамы тебе и в подметки...

— Спасибо, — сказала она довольно.

— Но все же прими совет старшего друга...

Она прервала:

— Насчет одежды?

— Угадала, — сказал я.

— Еще бы, — ответила она ядовито, — нет, чтобы сперва на мои сиськи посмотреть. Чем не нравится? Я под этих ряженых обезьян рядиться не стану!

— И не надо, — сказал я миролюбиво. — Им далеко до твоей одежды. Принцесса Алонсия научилась у тебя умению подбирать платья! Но чтобы ощутили твое превосходство, тебе стоит всего-навсего просто украсить свои наряды.

Она сказала почти враждебно:

— Какие наряды? Сэр Ричард, я обижусь!

— Просто рассыпь по одежде драгоценности, — посоветовал я. — На поясе, по швам колета или как он зовется, даже на сапогах. У тебя превосходное чувство вкуса, ты сумеешь сделать так, что все подохнут от зависти! Возьми у Альбрехта ключ от королевской сокровищницы и выбери все, чем сможешь себя украсить. Вплоть до заколки в волосах с вот таким бриллиантом!

— Рубином, — поправила она автоматически. — Моим волосам идут только... Ох, сэр Ричард! Вы всех на разных червячков ловите?

— В интересах культуры и прогресса, — пояснил я, — даже зарезать человека можно, а то и целую страну удушить, не то что... Будешь олицетворять высокую роль женщины в обществе и вообще равноправие, непонятное местным накрашенным дурам. Это тоже работа, Боуди!

Она сказала все еще с сомнением:

— Хорошо, посмотрю, что там у эзра Альбрехта под замком.

Закаты на Юге намного красочнее, чем в Северном полушарии, я невольно засмотрелся на охватившее полнеба зарево, мои рыцари тоже поглядывают с чувством превосходства, вон какую красоту сотворил Господь, а вы, дураки, отвергаете Его, что так заботится о вас...

Проходя через залы, заметил леди Мильсину, она уже успела переодеться в другое платье, из оранжевого в синее, все остальное я не заметил, да еще в низком вырезе платья синий камешек в серебряной оправе. В этом сложном ритуальном мире символов это что-то да значит, и дело не в амулетстве, здесь цвет и форма выставленных на виду украшений всегда что-то говорит помимо того, что у меня бриллиант вот такого размера, смотрите и сдохните от зависти!

Наступает ночь, а эта Мильсина в постели хороша, но, с другой стороны, рановато обзаводиться постоянной любовницей или фавориткой, как здесь говорят.

Хотя меня ничто не обязывает, но все же как бы обязывает, потому что некие обязательства в нас самих, и если человек деликатен, тонок и чрезвычайно скромен, как вот я, то его несколько смутит обязатель-

ное для правителя распределение внимания между разными женщинами, как у петуха в стае кур или козла в стаде коз.

Вздыхая о нелегкой судьбе императора и невидимых миру цепях, я лег, движением дланей услал стражников из спальни в коридор и задул свечу, оставив только дальнюю на столе.

В спальне полумрак, в широкие роскошные окна смотрят звезды и краешком заглядывает серпик луны, стены как бы отодвинулись, я лежу чуть ли не на середине стадиона...

В той стороне, где левая стена, заблистиали мелкие искорки. Я насторожился, потом рассмотрел, что это по огромному центральному зеркалу словно бы пробегают беззвучные ветвистые молнии.

Через несколько секунд молнии разбились на частую светящуюся рябь, а среди нее наметилась человеческая фигура.

Ничего не успев придумать за секунду, я поспешил войти в личину исчезника, застыл, страшась даже дышать.

Зеркало в самой середине вздулось, я отчетливо рассмотрел с той стороны прозрачной поверхности растопыренную пятерню, через мгновение эта пленка лопнула, через край рамы переступила миниатюрная девушка в темном плаще.

Почти не оглядываясь, словно здесь все ей знакомо, она прошла к столу в центре спальни и, выдвинув ящички, начала перебирать там вещи.

Я тихохонько поднялся и, ступая как подкрадывающийся к кузнецчику богомол, зашел с той стороны, чтобы отрезать ей дорогу к зеркалу, вышел из незримости.

Заслышиав шорох, она в испуге обернулась. Я улыбнулся как можно дружелюбнее, но руки раскинул шире, надеясь, что они у меня в самом деле длинные.

— Тихо-тихо, красотка. Я тебя не трону... Успокойся.

Она побледнела, отступила на шажок, но по лицу видно: единственный путь бегства — через зеркало, однако руки у меня в самом деле длинные и загребущие, а обойти не получится.

— Вы... кто?

Голосок ее прозвучал слабо и пищаще, словно у мелкой птички в когтях большой рыси.

— Хозяин, — ответил я. — А ты?

— Вы не хозяин, — проговорила она, я видел в ее глазах дикое изумление, смешанное с ужасом. — Здесь покой императора!

— Знаешь, — сказал я с удовлетворением. — А ты хитрый воришкa?.. Как-то нашла способ? А в казну пока не умеешь?.. Хотя и тут есть чем поживиться.

Она сделала мелкий шажок в сторону, но я тут же сдвинулся и покачал головой, дескать, и не пытайся.

— Здесь покой императора, — повторила она, — никто не смеет... Никто!..

— А ты? — спросил я.

Она запнулась, все еще бледная и перепуганная, перестала шарить взглядом по сторонам в поисках спасения, уставилась в меня большими расширенными глазами.

— Как вы... проникли?

— Да просто вошел, — ответил я. — Громко топая. Знаешь ли, лапушка, давай все начистоту. Тогда и я подраскроюсь. Тем более что никакой тайны нет. Ты же знаешь о Багровой Звезде?

Она вздрогнула, зябко поежилась.

— Да... Все погибнут, люди и все-все...

— Тогда зачем? — спросил я. — Украсть что-то на прощанье? Или успеть полежать в постели императора?

Она всмотрелась в мое лицо, я видел, как борется сама с собой, наконец проговорила медленно:

— Я уже лежала в этой постели...

— Ого, — сказал я. — Это уже интересно.

— Когда мне было пять лет, — уточнила она. — Император Герман Третий... мой дедушка. Он носил меня здесь на руках, я играла на его коленях. Сейчас хотела на прощание увидеть эту комнату, что одно время была моей детской...

— А где ты сейчас? — спросил я.

Она отшатнулась, когда я хотел взять ее за руку. Пришлось отступить, жестом пригласил ее к столу, но сам сел так, чтобы загораживать ей дорогу к зеркалу.

— Я очень далеко...

— Присядь, — сказал я как можно ласковее. — Раз уж оба не спим, то выпьем кофе, сожрем что-нить сладкое... да садись, садись! Ты же хочешь узнать, как я оказался здесь?

Она пробормотала:

— Видимо, вся охрана разбежалась, а вы сами и есть вор, что решил пограбить, хотя все равно...

— Все равно умру?

— Все погибнем, — ответила она уклончиво. — Весь мир.

Я молча смотрел, как медленно и осторожно села в самое дальнее от меня кресло, выпрямилась и, положив руки на колени, посмотрела на меня в испуганном ожидании.

— А почему ты не во дворце? — спросил я.

Она поколебалась, но какие тайны, когда вот-вот Багровая Звезда начнет перепахивать поверхность земли,

все равно все тайны умрут вместе с людьми, ответила тихим голосом:

— Я заложница.

— Ого, — сказал я. — Кто же посмел?

— Император Скагеррак Сорок Восьмой, — прошептала она.

— А-а-а, — протянул я, — на материке восемь империй, ну да, ну да...

Она посмотрела с некоторым изумлением.

— Простой вор такое не знает...

Я сотворил две чашки с горячим кофе, одну оставил себе, другую придинул ей, тут же насоздавал большую горку всяческих нежнейших пирожных, как заварных, так и кремовых, и еще массу так называемых восточных сладостей, которые, честно говоря, обожаю пожирать и сам.

Она смотрела расширенными глазами, голосок прозвучал совсем опасливо:

— Вы... маг?..

— Только насчет еды, — объяснил я и взял в обе руки чашку, — поесть я люблю.

Она смотрела, как я делаю глоток за глотком, опасливо взяла чашку, осторожно и смешно коснулась вытянутой губой темной поверхности кофе, взгляд стал отстраненным, чуть-чуть отхлебнула.

— Не слишком сладко? — спросил я заботливо. — А то я по своему вкусу, сладкое обожаю.

— Странный напиток, — произнесла она с недоумением. — Никогда такого не пробовала...

— Так почему заложница? — спросил я. — Ваши империи воюют?

Она покачала головой.

— Нет. Но так нагляднее, кто сильнее. Я не единственная заложница при дворе императора Скагеррака.

У него в таком положении около сотни наследников как империй, так и королевств. В первую очередь это говорит о его статусе, если вы понимаете, о чем речь.

— Понимаю, — ответил я мирно. — Я вообще смышленый, как считал с детства. А недавно заставил признать это и других. Хотя, конечно, между собой могут говорить не то, что вслух.

Она сделала второй глоток, я за это время отпил половину, задержался, а то как-то невежливо раньше гости, хотя кто из нас теперь гость...

— Заставили? — переспросила она. — Значит, вы не мелкий вор, а вожак банды?

— Можно сказать и так, — согласился я. — Стать вожаком банды куда выше заслуга, чем стать императором по наследству. Все-таки вожак добивается вожакизма своей силой, умом и отвагой, не так ли?.. А еще я красавец, верно?

Она посмотрела, поморщилась.

— Все мы вот-вот умрем, — сказала она, — потому не хочу ссориться.

— Я тоже, — ответил я. — Что у него за империя?

На ее милое личико набежала легкая тень, а голосок стал совсем печальным:

— Империя Клонзейд, еще ее зовут империей Извечного Света. Она в самом центре мира...

— Это в самом деле? — перебил я. — А мир на слонах или на черепахе?

Она качнула головой.

— Они считают, что в центре, и неважно, на чем Земля. Потому обязаны править миром. А еще потому, что империя Клонзейд самая могучая и огромная из всех существующих. В недрах на ее благо трудятся исполнительские демоны, границы защищают Великие Маги...

Я перебил:

— Даже не один?

Она ответила печально:

— Только в империи Клонзейд сумели ужиться четверо Великих Магов. Они образовали союз, что не союз, а больше...

— Больше... это как?

Она сказала смущенно:

— Ходят слухи, что стали то ли одним человеком в четырех телах, то ли четырьмя людьми в одном теле. Все непонятно, но теперь одно целое, и что знает один, то и другие...

— А если молотком по пальцу одного, — спросил я, — другие почувствуют?

Она слабо улыбнулась.

— Не знаю. Так кто вы все-таки, странный человек?

— Злой и свирепый варвар, — пояснил я. — И пришел убивать и грабить. Вы тут все богатые и толстые, мы всех поубиваем, разграбим, спалим ваши дома и заживем счастливо.

Она сказала жалобно:

— А почему я вам не верю?

— Дурочка потому что, — объяснил я. — Все люди злые и коварные.

— И вы?

— А я что, не людя?

Она сказала тихонько:

— Но почему тогда не бросились меня насиловать и бесчестить?

— Все впереди, — ответил я зловещим голосом. — Это я аппетит разжигаю. А почему надо сразу бросаться насиловать и бесчестить?

Она прошептала:

— Так говорят...

— Твои няни?

Глава 6

— Да, — ответила она с достоинством. — Старшие женщины рассказывают о мужчинах, чтобы девушки были готовы к тому, что их ожидает. А до того времени они должны ждать и блюсти свою честь.

— Хорошая формула, — согласился я. — Сидеть и блюсти честь. Да, это хорошо. Уютно и надежно. Даже когда мир рушится, нужно жить так, будто впереди вечность... Ладно, позволь представиться: Ричард Длинные Руки, принц императорской мантии, которую мне пожаловал твой дедушка совсем недавно... а также император Севера, хотя там тоже хватает империй, в которых обо мне даже не слышали, тем более отдельных королевств.

Она отшатнулась на спинку кресла, глаза стали огромными.

— Ого, Ричард Длинные Руки!.. Тот самый?..

— А что, — спросил я заинтересованно, — обо мне уже слышно и здесь?

Она прошептала:

— Говорят нечто страшное... Где-то за океаном в глубине ужасных Зачарованных Лесов Севера родился человек-демон, которому предназначено обладать огромной властью, за ним пойдут народы, и только после долгих страданий герой южных империй сокрушит этого злобного северного тирана и освободит от него весь мир!

— Ого, — пробормотал я уязвленно, — нехорошо так перелицовывать легенду об Антихристе. А свое придумать слабо?.. В общем, я тот самый человек-демон, что спас ваш гребаный континент от гибели! А теперь не знаю, что с ним делать. Бросить бы, но это все равно

что оставить слепого посреди дороги, где во всю дурь мчится на дурных конях отряд таких же дураков...

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Спас? Как?

— Да очень просто, — сообщил я. — Жаркое долго не несли, я пошел и со зла захватил Багровую Звезду, я же человек-демон, а за это время на кухне как раз ка-плуга дожарили... Что, не верится? Вам стоит подойти к окну. Нет, не к тому, что возле зеркала. Вон большое, узорчатое...

Она посмотрела в ту сторону, отвернулась с видом оскорбленного достоинства.

— Оно слишком близко к постели!

— И что?

— Приличная девушка, — объяснила она обстоятельно, — не должна даже подходить к постели, в которой спит мужчина.

— Но вы в этой постели даже кувыркались!

— Я тогда была ребенком! Ребенку можно. А сейчас это непристойно.

— Как хотите, — буркнул я. — Так бы увидели Багровую Звезду. Ее купол мирно выглядывает над вершинами леса. Примерно на милю выглядывает. Это я так, на глазок.

— Ох, — сказала она невольно, но посмотрела на меня и покачала головой. — Нет, не пойду. Вы меня сзади схватите и потащите.

— Зачем?

— Лишать меня девичьей чести, — ответила она по взрослому. — Но хотя мы все вот-вот умрем, хочу умереть чистой.

— А как ты прошла через зеркало, если заложница? Заложники сидят в подземной тюрьме с цепями на ногах!

Она наморщила нос.

— Достаточно и того, что не могу покидать императорский двор. И обязана присутствовать на всех приемах.

— Это чтоб гости, — сказал я с пониманием, — видели трофеи императора?

— Трофеи?

— Живые трофеи, — пояснил я. — Свидетельства его мощи и величия.

Она опустила голову.

— Да. Но один из магов императора, которому вверено заботиться обо мне, сжался и рассказал, как можно проходить через зеркало. Только он взял с меня слово, что вернусь до рассвета. Иначе его самого казнят.

— И ты дала слово, — спросил я, тут же уточнил: — И маг тебе поверил?

Она ответила с достоинством:

— Я никогда не вру.

— Интересное свойство, — определил я. — Особенно здесь, на южном континенте. Я вот с северного, и то всегда вру, как всякий культурный и образованный человек.

— Варвары не могут быть культурными, — заявила она.

— Еще как могут, — ответил я. — Только у них своя культура. У нас то есть. А образование вообще никаким боком к культуре.

Она посмотрела на меня свысока.

— Знаете ли... лучше продолжайте врать, что вы сам Ричард, человек-демон, и что спасли мир... Это у вас получается лучше, чем рассуждать о культуре.

— Ух ты, — сказал я, — принцесса, вы мне так и не поверили?

— Ни капельки, — ответила она безмятежно. — И что теперь? Лишите меня девичьей чести?

— А сколько заплатите? — спросил я нагло и тут же отмахнулся. — Хотя что сейчас деньги?.. Мир рушится, но устои устаивают, что удивительно и волнительно. Однако... принцесса, держитесь вы просто прекрасно. Представляю, как вам страшно, но не выказываете ужаса. Это в самом деле по-королевски. Даже по-имперски!.. Я смиленно прошу прощения, что напугал вас... и что мешаю вернуться. Я не препятствую, то была не слишком удачная шутка...

Бобик влетел в комнату, как черный ураган, моментально оказался подле моей левой ноги, хотя вообще-то, когда вот так садится, голова его оказывается на уровне моего плеча.

Принцесса пискнула в ужасе, но Бобик, как и Маркус, не столько понимает мои команды, как читает мои эмоции, потому лишь посмотрел на нее с ленивым интересом, широко зевнул, показал устрашающую пасть с острыми клыками и лег между нами.

Она смотрела, дрожа, теперь между нею и зеркалом кроме меня еще и этот ужасающий Пес. Теперь уже точно все, сперва отнимут девичью честь, а потом съедят.

— Это Бобик, — объяснил я. — Он веселый и дурашливый, но когда одичал, стал страшным зверем, его даже прозвали Адским Псом. Но сейчас отъелся, отоспался и снова скачет, как дурак, никакой солидности и величавости.

Она смотрела опасливо, но он, ощущив мое мысленное разрешение, подошел и сел перед нею, стуча хвостом по полу. Задержав дыхание, она протянула руку и тихонько поскребла его кончиками пальцев между ушей.

— Это страшная ошибка, — сообщил я. — Теперь он не отстанет. Проявите волю, принцесса!

— Нет, — возразила она, — почешу, он такой милый... Видно же, вы его не любите.

— Я не люблю?

— Ласкаете мало, — определила она.

— Жизнь неласковая, — сообщил я ей потрясающую новость, — откуда научиться? А меня почешете между ушей, принцесса?

Она посмотрела исподлобья.

— Вы меня отпускаете?

— Я и не держал, — заверил я пылко. — Ну, разве что самую малость. Мне так одиноко и совсем не спится.

Она поднялась из кресла и, не сводя с меня взгляда, сделала шаг в сторону зеркала.

— Бобик, — велел я, — ко мне!

Он поднялся, поглядел на принцессу с укором, но тяжело вздохнул и, подойдя ко мне, рухнул у моих ног.

Принцессе проходить пришлось мимо меня, потому на всякий случай обошла по дуге, а то ухватчу и усажу себе на колени, мужчины всегда так делают, старшие женщины рассказывали всякие ужасы, что потом, когда вот так ухватят и усадят.

Я не двигался, а она, все убыстряя шаги, пошла к зеркалу, последние шаги пробежала, там одной рукой ухватилась за раму, другой подобрала длинный подол платья; оглянулась.

Я сказал торопливо:

— Принцесса, вы в безопасности! Можете скрыться в любой момент, но умоляю, просто поговорите со мной!.. Может быть, именно сегодня последний день империи и наших жизней? Может быть, остались ми-нуты?..

Она сделала движение ринуться в зеркало, но оглянулась снова.

— Вы... почему вы... так?

— Последний день, — напомнил я. — Почему бы его не прожить честно?

Она вдвинулась в зеркало почти вся, только перевитая лентами золотая копна волос осталась на этой стороне, потом принцесса повернулась в нашу сторону, странное зрелище, когда лицо выступает из поверхности зеркала, как барельеф из стены.

— Вы странный вор...

— Еще бы, — согласился я. — Ворую империи и всякие там королевства... Хуже того — ворую веру в людей! Хотя у кого она еще есть?

Она сказала из зеркала сердито:

— У меня.

— Принцесса, — сказал я, — весь мир погибнет. Ваш император Скагеррак сейчас в пещерах?.. Так и думал. Тогда чего вам не остаться здесь?

Она покачала головой, края лица исчезали за кромкой зеркала, оставались только глаза, нос и губы.

— Во-первых, я вас боюсь. Во-вторых, я дала слово магу Лаперузе.

— Он там в комнате? По ту сторону зеркала?

Она ответила настороженно:

— Да... а что?

— Спросите, — сказал я быстро, — можно мне пройти на ту сторону с вами?..

Ее глаза стали строгими, однако повернулась, я видел только кончик ее прически, некоторое время ничего не происходило, звуки через зеркало не проходили, наконец золото волос исчезло, возникло ее лицо с недоумевающим выражением и тревогой в глазах.

— Он сказал, можно...
 — Спасибо, — вскрикнул я. — Бобик, вперед!
 И мы разом ломанулись на ту сторону.

Глава 7

Из тьмы в яркий свет, помещение заполнено светом, сверкающие огнями люстры висят прямо в воздухе, свет дают яркий и радостный, а за широким окном звездная темнота ночи, что лишь подчеркивает уют этого мирка.

На той стороне огромной комнаты в кресле удобно расположился стариk в расшитом звездами плаще и в островерхой шляпе с широкими полями.

В руках посох, наконечник направлен в мою сторону, красный камень горит зловеще-багровым огнем.

— Стой, — велел стариk хрипловатым голосом, — где стоишь!

— Стою, — ответил я и сказал быстро: — Бобик, лежать!..

Бобик тут же лег у моих ног, а я растопырил руки и пошевелил пальцами, показывая, что в ладонях ничего, а то вдруг стариk подслеповат, с возрастом зрение у всех садится.

Стариk сказал требовательно:

— Ты вор?

— Нет, конечно, — ответил я, — хотя кто из нас не вор? Воровство — понятие расплывчатое. Все мы воруем друг у друга время...

— Понятно, — прервал он и опустил направленный мне в грудь наконечник посоха. — Принцесса, он в самом деле варвар с Севера. Это видно сразу даже по доспехам...

— Вот как, — ответил я с огорчением, — а я думал, по моей исполненной благородства внешности, одухотворенности и бьющей через край харизматичности.

— Принцесса сказала, — продолжил он неумолимо, — что тебе доверяет...

Я оживился:

— Наконец поверила, что я властелин Багровой Звезды?

Он покачал головой.

— Нет, просто решила, что не причинишь ей зла. Но это она поверила...

— Понял, — ответил я. — Взаимное недоверие — залог успешного существования. А если еще и гарантированное взаимное уничтожение друг друга раз двести, то еще лучше. Но у нас могут быть даже в таком положении общие интересы...

— Какие? — спросил он без интереса.

— Не знаю, — ответил я честно. — Вы же маг, а я воин, значит — враги. Но вы помогаете этой чудесной девушки, значит — человек хороший. Я тоже готов ей помочь...

Он поинтересовался с иронией:

— Помочь? Как?

Я пожал плечами.

— Да как угодно. К примеру, разнести империю... как ее... Клонзейд. Только из-за названия стоит смести с лица земли, слишком дурацкое. Давайте переименуем? Для меня это запросто. А можно за то, что ее император обидел эту милую малышку. Выбирайте, что вам больше нравится.

Принцесса насмешливо сказала:

— Легко говорить такое, когда мир вот-вот...

— Давайте, — сказал я, — обсудим, как в цивилизованном мире, а не на поле брани? Например, за чашей вина? Хорошо?

И, не дожидаясь ответа, мало ли что ответят, я сосредоточился и создал три фужера из тончайшего стекла, которого и не видно бы, если бы не кроваво-красное вино, чей тонкий и в то же время сильный аромат сразу потек по комнате.

Маг сказал с иронией:

— О, перед нами маг? Что ж, прошу за стол...

Я выждал, пока сядет принцесса, они оба отметили этот странный жест вежливости, а я, собравшись с силами, быстро уставил стол пирожными всех видов, мороженым в вазочках, наконец восточными сладостями и сахарным печеньем.

Бобик устроился под столом, на меня поглядывал с ожиданием. Я сосредоточился, давно такое не проделывал, с усилием создал гуся, хотя по легкости, с какой он появился на столе, он просто исчез с чьего-то стола, а я зашвырнул его под стол.

Там тут же послышался мощный хруст перемалываемых костей. На лице мага наконец пропало изумление, он поднял на меня взгляд очень внимательных глаз.

— Такова магия Севера?

— Я не маг, — сообщил я. — Такое у нас каждый ребенок может. Все, кроме вина, детям не положено, а взрослых не жалко. А вот маги... о, маги могут все! Но им нельзя.

Он медленно и осторожно взял в руки фужер, рассматривал задумчиво, а у принцессы в глазах вспыхнул восторг, сперва опустила голову к столешнице и всматривалась в чудесный сосуд с детским изумлением,

затем очень осторожно взяла обеими руками, на лице страх, что вот-вот растает в воздухе и вино хлынет на стол.

Старик сделал глоток, прислушался, затем без колебаний отпил почти до половины, медленно перевел дыхание.

— Да, что-то новое и... необыкновенное. Кто-то у вас очень хорошо умеет делать вино. Да и сосуд... весьма странный.

— У нас много чего умеют, — сказал я.

— Бывают часто? — спросил он.

— А вы попробуйте уронить, — предложил я. — Стекло такой же хрупкости, как и мои доспехи.

Он сказал задумчиво:

— Похоже, мы недооценивали Север.

— Ничего, — сказал я утешающе, — Север сам пришел к вам. Еще оцените.

Он сказал сдержанно:

— Если ты и вор, как утверждает принцесса, ты очень умный и... умелый вор. Но что тебя привело сюда?.. Сейчас весь мир ждет катастрофы. И никто ничего не планирует на завтрашний день...

— Я тоже, — признался я. — Хоть катастрофы не жду, но ничего не планирую. Растворялся просто. Как буриданов кот Шредингера в чеширском лесу. Меня заинтересовали слова принцессы о ваших Великих Магах, которым удалось вместо войны друг с другом сконвертироваться. Если так, что им помешало установить власть над миром?

Он сделал еще глоток, медленно прислушиваясь к ощущениям, явно за свою долгую жизнь перепробовал вина в разных королевствах и уже давно не находил ничего нового, лишний довод за то, что я как-то прибыл с Севера.

— Просто не успели, — ответил он неспешно. — Если бы не Багровая Звезда... Но как бы сильно мир ни оказался разрушенным после ее ухода, они выйдут на поверхность, и тогда...

Принцесса печально вздохнула, я с изумлением понял по ее выразительному лицу, что переживает не за себя, а за человечество, что целиком попадет под власть магов.

— Спасибо, — сказал я с чувством, — спасибо за ценнейшую информацию. Принцесса, эти пирожные словно созданы для вашей пашечки... И мороженое. А-а, вы еще не знаете, что это за такие шарики? Отведайте.

Старик пожал плечами.

— Это не тайна, многие маги, кто подозревал, а кто и знал. Я как королевский маг допущен к секретам такого уровня.

Принцесса спросила с подозрением:

— А вы чему обрадовались, сэр вор?

— Предлогу, — ответил я честно. — Маги враги, да, но как бы идеологические враги. Лично мне ничего не сделали! Не могу вот так напасть ни с того ни с сего, как все радостно завопят и будут тыкать пальцами, хотя разные взгляды на дальнейшую судьбу человечества разве не повод для истребительной войны?.. А так я как бы не нападаю вовсе, а защищаю незащищенный мир!

Чародей хмыкнул, посмотрел с интересом.

— А если я соврал? Или что-то напутал?

Я сказал горячо:

— Нет-нет, карте место!.. Вы ничего не напутали. В данный исторический момент вы смело и отважно, рискуя жизнью и кошельком, открыли мне зловещую правду на преступныйговор с целью... обогащения и

всего остального. А я был вынужден, наступив на горло своей песне, а по чужим еще и потоптавшись, принять санитарные меры. Так сказать, введу некоторые ограниченные санкции, принуждая к демократическому миру. Прекрасно, прекрасно... Какой же это камень с плеч!..

Я в самом деле вздохнул с облегчением, они смотрели больше с интересом, чем удивлением.

Старик хмыкнул.

— Красивая история. Впрочем, всяк уходит из бытия по-своему.

Я поинтересовался:

— У вас карты есть?.. Или хотя бы та, где обозначена эта башенка четырех как бы магов?

Чародей сказал с достоинством:

— Могу указать на карте, но ваш тон неуместен. Властины мира могут не нравиться, но говорить о них нужно с уважением.

— Прошу прощения, — сказал я, — вы правы, о мертвых либо хорошо, либо ничего. Они будут мертвы — это хорошо. Так как насчет карты?.. Багеры туда ходят?

Он покачал головой, вскинул руку. Через пару секунд из шкафа выскоулзнул в щель между дверцами тонкий лист бумаги... нет, не бумаги, что-то слишком поблескивает металлом, но такой же тонкий и гибкий, плавно опустился на растопыренную ладонь мага.

— Здорово, — сказал я восторженно, чтобы польстить старику, — это же надо такое... Р-раз... и в шляпе!

— В шляпе? Какой шляпе?

— У нас на Севере, — сказал я, — так выражают восторг. Еще и чепчики бросают в воздух, у кого они есть, а кто уже без них, те бросают свои трусики...

Принцесса на всякий случай надменно надулась, но пирожные продолжила лопать, это компромисс по-женски.

Старик вздохнул.

— Много непонятных слов, для вас явно привычных. Жаль, не успел изучить Север...

— Успеете, — заверил я. — Север пришел сам, еще наплачетесь. Можно взглянуть в окно?

Он убрал с колен посох, красный камень в навершии уже давно погас, ответил усмешливо:

— Посмотри. Вид в самом деле... впечатляющ.

Я поднялся из-за стола, Бобик немедленно вскочил, я сказал:

— Лежи, для тебя ничего интересного.

Он горестно вздохнул, перешел к принцессе и лег у ее ног. Она, опасливо поглядывая в мою сторону, запнула со стола печеньшку и протянула к его морде.

Бобик деликатно одними губами взял из кончиков ее пальцев, помахал хвостом. Принцесса вздохнула с облегчением, дальше я не смотрел, все понятно, пошел к окну, и с каждым шагом спине и плечам становилось холоднее.

Темнота ночи геометрически строго расчерчена огнями. На миг показалось, что смотрю на центр ночного Парижа, Лондона или даже Москвы. Звездное небо такое же, я в них не разбираюсь, а высотные здания ярко подсвечены снизу, в окнах всюду горит свет...

И лишь секунды спустя сообразил, что здания все-таки хоть и высокие, но не высотки, широкие внизу, и хотя выглядят новенькими, но все-таки это нечто месопотамское или ашшурбанипальское, монументальное и внушающее почтение размерами, как египетские пирамиды или баальбекские храмы.

— Откуда столько света? — спросил я.

Маг ответил усмешливо со своего кресла:

— Вы о магии еще не слыхали?

Я снова посмотрел из окна, уже вниз, там верхушки деревьев настолько далеко, что будто смотрю с крыши небоскреба.

— Высотные здесь дома... А как с водой?

Он пожал плечами.

— Вода есть всегда.

— Откуда?

Он взглянул на меня с подозрением.

— Вы не карнекер?..

— Вроде бы нет, — ответил я. — А если честно, даже не знаю, что это.

Он ответил с неохотой:

— Здания сами знают, откуда брать. То ли из-под земли, то ли из воздуха, как вон роса выступает, а дома собирают и накапливают в стенах... Кому это интересно?

— В самом деле, — согласился я. — Кому?.. Главное, чтобы хлеба и зрелиц достаточно.

Он посмотрел пытливо.

— Звучит так, словно вы осуждаете.

— Конечно, — ответил я. — Человек в поте лица своего должен добывать себе хлеб. Только так он может умнеть и развиваться. А если получать готовое, то снова станет кистеперой рыбой. Хотя кистеперая вообще-то проявила инициативу, Господь знал, что создает.

Он вздохнул.

— Судя по всему, вы в самом деле один из северных варваров. Как вы только и добираетесь через океан?..

— Увидите, — пообещал я, — ахнете.

— Магия?

— Наука, — ответил я несколько зловеще. — К сожалению, не наша, если не примазываться к действиям великих предков. Но можно сказать, что и наша, пусть мы в ней ни рыла, ни уха. Но все-таки наука, а не. Вы меня поняли, вижу.

— Интересный вы варвар, — произнес он сухо. — И далеко не рядовой, верно?.. Иначе так далеко бы не забрели.

— Сам собой постоянно восторгаюсь, — ответил я скромно. — А какой я нарядный, заметили?

— Мне показалось, — произнес он, — осуждаете магов... Их многие вообще-то не любят. Причин много, у всех разные... Но на самом деле маги — самые умные и постоянно работающие люди в этом мире, где все живут только радостями и удовольствиями.

— Самые умные, — сказал я, — но самые ли... правильные?

Он взглянул остро.

— Ах, вот вы о чем... Это очень сложный вопрос, любознательный вы человек... Если стараетесь увидеть дальше других, что свойственно вождю, а не рядовому воину, то знаете ли о причинах Великих Войн Магов?

— Только в общих чертах, — ответил я. — У нас лучше поставлены военные дисциплины. Тактика, стратегия, фортификация, если понимаете эти термины.

— Понимаю, — ответил он так же сухо. — Значит, общие причины Войн Магов знаете. Это любопытно... А мелочи не важны. Главное в том, что всякий раз, когда на руинах старого мира начинали строить новый, все повторялось снова и снова. Как только мощь королевств возрастила настолько, что можно было уничто-

жить почти весь мир, начиналось это взаимное уничтожение и длилось до тех пор, пока на пепелищах не оставалась горстка уцелевших...

— Понимаю, — сказал я. — И так снова и снова. И?

— И тогда, — сказал он, — однажды несколько уцелевших магов решили не восстанавливать старый мир, а попробовать создать его на других правилах.

Он остановился, всматриваясь в меня очень внимательно.

— Погодите, — проговорил я, — что, в самом деле... решили централизовать?.. Дать людям условия для счастливой жизни, но контролировать любую инициативу?

— Похвально, — сказал он замедленно. — Откуда, говорите, прибыли?.. Точно с Севера, а не Запада или Востока?.. То, что вы сказали, понимают далеко не все даже короли. История, прошлое, чего в нем копаться... Контролировать, как вы говорите, инициативу простых людей не пришлось... За редким исключением. Когда все можно получить бесплатно и без трудов, кто станет изнурять себя работой и какими-то изысканиями?..

Я подумал, спросил с сомнением:

— Но такие все-таки находятся?

Он кивнул.

— Им прямая дорога в маги. Там работы много. Интересной!..

Я молчал, маг с грустной насмешкой наблюдал за моим лицом. Боюсь, оно королевско-непроницаемое пока только для простых людей, а маги, как люди, чувствующие тоньше, видят под моей шкурой совсем не то, что стараюсь показать.

Принцесса спросила жалобно:

— О чём вы говорите? Ничего не поняла...

Мы повернулись к ней и почти в один голос сказали:

— Кушайте, принцесса, кушайте...

Посмотрели друг на друга, редкий случай, когда воин и маг в чем-то сходятся, хотя, на мой взгляд, когда речь заходит о женщинах, трудно разойтись во мнениях.

Он поинтересовался с ленцой в голосе:

— И какова цель северных варваров?.. Вы же один из их вождей?

— Завоевание, — ответил я лаконично. — Великие завоевания совершились не по воле великих людей, а по воле великих идей. Идея заставила часть народа бросить нажитое в чужой стране и блуждать сорок лет в пустыне в поисках места, где можно поселиться и жить по своим законам. Великая идея, вычеканенная в Ясе Чингисхана, воспламенила и подняла народы на распространение своего образа жизни на полмира, а великая идея всеобщей справедливости много раз поднимала народы против хищного Рима, пока германцы не сокрушили и не построили на обломках мир без рабства и гладиаторов. Великая идея равенства и свободы родила Наполеона и навсегда изменила мир, как потом идея коммунизма...

Он сказал медленно:

— Я не знаю историю Севера, но ход ваших мыслей уловил. Но сейчас у вас, северян, какая идея?

Я ответил честно:

— Была, но вы ее разметали в клочья. Теперь не уверен, что был прав.

— Вы мудрый человек, — произнес он осторожно. — Только мудрые могут останавливаться и пересматри-

вать свои взгляды. Дураки в своей правоте уверены всегда. Так кто же вы?

— Мое имя, — сказал я, — Ричард Длинные Руки. Титулы уже не важны, я выше титулов. Мы еще увидимся, я уверен. Как, говорите, ваше имя?

Он произнес чопорно:

— Джонатан Кавендиш, королевский маг второго допуска, кавалер Золотой Кометы.

— Принцессу домой вы не отпустите, — уточнил я, — хотя мир и гибнет?

— Мир пусть гибнет, — ответил он сухо, — но законы должны соблюдаться. Думаю, вам пора возвращаться, любознательный варвар.

Я поклонился ему, принцессе отвесил отдельный поклон, чуть было не затанцевал, как здесь принято, настолько хороша эта уже созревшая, но невинная девочка.

— Еще увидимся, — сказал я.

Маг сказал хмуро:

— Стоп-стоп. Сперва открою проход. Полагаете, он открыт всегда?

— Зачем энергию зря тратить? — спросил я. — Я даже свет выключаю, когда выхожу из дома.

Они молча смотрели, как я переступил через край массивной рамы, стараясь не зацепиться за торчащие фифтифлевины украшений.

Навстречу пахнуло теплым ароматным воздухом, в империи Клонзейда духами то ли вовсе не пользуются, то ли их не выносит этот Джонатан Кавендиш.

А здесь в спальне императора теплее и уютнее, засну быстро... если сумею после такого приключения и новой тревожной информации.

Глава 8

Заснуть удалось только под утро, а когда быстро по-завтракал и спустился к кабинету на первом этаже, в коридоре у двери уже ждал сэр Норберт.

— Доброе утро, — сказал я. — На багерах прокатились?

— Да, — ответил он коротко, — и с гонцом к императору все получилось проще некуда. Его взяли, когда собирали мешок в дорогу. Прямо там же в пристройках имения канцлера.

— Собрался в очень дальнюю дорогу?

— Не столько дальнюю, — ответил он, — как долгую. Он уже во дворе. Желаете допросить?

— Пусть приведут в кабинет, — сказал я.

Он кивнул одному из разведчиков, что издали наблюдали за нами, один моментально ринулся бегом в сторону выхода.

Я сам распахнул дверь кабинета, Норберт по моему жесту вошел следом. Мы не успели осушить по большой чашке черного кофе, как дверь распахнулась, из коридора вошел разведчик Норberта, придерживая за шиворот мелкого неприметного человечка в поношенной одежде, непривычно серой для этого цветного и праздничного мира.

Я развалился в кресле, так выгляжу, надеюсь, солиднее и значительнее, на посланца к императору взглянул обрекающим взглядом.

— Кто ты и что ты за?

Он поклонился и ответил с непривычным для слуги достоинством:

— Ваша Небесность... Простите, не могу представить себе ваш подлинный титул, соответствующий вашему величию и могуществу...

Я в раздражении отмахнулся.

— Неважно. Отвечай на вопрос.

Он сказал несколько нерешительно:

— Я старший управитель лорда-канцлера. Вы смотрите на одежду? Но мне предстоит... предстояло пробираться напрямую через дикие чащи, а там ждать...

— Чего?

Он взглянул прямо.

— Ваша Звездность... После того как его императорское величество ушли со своими людьми в пещеры, чтобы переждать... попытаться переждать ужасающую катастрофу, вход завалили полностью. Как и снизу, думаю, добавили глыб и подпорок...

Я спросил с иронией:

— А смысл, если... Ах да, страшился своих же подданных?

— Не совсем так, — сказал он деликатно, — его армия ему верна. Тем более что его величество распорядился взять женщин и детей всей своей императорской гвардии, а оставшиеся места отдал тоже детям, им населять землю и плодиться, плодиться... Мужчинам объяснили, что все не поместятся под землей, а так спасутся хотя бы их семьи...

— Могут спастись, — уточнил я безжалостно. — Шансов не так уж и много. Значит, опасность не от армии, а мародеров?

Он развел руками.

— Вы же сами понимаете, разные люди ведут себя по-разному, когда видят, что им осталось два-три дня или пусть даже неделю. Грабить и убивать может пойти даже человек, который всегда был мирным и спокойным тружеником.

— То-то, — ответил я, — сейчас чуть ли не гражданская война по материку. Армия все же выполняет свою

задачу, банды грабителей истребляют на месте... Ладно, ты собирался там раскапывать голыми руками?

Он покачал головой.

— Я бы постарался найти людей. Так удалось бы ускорить возвращение императора...

— С его гвардией? Понятно, можешь не отвечать. Покажешь этим вот ребятам, где именно император ушел в пещеры.

Он побледнел, спросил как бы с вызовом, но произвучало умоляющее:

— Что вы хотите?

— Помочь императору выйти, — ответил я. — Да-да, тебе лучше поверить, потому что мы все равно узнаем. У нас умеют спрашивать... понял?

Он ответил покорно:

— Понял. Я все покажу...

— Сэр Норберт, — крикнул я. — Он ваш.

Час прошел достаточно сумбурно, я хватался сразу за десяток дел, получалось хреново, наконец появился Норберт и произнес бесстрастно:

— Сэр Ричард, после допроса мы отпустили человека лорд-канцлера.

— Это ожидаемо, — ответил я. — Проследили?

Он кивнул.

— В десяти милях от столицы остатки древних гор. Почти рассыпались, а это значит, в глубинах большие пещеры. В камне, как и в старых деревьях, со временем обязательно дупла, а потом шире и шире, соединяются в целую цепь пещер...

— Хорошее наблюдение, — одобрил я. — Но, думаю, выкапываться ему оттуда непросто.

— Даже очень, — ответил он.

— Посмотрели как там?

— Думаю, — сказал он, — вход туда достаточно широкий, если с ним в самом деле ушли тысячи, столько не увести по узкой тропке. Но как потом дальше, не представляю. Нужно спускаться очень глубоко, сверху все будет сдвинуто, перемешано, расплавленный камень потечет вниз по щелям... И так мало шансов, что уцелеют!.. По моим прикидкам, они будут сидеть там тихо не меньше двух-трех недель в ожидании, что Злая Звезда собирает добычу и улетит.

— И на то, — сказал я, — чтобы прорыться наверх, уйдет не одна неделя... если, конечно, пласти были бы сдвинуты.

Он кивнул.

— А свой завал разберут за несколько дней. Всегда закупориться должны были надежно от тех, кто обезумеет от ужаса и ринется за ними. Но, учитывая, что люди лорд-канцлера помогут сверху... Расположить там моих людей?

— Не знаю, — ответил я, — даже не знаю... По идеи, лучше бы железную пехоту Макса, но мы не знаем, что за оружие у императорской гвардии. Я уже наслушался от Бабетты страшилок...

— Тогда?

— Время еще есть, — ответил я уклончиво. — Нет, Маркус задействовать не будем. Но у меня есть некоторые козыри...

Он вскинул брови.

— Такие, о которых даже мы не знаем?

Я кивнул.

— Я уже бывал здесь. И кое-чему научился. Потому поставьте там у выхода охрану. Так, на всякий случай. Простых конников, чтобы сообщили нам сразу. А там посмотрим.

Со стороны ворот в сад показалась большая группа всадников в доспехах. Донеслась команда, все слезли и пошли в нашу сторону. Судя по доспехам, часть из них то ли местные, то ли еще кто, но точно не мои герои.

Норберт чуть выдвинулся вперед, но рассмотрел среди сопровождающих чужаков людей Макса и с облегчением перевел дыхание.

Тесная кучка воинов, впереди двое рослых и в доспехах с золотым орнаментом, я засмотрелся на того, что слева, ярко-рыжие волосы свободно падают на плечи, шлем красиво держит на сгибе левой руки, пышные рыжие усы и борода фигурно расчесана в стороны, почти от плеча до плеча. Диковинное зрелище, я просто засмотрелся, даже вот такие разбойники следят за внешностью, кто бы подумал. Или таким образом показывает, что у него все благополучно, вот даже бородой и усами занимается.

Сам массивный, кряжистый, роста среднего, но выглядит из-за могучих плеч и толстых рук чуть ли не гигантом, а второй совсем юноша, ростом выше, но тонкий, даже плечи без воинского размаха.

Но всмотрелся я в его чело, юноша шлем тоже несет на сгибе левой руки, но на голове легкая корона, подозрительно напоминает терновый венец, только внизу ободок как ободок, а выше во все стороны торчат острые колючки, и хотя все из золота, даже драгоценные камни есть, положено, но выдержано в некоем мрачноватом или просто строгом стиле.

Видать, христианство здесь когда-то не просто существовало, но даже укреплялось, но затем исчезло под напором дикарских демократических ценностей, когда даже слово «сексуальный» из грязного ругательства превратилось в похвалу и комплимент.

Вперед выступил один из командиров Макса, отвел короткий воинский поклон и произнес с некоторым смущением в голосе:

— Сэр Ричард... это Джессин Кеннерс и Дэйв Огилви из королевства Кавеншира. Увы, мы едва сошли с багера, как нас захватили в плен королевские войска... Но когда выяснилось, кто мы и что мы, нас немедленно освободили из-под стражи и приняли с почестями, а затем выразили желание прислать с нами своих людей.

Я кивнул, продолжая рассматривать этих первых людей другого королевства. У рыжебородого и рыжеусого на сгибе локтя обычный примитивный шлем, у нас их называли тевтонскими, то есть металлическое ведро с прорезью для глаз, резко контрастирует с остальными доспехами, кажутся литыми, настолько хорошо подогнаны все сочленения, к тому же чувствуется уровень оружейного мастерства, словно создавали лучшие мастера для императора.

А прежний шлем то ли поsekли в негодность либо еще на старом владельце, на лице следы жутких шрамов, что вызывает восторг у женщин Севера и наверняка отпугнет женщин Юга.

Доспехи юноши классические, но сразу выказывающие принадлежность их владельца к высшему классу, сложный орнамент на груди, плечах и даже на шлеме, что вроде бы простой цилиндрической формы, как у простого рыцаря, но с фигуркой ангела на вершине и барельефными львами на обеих сторонах шлема.

Ко всему еще доспехи украшены золотом, к шлему с обоих боков приделаны позолоченные уши, в золоте также предплечья и стальные перчатки. В бою пользы мало, но как устрашение работает, с бедным сражаться

не так страшно, как с богатым, что сумел столько для себя награбить.

— Приветствуя, — проронил я наконец с холодным величием. — А кто вы есть, Джессин Кеннерс и Дэйв Огилви?

Рыжеволосый сделал шаг вперед и коротко поклонился, я молча одобрил его крепкую фигуру воина и суровое лицо с продубленной кожей.

— Простите, — сказал он гулким голосом, — я не знаю вашего полного титула...

Я отмахнулся.

— Уже знаете, кто я, а титулуйте, как хотите. Это бывает интересно... Так что у вас там случилось?

Он ответил прямо:

— Мы выстроились для боя. Впереди наш король Наталер Огилви с его четырьмя сыновьями, его дядями и всеми мужчинами рода, способными держать в руках оружие, за ними все знатные люди королевства, а дальше простые воины...

— Ого, — сказал я, — а пещеры?

— Там наши семьи, — ответил он просто. — Мы не сможем их защитить, знаем, и погибнем, но у них будет возможность выбраться и снова жить... Однако вместо чудовищ явились ваши люди! Немедленно схвачены и допрошены, но то, что сказали, настолько невероятно, что его величество Наталер распорядился тут же вернуть им оружие, а нам двоим сопровождать... С вашего позволения, я командую королевскими войсками, а Дэйв Огилви...

— Младший сын короля, — сказал я.

Кеннерс покачал головой.

— Нет, еще моложе Нико, ему четырнадцать лет. Он все еще с кинжалом в руке ждет врага.

Я кивнул.

— Весьма... а какова роль принца Дэйва здесь?

Принц Дэйв выпрямился, большеглазый, высокий и стройный, в глазах решимость и гордость воина, но не проронил ни слова.

Взгляд остался острым, а мощный голос прозвучал так же ровно:

— Это заложник, если пожелаете. А я высокопоставленный гонец. Его величество не должен покидать армию перед битвой, а я как главнокомандующий уполномочен вести любые переговоры.

Я проговорил медленно:

— Мне нравится позиция вашего короля. Прошу вас во дворец... это не мой, а императора Германа Третьего, но пока он там в пещерах, поживу в его доме, посплю на его постели, поем из его миски... Сэр Альбрехт, проводите наших гостей в апартаменты для приезжающих.

— Если найду такие, — буркнул Альбрехт и сделал в сторону гостей широкий приглашающий жест, — прошу со мной.

Норберт с интересом смотрел им вслед, у прибывших и сзади прекрасные добротные доспехи из хорошей стали, редкость на Юге, где доспехи вообще не в моде, даже королевские стражи всего лишь в кирасах, закрывающих только грудь.

— А мне, — сказал он негромко, — этот король Огилви уже нравится.

— Вам понравится еще больше, — заметил я, — если окажется, что это наверняка единственный король, который так поступил. Все остальные, как предполагаю, уже трясутся в самых глубоких пещерах...

Он дернулся.

— Шутите? Когда наши северные короли с оружием в руках...

— То на Севере, — напомнил я. — А здесь Юг. Другая культура, другое мировоззрение, иные взгляды на ценности... Ладно, зайдитесь гостями, узнайте все об этом королевстве... Кавеншир. Может быть, станет если не союзником, что маловероятно, то хотя бы какой-то опорной точкой.

Глава 9

Сэр Растер, воспользовавшись случаем, организовал пир, не самый грандиозный, но столы ломятся от жратвы, красиво именуемой яствами, и вино льется рекой. В кубки, чаши, кружки и в глотки.

Гости все еще держатся скованно, но Растер с его громовым голосом и братскими чувствами ко всем, кто не расстается с оружием, а лучше всего к тем, кто с топором, растормошил обоих, в конце концов уселся между ними и начал рассказывать, как гнали и лупили филигонов, отнимая у них Багровую Звезду, кровь текла уже не ручьями, а реками, потом ворвались в их огромную летающую колесницу, резня была страшной, вал из трупов загораживал дорогу, но проломили стену из телохранителей и сразили их звездных королей...

Его слушали с горящими глазами, дыхание участилось даже у сэра Кеннерса, что держался до этого времени степенно и невозмутимо.

Именно он в конце концов решился обратиться ко мне:

— Ваша Небесная Звездность, хочу спросить у вас как мудрого и неустранимого вождя, который идет от победы к победе... вопрос несколько деликатный.

— Говорите, — подбодрил я.

— У нашего королевства, — ответил он с заминкой, — традиционно напряженные отношения с соседями... Королевством Бевандрия и королевством Шридженна. Ввиду того, что катастрофа отменяется...

Он запнулся, подыскивая обтекаемые слова, я подсказал:

— Хотите захватить их земли, пока там короли с семьей и всеми военачальниками ушли в глубокие пещеры?

Он ответил с некоторой неловкостью, но голос прозвучал достаточно твердо:

— Зато без войн расширим наше королевство, где в цене мужество и отвага, Бевандрия и Шридженна войдут в наше на правах самостоятельных провинций...

— Но с вашими гарнизонами, — сказал я понимающе. — И наиболее укрепленными замками под вашим контролем. А что Верховные Маги?

— Надеюсь, — произнес он, — они даже не обратят внимание.

— А если?

— Рискнуть стоит, — ответил он.

Я ответил раздумчиво:

— На самом деле это не в моей компетенции.

— Ваша Звездность?

— Это касается императора, — пояснил я. — Или не касается, вообще-то не знаю, насколько здесь крепка его хватка на местах, а спрашивать, как вы понимаете, бесполезно и глупо. Придворные соврут, что крепка и незыблема, а в королевствах скажут, что ни о каком императоре и не слыхали. Так что, герцог, это не мое дело. Решайте сами.

Он повеселел, сказал с чувством глубокой благодарности:

— Спасибо, ваша Мошь!

Альбрехт, что сидит с другой стороны и слушает внимательно, обронил как бы невзначай:

— Дополняя моего лорда, могу добавить, его совет касается не только королевства... как его, Бевандрия?

— Да, достопочтенный, — ответил принц торопливо.

— Так вот, — сказал Альбрехт с той небрежностью, словно говорил о фасоне новых сапог, — королевства Бевандрия и Шридженна, уже можно сказать, войдут в состав ваших земель и утратят свое название... но это же касается и других ваших соседей, если у вас хватит...

— Мужества у нас хватит!

— Кроме мужества нужны и возможности, — напомнил он, — а то слишком большим куском можно и подавиться. Но, напомню, на южный материк ступила твердая ступня сэра Ричарда, а это значит, и сюда пришла эра великих перемен и свершений! А как воспользуетесь, уже ваше дело.

Кеннерс и принц смотрели на него с восторженными и вытаращенными глазами, а принц весь засиял от предвкушения воинских подвигов по захвату чужих земель.

— Вы хотите сказать...

— Настала эра великих возможностей, — сказал Альбрехт. — Но она продлится недолго.

Кеннерс, вижу по лицу, понял по тону моего приближенного, что умным сказано больше, чем достаточно, а с дураками и говорить противно, поклонился Альбрехту, еще ниже поклонился мне.

Принц смотрит на меня жадно и с горящими восторгом глазами внимает каждому слову, на лице готовность сразиться хоть с целым миром за свои светлые идеалы, захватывать чужие земли и грабить соседей.

Кеннерс поднялся, сказал с неохотой:

— Нам пора возвращаться, иначе следующего батра придется ждать два месяца.

Принц вскочил, торопливо поклонился мне.

— Ваше Звездное величество!

— Успеха, — сказал я.

— Удачи, — уточнил Альбрехт. — В таких дела она тоже нужна.

Они вдвоем выбрались из зала, а от распахнутых дверей перешли почти на бег.

Я проводил их взглядом, Альбрехт помалкивает, я сказал с укором:

— Дорогой герцог...

— Мой лорд, — ответил он почтительно, — я лишь сказал то, что вы хотели сказать, но... то ли позабыли, то ли решили, что догадаются сами. Но пусть в самом деле люди, близкие нам по духу, пользуются случаем и укрепляют свои позиции.

Я вздохнул.

— Вы правы, дорогой друг. Это я, ввиду объемности задачи, начинаю трусить и мельчить. Что насчет армии?

— Как вы и велели, — ответил он, — во все части отправлены гонцы с приказом вернуться... ввиду новой и очень срочной задачи. На это уйдет несколько дней, сэр Ричард. Конные прибудут быстро, а вот Макс с его пешими частями... Что, здорово на вас свалилось?

Я посмотрел с недоверием.

— Что... даже вам заметно?

Он кивнул.

— Еще бы. Вы были таким лихим рыцарем. Не скажу, что особенно благородным, но лихим и отчаянным. А какие приключения были... Вы же постоянно ржали, как мой конь!.. А как первую королевскую корону заполучили...

— Я ее не заполучивал, — возразил я. — Само как-то заполучилось, а отзаполучиваться было нельзя, так и живу теперь заполученный по самые не могу. Не помню уже, но какая-то чуть ли не катастрофа. Да, вы правы. Наверное, это с того злополучного дня все тяжельше и тяжельше... Не по мне эти короны, сэр Альбрехт. Мне в детском саду в песочке еще хоть пару годков бы...

Он покачал головой, сочувствие и даже жалость в глазах стали еще отчетливее..

— Несите, сэр Ричард. Чем Господь нагрузил, надо нести. Ему виднее, кто из нас на что годен. Вы уже такого натворили, что без вас все рассыплется.

— Я трус, — признался я убито, — сэр Альбрехт, я не хочу вообще решать то, что здесь... такое слаженное и налаженное. Но как извернуться, вообще не знаю... Хотя, гм, вообще-то есть слабая идея...

Он сказал быстро:

— Говорите скорее, а то забудете! У вас это теперь часто, будто бабка какая старая.

— Я демократ, — пояснил я, — а это значит, все непопулярные решения стараюсь сбросить на чьи-то плечи...

Он поспешил отступить.

— Сэр Ричард!

— Нет-нет, — сказал я, — на этот раз вас не имел в виду... хотя почему бы и не...

— Сэр Ричард, — запротестовал он. — Я тоже этот, как его, демократ! Чистопородный!

— Тогда пусть решает народ, — сказал я решительно, — и несет ответственность. За свои противоправные действия, а они у него всегда противоправно-бунтарские и мятежные, как белый парус одинокий...

Он внимательно всматривался в мое лицо.

— Предлагаете... ни во что не вмешиваться?

— А-а, догадались? — спросил я в разочаровании. — У меня что, лицо такое честное и выразительное?

— Значит, угадал.

— Да, — ответил я. — Как славно быть ни в чем не виноватым!.. Перед нами все цветет, за нами все горит... В общем, пока короли в пещерах пережидают конец света, на их постелях спят те, кто подобрал бесхозную власть. Честно подобрал, легитимно, без всякого военного переворота, захвата, мятежа, цареубийств... От них пусть и зависит, отдавать ли власть прежним правителям, или же...

Он сказал мрачно:

— Или же навалить камней побольше на места выхода?.. Да, это их решение. Тем более правильное, что мы знаем, будет в нашу пользу. Те, кто возьмет власть благодаря нам, будут нам благодарны. Ну, в какой-то мере.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, кстати о муравьях... Раз уж мы здесь все-рьез и надолго, то вас назначаю лидером оппозиции. Вы крайне разочарованы чем-то в моей деятельности и собираете недовольных.

Он ничуть не удивился, а если и удивился, то не показал вида, смотрит все так же с непроницаемым лицом.

— Тайно?

— Очень тайно, — подтвердил я. — Но критикуете явно, открыто и чтобы все видели ваше несогласие с моими методами.

— Какими именно?

Я отмахнулся.

— На ваше усмотрение. Постепенно под ваше знамя начнут стекаться всякие недовольные, обделенные или жаждущие чего-то большего. Сортируйте их по сте-

пени готовности от простого брюзжания перейти к более интересным действиям, ну типа всадить мне нож в спину и обеспечить ваше восхождение на трон.

— Думаю, — проронил он, — таких будет немного.

— Но будут, — сказал я. — Когда речь идет о такой власти и такой моцни правителя, и у самых мирных могут зачесаться ладони.

Он подумал, кивнул.

— Помощь будет? Кто-то из недовольных вами?

— Лучше сами, — ответил я. — Пока знаем только мы, меньше шансов утечки. А поддерживающие появятся скоро. Как из местных, так и...

Он прервал с несвойственной ему горячностью:

— Нет и нет!.. Наши все преданы вам всем сердцем.

— Наступает момент, — напомнил я, — когда даже самые отважные останавливаются, то ли устав, то ли решив, что добычи нахапано выше крыши. И тогда начинается развал могучих империй...

Он запнулся, я почти увидел, как он моментально прикинул, сколько нашими рыцарями нахапано в виде титулов и прилагаемых к ним земель. В самом деле кто-то уже готов остановиться в великом походе и начать наслаждаться новым уровнем жизни, щелкая по носу тем старым знакомым, кто не решился примкнуть к этому авантюрному Ричарду Длинные Руки.

— Хорошо, — ответил он с усилием, — я понял. Вы не из тех, кого можно застать врасплох.

Глава 10

По дороге из пиршественного зала к своему кабинету увидел сэра Тамплиера. Великий герой сидит под роскошным деревом, упервшись в него спиной, и

деловито протирает лезвие меча чистой тряпичкой. Дерево склонило над ним ветви с ярко-красной листвой, каждый листок произведение искусства. Сколько же сотен лет императорские селекционеры отбирали потомство... или же все было сделано намного раньше, когда проще было слегка подправить в нужную сторону генокод?

Между листвой сверкают, как маленькие солнца, крупные желтые плоды, уже спелые, сочные и нежнейшие, такое, если упадет на землю, разобьется в лепешку

— Вот-вот, — сказал я с горькой ironией, — такая красота вокруг! Сердце щемит, а мы проверяем мечи в ножнах. Доброе утро, сэр Тамплиер!

— Доброе, — ответил он почтительно.

— Хорошо наточили?

— Намекаете, — спросил он, — что везде мир?.. Но скоро выйдут те, кто в пещерах. Так что мечи должны быть готовыми.

— Золотые слова, сэр Тамплиер, — сказал я. — Как там Маркус?

Он буркнул:

— Мы и половины не прошли, как нам передали ваш приказ все оставить и вернуться во дворец. Надеюсь, готовится что-то опасное. А то как-то не по себе. Прибыли на войну... и сидим.

— Скоро, — пообещал я и сам ощутил, как сердце начинает стучать все тревожнее, — войны не избежать, сэр Тамплиер.

Он проводил меня недоверчивым взглядом, я сам чувствовал, что голос мой звучит неубедительно. Наверное, потому, что стараюсь избежать этой войны. Но кто старается ее избежать, того она не избегает...

В кабинете поработал около часа, наконец стукнул кулаком по столу: бешенство поднимается с неконтролируемой скоростью и вот-вот выплеснется из ушей.

— Да что за... Почему все так сложно?

Альбрехт поднял голову от карты, взгляд еще туманный.

— Вы же говорили, что здесь будет сложнее...

— Но не настолько же, чтобы чувствовал себя совсем дебилом! Ничего нельзя тронуть, чтобы не рухнуло все здание!.. Но как-то же надо, надо...

Я запнулся, проглотив последнее слово, Альбрехт спросил с надеждой:

— Что-то придумали?

— Нет, — признался я. — Надо выйти на свежий воздух... Все равно ждем без дела, пока соберутся воинские части Макса. Да и конным отрядам сутки на возвращение, сутки на сборы...

Он сказал с недоумением:

— Во двор?.. Там тоже эти... парфюмы.

— Во дворцах свежего не бывает, — заверил я. — Даже во дворе. При натужной подковерной борьбе, что в любом дворце в обязательном порядке, воздух портится очень сильно.

Он посмотрел исподлобья.

— Ох, что-то не нравится это мне.

— Да пустяки, — ответил я натужно легко. — Вспомнил тут...

— Может, — поинтересовался он, — не надо?.. Вы же призываете нас смотреть вперед, а вспоминать — это оглядываться. Или, как вы говорите, смотреть назад.

— Должок за мной, — признался я. — Обещал одному навестить его невесту.

Он поморщился, но сказал с пониманием:

— Ну, конечно, если невеста, тогда это вообще как бы нужное исключение из правил.

Я прервал, не дав договорить:

— Он погиб, умер на моих руках, но взял с меня обещание вернуть обручальное кольцо его невесте. Дескать, свободна.

Он сказал предостерегающе:

— Не переусердствуйте с утешениями. А то расплачется у вас на груди, начнете гладить по голове, плечам, спине, ниже спины, а там уже остановиться трудно. Это здесь, в городе?

— Не думаю, — ответил я, — что в городе. Маркиз де Куртен упомянул, что жил в какой-то страшной дыре, едва-едва сбежал оттуда... Это в маркизате Остфалия.

Он охнулся.

— Ничего себе!..

— Где-то рядом, — заверил я. — В каком-то королевстве Танкмария. Герцог, ну что вы так смотрите? Зато в этой же империи, знаю точно!.. Королевств в нем не так уж и много, найду. Королевство Танкмария, маркизат Остфария, а там прямо к родственникам маркиза, сообщу им горестную весть... надеюсь, невеста где-то рядом, они с молодым де Куртеном были друзья детства.

Он вздохнул, покачал головой.

— Если бы не видел, как вам тошно сидеть и ждать, ничего не делая... воспротивился бы. Но, наверное, нужно либо побиться головой о стену, либо съездить утешить плачущую невесту... Второе рискованнее, но встряхнет больше. Вдруг и решение отыщете? А то и корень всех проблем?..

— Спасибо, герцог, — сказал я кисло, — за доверие. Мне бы так в себя верить.

Он поинтересовался:

— Отряд сопровождения сформирует Норберт?

— Герцог, вы же знаете...

— Знаю, — сказал он сердито, — но то было в нашем мире, а это здесь. Тут не только люди, даже земля чужая!

— Все мы от Адама и Евы, — напомнил я.

— Но только не в одиночку, — сказал он твердо.

— У меня Бобик и Зайчик, — напомнил я.

Он покачал головой.

— Нет-нет. Тогда уж попробуйте на Маркусе. Вдруг снова получится?

— Властелину Маркусу соврут, — объяснил я. — А так узнаю больше. К сожалению, дорогой друг, даже то, что увидят наши разведчики, не совсем то, что увижу я. А решать все-таки мне... потому должен знать не с чужих слов.

Он буркнул:

— А что насчет опасности?

— А что мне помешает вызвать Маркус? — отпарировал я. — Явится моментально.

— А вдруг не явится?

Я ответил почти уверенно:

— Вроде бы должен.

Он подумал, поинтересовался:

— Что насчет багеров?

— Уже смотрел, — сообщил я.

— И как?

— Проходят по краешку.

— Над тем маркизатом?

— Над королевством, — ответил я. — Но оттуда до Остфалии рукой подать. Если, конечно, Зайчик свою прыть не растерял.

Он вытащил из шкафа карту. Тугой рулон развернулся на столешнице моментально и как прилип к ровной поверхности, нигде ни складочки, ни залома.

— И где же здесь эта Танкмария?

Я сориентировался быстрее, все-таки знаю, в какой стороне Гессен, ткнул пальцем.

— Вот оно. Совсем рядом.

Он охнулся.

— Ничего себе рядом!

— Багеры, — объяснил я. — С багерами любое королевство рядом. Не надо месяцами трястись в седле, карабкаться по горным тропам. Поднялся на багер, а там хоть танцуй, хоть спи, через несколько часов довезет до места.

Он крутил головой, хмыкал, наконец сказал с сомнением:

— Я на вашем месте все-таки предпочел бы на Маркусе... Все-все, молчу!

— На Маркусе проще, — согласился я, — но не предпочтительнее. Чеснчурно, я бы сказал. Тогда уж со всей армией и свитой!.. Я же всего лишь как частное лицо, гость. Передам кольцо от павшего в неравной битве жениха, выражу соболезнование, а затем обратно.

Он поморщился.

— А не пора ли заканчивать с этими... поездками в поисках подвигов?

Я изумился.

— Герцог!.. Это я в поисках подвигов? Да нет на свете человека, который избегал бы их больше!.. Но тащить армию туда, где достаточно конного разъезда из двух легких всадников... стать потехой.

— Возьмете двух легких всадников? — спросил он быстро.

— Хотите за мной установить надзор? — поинтересовался я. — Бобик и Зайчик — это два отряда тяжелых всадников!

Он вздохнул, развел руками, но вдруг на ходу отпрыгнул и схватился за сердце.

Впереди из стены выдвинулась рука, кулак размечром с арбуз. Пальцы величаво разжались, на ладони красиво и страшно заблисталась огненно-красная жемчужина.

— Ох, — сказал Альбрехт едва не стонущим голосом, — ну что за сюрпризы... Так же заикой стать можно! Мой лорд, ну, чего вы?..

— Что чего?

— Хватайте, — сказал он торопливым шепотом, — да побыстрее!

— Ну-ну, — пробормотал я, — откуда мне только не протягивали всякие штуки, в основном мечи: из травы, озера, каменной горы, векового дуба... но из стены замка ни разу. Ни меча, ни пряника.

Ладонь чуть качнулась из стороны в сторону, жемчужина покатилась от большого пальца до мизинца и вернулась на самую середину.

— Благодарю, — ответил я, — но не надо. Поезд ушел, гуси улетели. Я уже не тот, хотя и тот. В квесты других посылаю, а то и не только в квесты, и такие жемчужины сам раздаю. В кульках.

Жемчужина снова качнулась из стороны в сторону, играя красным пламенем внутри. Рука все еще протягивает свой бесценный дар, дура, не поняла, как же можно отказаться, — а вот так и можно.

Я надменно задрал нос и с выдвинутой вперед нижней челюстью прошел мимо и дальше.

Альбрехт пробормотал:

— Зажрались вы, мой лорд.

— Че, правда?

— Еще как. Это же надо так по-хамски... Дескать, пошли все вон, я сам такое раздаю... как вы говорите, сумками? Или мешками?

— Кульками, — поправил я. — Бумажными, так обиднее. Я ж сплю и вижу, как бы кого обидеть!

— В этом вы мастер, — признал он.

— Развлекайтесь, — сказал я, — развлекайтесь... пока не выкопается император.

— А что тогда?

Я пожал плечами.

— Какие-то изменения. Не спрашивайте, сам не знаю. Это не только от меня зависит.

Он сделал изумленное лицо.

— Как это? Ваша Небесность!

— Идите в жопу, — посоветовал я. — Если знаете, как сделать всех людей счастливыми, — скажите! Но не так счастливыми, как здесь, а по-настоящему.

— А что такое по-настоящему?

— Вот-вот, — ответил я. — С этого и начинается.

Глава 11

Багер, что пройдет над Танкмарией, отчаливает с императорской стоянки завтра, есть время уладить какие-то дела, но с тоскливой злостью все больше вижу, что всего лишь жду, когда из пещер вылезет император с его армией и все Великие Маги.

Тогда да, все и начнется, хотя я так и не подготовился к их встрече, даже не выбрал линию поведения.

С Маркусом тоже не разобрался, чувствуя себя все больше питекантропом в адронном коллайдере. По сути, это космический корабль, хотя «корабль» — это

то, что плавает по воде, однако Маркус все-таки то, с чем ассоциируются слова «звездолет», «астрокрейсер», «космический дестроуэр», а еще он на полном обеспечении, как заправляется и чем — не имею понятия.

К счастью, интерфейс предельно дружественный, то есть понимает не только слова, но и ясно изложенные мысли. Команды «вниз», «вверх», «влево», «вправо» выполняет моментально, а насчет «защиты от дурака» пробовать не буду, а то вдруг слова «убейся» примет всерьез...

Когда выходил из здания, посреди двора вспыхнула огромная огненная ладонь размером с городские ворота. Такую уже видел, но тогда горела в стене императорского дворца, а сейчас прямо в воздухе, словно некто огромный пытался прожечь незримую мне преграду вроде пространства-времени, не удалось, но, похоже, не удалось самую малость.

Страшно даже смотреть на огненный отпечаток, от которого быстро-быстро поднимаются почти незримые алые струйки воздуха. Ощущение такое, что ткань миров можно прорвать на каждом шагу, если, конечно, собрать достаточную мощь.

— Потом, — пробормотал я себе, — все потом... а потом еще потомее, ну когда же займусь исследованими...

К счастью, мои военачальники уже привыкли, что я как король-воин время от времени срываюсь в рискованные с виду авантюры, что потом оказываются частью моих хитрых планов, по крайней мере так объясняю, потому не особенно встревожились, когда я на Зайчике и в сопровождении Бобика пронесся через императорский двор и мы втроем выметнулись на простор городских улиц.

Причальная пирамида выстроена со всей пышностью и солидностью, но главное, удобствами формы, когда даже дряхлый старик может без особых усилий пройти с самого низа и до верха, угол наклона не больше десяти-двенадцати градусов.

Бобик пронесся, как черный ураган, мы с Зайчиком поднялись красиво и величественно, как и надлежит существам более высокого ранга.

На площадке пусто, то ли нет желающих на такой маршрут, то ли Норберт заранее перекрыл доступ, чтобы никто не смел ехать на багере в обществе сэра Ричарда Великого и Ужасного.

Бобик развернулся, приветливо помахал хвостом. Я оглянулся, к пирамиде во весь опор мчался Альбрехт и Норберт в сопровождении десятка всадников.

— Что-то стряслось? — спросил я, когда они тоже на конях взлетели к нам на причал.

Альбрехт спрыгнул на каменные плиты, топнул.

— Не развалится?.. Да просто решили проводить, а то как-то тревожно...

— Не за вас, — уточнил Норберт, он тоже спрыгнул, повод забросил на седло. — Нас несет к какой-то развязке, впереди некая катастрофа... вы от нее бежите?

— Пророки уходили в пустыни, — огрызнулся я, — дабы собраться с мыслями. А какая с вами пустыня?.. Даже здесь нашли. Катастрофа будет через два-три дня, когда вернутся наши конные и пешие отряды. Не для нас, конечно, катастрофа. Мы сами еще та катастрофа.

— А когда вернутся войска? — сказал Норберт. — Что сказать?

— Всех посыпайте к Маркусу, — велел я. — Кто придет раньше, пусть подождет остальных. Боюсь, нам понадобится вся армия.

Альбрехт пробормотал:

— Это мне уже нравится. А то вроде бы всего неделю на Юге, а уже мечи начинают ржаветь в ножнах. Климат здесь, наверное, такой. Одни разряженные бабы, бабы, а мужчины все клоуны...

Я прислушался, все вроде бы верно, только очень уж горячо сказано, сказал с сочувствием:

— Не поддавайтесь, дорогой друг.

Он в изумлении вскинул брови.

— Я?.. Чему?

— Здесь прошли дальше нас, — напомнил я. — В чем-то развитее, но может показаться, что во всем. И постепенно эти изысканность и утонченность начнут обволакивать вас, потому что вы сами человек тонкий, чувствуете эту сложность и навороченность, в которой нас, безусловно, обогнали... Да уже потихоньку поддается, потому так и обличаете!.. Сработала самозащита, однако будет слабеть, дорогой друг.

Он смотрел на меня с изумлением, даже Норберт насторожился, однако голос Альбрехта все же дрогнул, когда поинтересовался с некоторой неуверенностью:

— В самом деле?.. Уже поддаюсь?

— Не подадутся только очень цельные люди, — напомнил я. — Можете себе представить, чтобы поддались Растер, Сигизмунд, Тамплиер?.. И таких у нас большинство, хотя их стойкость основана больше на неразвитости. Вон наш граф Дарабос держится потому, что с молоком матери впитал заветы отцов...

Альбрехт сказал с настороженностью:

— Хотите сказать, это грозит нашей верхушке? За исключением горстки наиболее преданных идеалам рыцарства и церкви?

— Это серьезное испытание нашим идеалам, — сказал я с тоской. — Здесь и будет самая серьезная борьба. Невидимая, но беспощадная.

— А как такое объяснить нашим?

Я покачал головой.

— Боюсь, никак. Нужно просто верить. Человечество всегда вела вера. Как отдельных людей, так и народы.

— В Господа Бога?

Я ответил с запинкой:

— И в Него тоже. Вера — двигатель прогресса, науки, саморазвития. Мы должны твердо верить, что наш путь правильнее. Да, они прошли дальше нас, но мы идем верной дорогой, а они ушли далеко в сторону, а там впереди в тумане пропасть.

Норберт сказал мрачно:

— Багер. Идет к нашему причалу.

— Вернусь скоро, — пообещал я. — Думаю, даже раньше первых отрядов Макса.

Транспортная платформа, замедляя скорость, приблизилась к причальной площадке и остановилась. Между ними остался зазор не шире чем в ладонь, хотя, думаю, раньше и его не было.

Альбрехт посматривает встревоженно, я напомнил:

— Герцог, я в свое время налетался на этих штуках, налетался... Даже на грандбагере как-то в молодости, год тому...

Бобик перепрыгнул на платформу с таким запасом, что очутился почти на середине. Когти проскрипели, но не оставили следа, хотя багер выглядит достаточно старым, с мелкими кавернами, в коростах непонятного свойства и даже небольшими потеками металла.

Зайчик просто перешагнул на площадку багера, через пару минут он без скрипа и шума начал отодвигаться от причала.

Альбрехт и Норберт остались там, глядя мне вслед и явно рассчитывая, что вернусь с готовым решением, как все разрулить быстро и правильно.

Багер трижды ускорялся и замедлял движение, зависая над пустыми пространствами, где заросли по-глотили остатки разрушенных башен, снова набирал сумасшедшую скорость.

Кольнул страх, что так будет и над Танкмарией, хотя маркиз де Куртен говорил, что сперва удирал лесами, а потом на багере, но тот не останавливался над какими-то королевствами, он видел только крыши домов и дворцов...

Когда пошли, судя по карте, над Танкмарией, багер остановился... на большой высоте, выждал и двинулся дальше, что значит: фиг тебе, а не причальная площадка, дурак в императорской мантии.

Бобик как будто понял, сердито гавкнул, глядя вперед. Впереди быстро вырастает гора, заросшая кустарником и высокой травой, я успел оценить траекторию багера, крикнул:

— Все ко мне... Прыгаем!

И скакнул через борт, до земли не больше трех ярдов, не расшибусь, лишь бы Бобика и Зайчика не унесло...

Ударился довольно сильно, некоторое время меня несло по склону вниз, ломая кусты, а когда наконец закатило под ствол толстого дерева, в голове уже гудело, будто кувыркался от самого императорского дворца.

Близко гавкнуло, кусты затрещали, огромное черное тело насыло на меня, а горячий язык размером с лопату смачно лизнул лицо.

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — живой я... А Зайчик?

Бобик не ответил, но посмотрел в сторону. Я проледил за его взглядом, там невозмутимый как скала арбогастр с хрустом пожирал верхние веточки кустов.

Маркиз де Куртен сказал, что его королевство дыра дырой на краю света, но, конечно, погорячился, сравнивая королевство Танкмария с Гессеном.

Смотрится достаточно богатым и благополучным, хотя предельно патриархальным, что было не по душе пылкому и горячему маркизу.

Даже маркизат Остфалия, который он ненавидел всей душой, не такая уж и заброшенная дыра, а просто изолированная область, куда ведет только одна дорога между невысоких, но тесно стоящих молодых гор.

Зайчик несет бодро и весело, помахивает хвостом, как молодой козленок, когда жрет что-то особо вкусное, Бобика замечаю только на краткий миг, когда появляется в сотне шагов слева, а через полсекунды уже справа и тоже на таком расстоянии, что даже не знаю...

Отгуда то и дело доносятся испуганные вопли лесных зверей, но Бобик доволен, что перепугал до диареи, иногда останавливается впереди, в глазах вопрос: верной дорогой прем в светлое будущее, товарищи? И мы с Зайчиком отвечаем молча, что да, распутывай все живое по дороге дальше, лучше пугать, чем убивать.

Дорогу срезаем часто, а потом стараемся заскочить в какую-нибудь деревушку и уточнить направление, и снова свист ветра ушах и плотная стена воздуха, через которую нужно проламываться...

Однажды из-за леса в небо ударили ослепительно-яркий, просто слепящий луч. Толщиной в ствол столетнего дуба, но мне показался тонкой раскаленной добела иглой, молниеносно достиг облаков, пронзил, оставив вокруг себя рваную дыру, и ушел к звездам.

Какая мощь, подумал я с чувством. И пропадает заря. Какие-то механизмы добывают в ядре планеты, перерабатывают и... отправляют в пустоту...

Хотя почему в пустоту? Возможно, там есть нечто, что принимает и копит эту энергию. Или тут же использует как-то и где-то.

Впереди слева от дороги показался и начал увеличиваться в размерах красно-черный замок с белыми окнами трех этажей, где стены цвета алои зари, а крыша темнее грозовой тучи.

Даже не замок, а уже дворец, роскошный и огромный, но главное отличие от замков Севера, что меня кольнуло легкой завистью, стоит один-одинешенек посреди поля. Да, конечно, к нему дорога, даже три дороги, но нет высокого защитного вала, нет глубокого рва с водой, через который перекидывается подъемный мост, нет даже крепостной стены, по верху которой день и ночь ходит недремлющая охрана...

Что значит в этих краях уже очень давно прекратились войны. Во всяком случае такие, когда армия захватывает замки и вырезает полностью гарнизоны.

Настолько давно прекратились, что замки сохранились только у немногих, те, которые сами себя восстанавливают, а так в городах вместо замков давно дворцы, дворцы, дворцы...

Даже вот здесь в поле, окаймленном лесом, тоже дворец, а не замок...

Я вспоминал Гессен с его модой, изысканностью манер и вычурностью, здесь как будто средневековые. Не

такое, как на Северном континенте; здесь живут обеспеченнее и беспечнее, к проблемам не приучены, все решается как-то и где-то само или кем-то, а у них все хорошо, можно пить, есть и охотиться на оленей, кабанов и всяких там птиц.

Перед замком, что на возвышении, небольшая деревушка, несколько человек перед домом старосты слушают двух явно странствующих музыкантов.

Я подъехал сзади к собравшимся, один в испуге оглянулся, услышав над головой грозное сопение арбогастра.

— Кто здесь старший? — поинтересовался я.

Крестьянин торопливо указал на одного из самых осанистых, но все же в полукрестьянской одежде.

— Вот он...

Тот уже смотрит недовольно, никто из мужчин не любит, когда к нему подъезжает кто-то на огромном коне, да еще с собакой рядом.

— Кому это я нужен?

Я посмотрел на него пустыми глазами с высоты седла Зайчика. Грозный староста моментально присмирел, простые люди на таких конях точно не ездят, но, соблюдая реноме, спросил строго, старательно смягчая как бы вежливостью:

— Кто вы, незнакомец?

— Я по поводу младшего сына маркиза де Куртена, — ответил я, в последний момент успев сообразить, что не знаю даже его имени. — Важное послание.

Он выпрямился, как-то уловил нерешительность то ли в моем голосе, то ли как-то определил по самой посадке в седле.

— И что?

— А то, — сказал я резче, — что, если сейчас же не проведешь меня к хозяину, я тебя прямо здесь и повешу, дурак!

Он отпрыгнул, накрашенные щеки стали бледными.

— Но-но, у нас так не шутят!.. Никто не может к маркизу напрямую...

— А я могу, — ответил я.

Зайчик, уловив приказ, двинулся в сторону замка напрямую, топча клумбы, ломая кусты, а когда попалась затейливо и очень искусно выстроенная беседка из мрамора и окруженная статуями, прошел через нее так, словно она из песка.

Я оглянулся: за нами не только руины, даже статуи разлетелись кусками, как вспутнутые воробы.

За спиной испуганно-возмущенные крики, я послал Зайчика вскачь, и через пару минут он резко остановился перед распахнутыми воротами в роскошный сад, а дальше широкая дорожка прямо к главному входу в дом.

Слуги выбежали навстречу и застыли в нерешительности, хотя Бобик вроде бы улыбается и приглашает играть, всем показывая длинные острые клыки.

Вперед вышел управитель, судя по богатой одежде и серебряной цепи на груди.

— Кто вы и что вы? — потребовал он. — Что-то я не видел вас среди приличных людей королевства или даже маркизата!

— Я издалека, — ответил я. — Очень.

Из главного входа вышел, как я понимаю, сам маркиз, вылитый де Куртен, но состаренная копия, лицо надменное, с застывшим брезгливым выражением.

Управитель быстро сказал маркизу с угодливым поклоном:

— Боюсь, еще один бродяга. Такие вот и сбили с пути истинного вашего младшего сына.

Маркиз сказал брезгливо:

— Ни слова об этом ублюдке, убившем своего старшего брата!.. С какой целью вы прибыли, сэр?

Я ответил с холодком:

— Уже и сам себя спрашиваю. Но я пообещал по возвращении отыскать некое мелкое королевство Танкмария, в нем заброшенный маркизат Остфалия, где его родное гнездо, откуда он вылетел. Если удастся, найти леди Гербергу.

Маркиз подобрался, глаза впились в меня взглядом, как когтями.

— Зачем?

— Такова просьба маркиза де Куртена, — ответил я скромно.

Управитель сказал сбоку льстиво:

— Здесь только один маркиз, благородный сэр Гудлист де Куртен.

— Неважно, — ответил я миролюбиво. — В тех землях именно младший сын представлял маркизат. Надо сказать, получалось достойно.

Маркиз кисло скривился.

— Могу представить...

Глава 12

Из дома, привлеченные толпой и громкими разговорами, вышли двое молодых мужиков, но в пышной и богатой одежде. Оба настолько похожи на маркиза, что понятно, его сыновья и братья погившему. Богатая одежда только подчеркивает их довольно глупые морды и уже выпирающие животы.

Я окинул их презрительным взглядом.

— Понимаю, почему младшенький убежал далеко...
Маркиз нахмурился.

— Иначе бы вздернули!

— Но сперва перебил бы этих... орлов, — сказал я. — А они так на вас похожи! Конечно же, любите их больше.

Он ответил с привычной для его высокого титула надменностью:

— Разумеется!

— Где могу отыскать леди Гербергу? — спросил я. — С вами закончено, я горестную вещь сообщил, а вы вон как убиваетесь...

Он двинул плечами, в голосе прозвучало нескрываемое злорадство:

— Леди Гербергу? С удовольствием!.. Видите зеленый холм в десятке миль отсюда?.. Там найдете леди Гербергу.

Что-то в его голосе насторожило, я спросил с напряжением:

— Она здорова?

— Очень даже, — ответил он с ухмылкой и, резко повернувшись ко мне спиной, ушел в дом.

Его сыновья, облив меня презрением с головы до ног, важно прошествовали за ним, как двое откармливаемых для праздника гусей.

— Бобик, — сказал я строго, — кончай гонять ворон!.. Ты же видишь, какой я строгий и печальный. Смотри вон на тот холм!.. Нам нужно туда. Зайчик...

Зайчик не стал дослушивать, пошел с места таким галопом, что не будь я готов к его штучкам, вылетел бы из седла.

Дворец, в который меня отправили, еще шикарнее, хотя несколько по-старомодному, как если бы Собаке-

вич стал графом и, получив в придачу кучу денег, начал перестраивать свое имение с еще большим азартом.

Слуги выбежали навстречу, я надменно сообщил, что по просьбе маркиза де Куртена хотел бы увидеть леди Гербергу.

После недолгого ожидания на крыльце вышел очень дородный господин в богатой одежде и в парике, как бы вот столичная штучка, воззрился на меня с неудовольствием.

— Что вам угодно?

— Всего лишь поклониться леди Герберге, — ответил я, — и сообщить, что младший сын маркиза де Куртена красиво и героически погиб в неравном бою.

Он вскинул брови.

— В самом деле?.. О, для такого сообщения я ее изпод земли достану!.. Слуги, быстро привести сюда леди Гербергу!.. Серебряную монету тому, кто сообщит ей это раньше других!

Слуги сорвались с места как вспугнутые воробьи. В дверях возникла давка, но прорвались все, а господин наблюдал за ними с насмешливым превосходством высокорожденного, вынужденного жить среди простого люда, а потом так же насмешливо взглянул на меня.

— Сейчас ее доставят... Думаю, ей это будет интересно.

— Подожду, — ответил я сдержанно.

Что-то сильно не нравится, слишком наглый и самоуверенный, таким можно стать разве что в таких местах, где ты один господин, а все остальные забытые простолюдины. И морда хамская, и лицо порочное, хотя вроде бы по внешности судить нельзя, так нас учили, но вот эти пухлые сладострастные губы, некое пропступающее сластолюбие во всем облике...

На крыльце вышла молодая женщина, красивая и надменная, взглянула на меня свысока и с вопросом в глазах.

— Дорогой, — обратилась она к мужчине, — что случилось?

Он с улыбкой кивнул в мою сторону.

— Вон тот человек принес тебе новости о твоем бывшем женихе...

Она повернула голову в мою сторону.

— Слушаю вас?

— Леди Герберга, — сказал я, — молодой маркиз де Куртен совершил множество великих подвигов и сумел добраться до таинственных земель, где тоже много путешествовал, подружился со многими людьми, но трагически погиб в схватке с превосходящими силами противника... Он умер на моих руках и просил передать вам обручальное кольцо со словами, что отныне вы свободны...

Господин жирно гоготнул, мне сразу восхотелось его убить, а леди Герберга покачала головой и много-значительно погладила себя по животу.

— Сэр... я ношу под сердцем ребенка своего мужа, благородного барона Шакера, за которого вышла замуж почти год тому...

— Ох, — сказал я, — простите. О таком и подумать не мог.

Она ответила с достоинством:

— Мне чрезмерная лихость молодого маркиза никогда не нравилась. Даже не чрезмерная, а вообще... Мужчина должен быть солидным и домовитым. Как вот барон Шакер.

Барон Шакер посмотрел на меня свысока. Я сказал миролюбиво:

— Но маркиз де Куртен был так молод...

— Барон Шакер, — возразила она с достоинством, — таким был с молодости. Степенным и послушным членом семьи. И потому стал уважаемым членом общества.

Я развел руками.

— Леди... я не оправдываю молодого маркиза. Но он, хоть и недолго, был моим другом и оказал мне важную услугу. Потому я в какой-то мере защищаю его интересы и его имя.

Она вздернула лицо, став чем-то похожей на своего мужа.

— Кольцо оставьте при себе, сэр. Я замужняя женщина!

Я подумал, поклонился.

— Как скажете, леди. Как скажете... Бобик, уходим!

Бобик, что было лег у ног аргогастра, кое-как поднялся, зевнул, показав ужасающие клыки.

Зайчик тоже с неохотой развернулся, я нарочито направил его через роскошный сад, нечего буржуям глумиться над памятью погибшего соперника, явно более достойного, хотя я и знал молодого маркиза от силы полчаса.

Когда уже почти миновали сад, оставляя после себя вытоптанную полосу, слева из кустов донесся едва слышный женский шепот:

— Благородный сэр!.. Помогите...

Я быстро огляделся, велел Бобику:

— Охраняй!.. Только кто-то покажется, гавкни. Не обязательно громко.

Он посмотрел умными глазищами, а я быстро скочил на землю и раздвинул цветущие гроздья, за которыми и не видно веток. По ту сторону угадывается голубое платье, я поколебался, но шагнул в пахнущую всеми изысканными ароматами прохладу.

За кустами шагах в пяти от дорожки очень молодаая девушка, почти подросток, пряталась за пышными цветами в два человеческих роста, на меня посмотрела со страхом и надеждой.

— Леди Сюзанна Дорсaintвилл, — прошептала она едва слышно, — а вы тот, кто принес вести о благородном сэре де Куртене?..

— Да, — ответил я шепотом, — но вести неутешительные... Он умер на моих руках.

Ее милое лицо омрачилось, но тут же спросила быстро:

— Вы скоро уезжаете? Заберите меня отсюда!

— Ого, — сказал я невольно. — Как я могу...

— Можете, — прошептала она страстно, — моя сестра Герберга теперь замужем за Шакером Рапеллой!.. А это страшный человек...

— Ваша сестра им довольна, — напомнил я.

Ее прекрасные глаза тут же наполнились слезами.

— Он с первого же дня начал преследовать меня!.. Овладел бы мною и раньше, но ему нравится это извращенное чувство охотника, когда беспомощная жертва дрожит и не может убежать... Заберите меня, вывезите отсюда, а там хоть бросьте где угодно по дороге!

Я пробормотал:

— Зачем же такие страсти...

Она сказала вся в слезах:

— Я лучше умру, чем стану игрушкой его похоти...

Вдали послышались голоса, я сказал быстро:

— Ничего не предпринимайте. Я переговорю... ладно-ладно, понял! Постараюсь помочь.

Она пригнулась за кустами, а я осторожно вышел через клумбу на другую дорожку, свистнул Бобику, пока он не начал разгонять народ, вскочил в седло и направил аргогастра к дворцу.

Маркиз, отец молодого де Куртена, выглядит обычной скотиной, ничего особенного, если бы я обижался на каждого, кто оскорбил меня нечаянно или намеренно, либо сам бы сдох, либо всех бы перебил, но я уже мудер и умею сдерживаться, всех не перебьешь, хотя и хочется, потому спасать эту бедняжку — это вроде бы вмешиваться в чужие дела, чего не люблю, хотя вмешиваться вообще-то люблю, но эти дела затем повисают на мне и требуют решения...

Шакер Рапелла... тоже обычный мерзавец, чуть ли не всякий мужчина, женившись на красивой женщине, обратит внимание и на ее младшую сестру, что вполне достигла возраста случки. А в этом мире, где вся власть у мужчин, мало кто устоит перед желанием воспользоваться своим доминантством.

Еще подъезжая к владениям старого маркиза, встретил его управителя, тот взглянул на меня с испугом, явно слышал наш прежний разговор, но и с каким-то почтением, как на человека, который осмелился не поклониться их всесильному хозяину.

— Вы знали молодого маркиза? — поинтересовался я.

Он сказал негромко:

— Его все знали, он был отважен и смел, а правду говорил всегда. Сейчас, когда в небе горит эта страшная Багровая Звезда и люди от ужаса не знают, что им делать, хорошо бы, конечно, если бы молодой маркиз был здесь.

Я кивнул:

— Понимаю.

— Вот-вот, — сказал он с облегчением. — А в благополучное время зачем?.. Если нет врага, такие дерутся со своими.

— И общество их изгоняет, — согласился я. — Знакомо. Для выживания общества это хоть и жестоко, но правильно. Вне его герои либо быстро гибнут, либо открывают новые земли... Или в старых становятся королями, знаем таких. Но для вашего маркизата было бы лучше, если бы молодой маркиз остался здесь...

Он наклонил голову, соглашаясь, но что-то уловил в моем голосе еще помимо сказанного, взглянул быстро и с испугом.

— А что... может случиться?

— Леди Сюзанна, — ответил я. — Леди Сюзанна. Я пообещал поговорить о ней с маркизом.

Он дернулся, даже отступил на шагок.

— Ох... лучше этого не делать...

— Почему?

— Маркиз, — ответил он, понизив голос, — хозяин в своих владениях, а его сосед, барон Рапелла, хозяин в какой-то мере, и не только в своих владениях...

— Простите?

Он пояснил:

— Он личный друг короля, так у нас говорят, хотя никто не знает точно. Но при королевском дворе он бывал, а из нас никто... Потому его влияние в наших краях просто безмерно.

— Бобик, — велел я, — голос!

Бобик присел и с великим удовольствием гавкнул. И не просто гавкнул, а исполнил команду «Голос», что значит нужно во всю мощь. В саду полегла трава, цветы разом облетели, а ветви согнулись так, что хрен их что выпрямит.

Из здания выскочили слуги, появилась с разных сторон стража в кожаных доспехах, вооруженная копьями, топорами и мечами.

Я вытащил из сумки рог, приложил к губам и дунул со всей мощи. Рев раздался настолько мощный, что даже не знаю, словно что-то во мне помогает вести себя вот так не совсем по-императорски.

На крыльце выбежал сам старый маркиз, ошеломленный и заметно испуганный, увидел меня, крикнул:

— Опять вы? Что вам еще нужно?

— Леди Сюзанну, — ответил я. — Я изволю поговорить с нею.

Он ответил свирепо:

— Я ее опекун!.. И только я отвечаю...

— Я хочу услышать саму леди, — отрезал я.

— Нет, — сказал он люто. — Если не уберетесь немедленно, я имею полное право убрать вас своими силами. А труп бросить собакам!

— Хорошо сказано, — ответил я. — Вы не трус, маркиз, это хорошо. Но глупо. Даю вам последний шанс...

Он не успел ответить, из-за кустов выскочила леди Сюзанна и, обливаясь слезами, ринулась в мою сторону с отчаянным криком:

— Благородный сэр!.. Заберите меня из этого проклятого дома!.. Куда угодно, хоть выбросите по дороге, но не могу выносить приставаний этого похотливого скота!

Старый маркиз вскрикнул шокированно:

— Дорогая, что ты говоришь?

Сюзанна вскрикнула:

— Вы же все знаете и видите, он даже вас не стесняется!.. Но закрываете глаза, потому что он богат, знатен и приближен к королю...

Я с глубокой жалостью посмотрел в ее залитое слезами лицо, полное отчаяния.

— Хорошо, я все понял и... разобрался. Вам здесь не место, леди Сюзанна.

Маркиз смерил меня ледяным взглядом.

— Что-что?

— Я забираю ее, — повторил я.

Он произнес с надменностью:

— Вы не представляете, с кем имеете дело.

— Представляю, — ответил я. — С откровенной мразью. А леди Сюзанна займет достойное место...

— Где?

Я пожал плечами.

— Либо при дворе императора Германа, либо... при том дворе, где власть еще выше.

Он надулся как петух, выпятил голос и прокричал властным голосом:

— Стража!.. Ко мне!

Я ощущил, что вообще-то какой-то хренью занимаюсь, словно у меня нет по-настоящему важных и неотложных дел, вздохнул и сказал ясным голосом, хотя достаточно и мысленной команды:

— Маркус... ко мне!

Глава 13

Через секунду на землю упала страшная красная тень. Все в испуге вздернули головы, как испуганные кони. Кто-то возопил в ужасе. Половину неба заслонила чудовищная Багровая Звезда Смерти, исполинский Маркус, страшный и прекрасный в своей космической громадности и уродливом совершенстве.

Старый маркиз, управитель и все в имении застыли, неспособные даже броситься бежать, а я велел громко:

— На землю!.. Вон на тот мышиный домик!

Маркус стремительно ринулся вниз. Сердце мое замерло, от удара такой массой треснет земная кора, ог-

ненная лава выплеснется наружу, однако сверкающая гора из металла, уловив мои мысли, замерла в воздухе, разрушив только верхушку высокой башенки.

— Ближе ко мне, — сказал я подчеркнуто недовольным тоном, Маркус моментально переместился. — На землю!

Маркус, на миг зависнув на дворцом, пошел в нашу сторону медленно и неотвратимо. Все оставшиеся смотрели, трепеща от ужаса, кто-то упал на колени и закрыл обеими руками голову.

Донесся треск, высокие гордые башни альтанок разламываются, как соломинки, огромные глыбы с грохотом обрушаиваются и пробивают сверкающий золотом мраморный пол.

Блестящий отполированным металлом Маркус, размером с Эверест, не замечая препятствий, опустился на землю, вбив в нее весь цветущий сад, беседки, альтанки, гостевые дома для знати, гостевые дома для слуг знати и вообще вмяв в почву все, что находилось во владениях маркиза Куртена, оставил в неприкосновенности, если не считать башен, только сам дворец.

Маркиз и его управитель остались на ногах, все остальные уже на коленях, но лицо маркиза побагровело так, что вот-вот случится удар, управитель смотрит на меня восторженно-безумными глазами, а его слуги взглянули на Маркус снова и уже вовсе распростерлись на земле.

— Пандус, — велел я. — К моим стопам.

Часть уходящей в небо сверкающей стены исчезла, прямо к моим ногам протянулся широкий пандус торжественно-багрового цвета, чем-то подобный ковровой дорожке.

Я взял Сюзанну за руку, слабую и почти безжизненную.

— Леди... все еще хотите покинуть это место?

Она прошептала:

— Да, но... кто вы?

— Вы хотите или нет? — уточнил я.

— Да, — ответила она страстно. — Хоть в ад!

— Маркус, — велел я громко, — доставь нас в главный зал Рапеллы. Уничтожишь еще одно логово гнусности... и сразу улетаем.

Все это я говорил громко и отчетливо для этих растерявшихся болванов. Для Маркуса нет таких понятий, как главный или неглавный зал, а они, еще даже не ощущив потери, смотрели выпученными глазами на чудовищную Звезду Зла, что легко поднялась в небо и стремительно метнулась в сторону замка барона Рапеллы.

И снова я с трудом удержался от зверского желания просто опустить Маркус на имение Рапеллы и вмять его целиком на сотню ярдов в глубину, пусть там во впадине образуется исполинский пруд, а если не пробьются снизу родники и не превратят ее в озеро, то через несколько лет здесь было бы шикарное болото.

Сюзанна, вся дрожа, страшилась шевельнуться, наконец медленно обратила в мою сторону огромные глаза, все еще полные слез.

— Сэр...

— Наконец-то я знаю, — сказал я, — что делать. Поездка в Танкмарию была не напрасной, сэр Альбрехт... Да-да, леди Сюзанна, это я своим мыслям. Слушаю?

— Кто вы?

— Сэр Ричард, — ответил я. — Но милостиво разрешаю и даже велю называть меня просто моим величеством... Маркус, возвращаемся на то же место у стольного града!

И зрительно указал слегка примятое место за лесом вблизи Солнечного Города. По телу прошла теплая волна, словно он обрадовался, услышав мое повеление, так собаки обожают служить и выполнять приказы. Всетаки создан людьми, теперь чувствую всеми фибрами. Дураки уверены, что инопланетяне такие же, как и мы, только морды шире, а пушки крупнее, и против них можно сражаться почти на равных, но на самом деле мы либо не заметили бы их вовсе, если бы они не возжелали, либо все человечество моментально исчезло, пожелай того инопланетяне, сумевшие преодолеть межзвездное пространство.

Но Маркус смутно понятен, а я не такой антропоцентрист, чтобы верить, будто во всех уголках вселенной появляется жизнь, идентичная нашей. Сейчас все больше кажется, его создали люди, ушедшие далеко по пути технического прогресса, но еще не добрались до сингулярности, когда вообще исчезнут из наблюдаемого мира.

Возможно, Маркус был где-то потерян, заброшен или серьезно поврежден и проще было его бросить, чем ждать десятки лет, пока регенерируется, за это время легче сделать сотню других, а он, восстановившись, не нашел прежних хозяев, то ли одна из первых войн Великих Магов, то ли все-таки вскочили в сингулярность, и он, потосковав, нашел себе филигонов, насчет которых у меня тоже громадные подозрения в их инопланетном происхождении.

Вообще-то инопланетное верно, но если человеческий род расселился по планетам родной галактики, а потом и неродных, даже просто в космосе, то все равно никакие не инопланетные в старом добром смысле.

Возможно, филигоны — плод попытки генетиков на какой-то планете создать новый вид на основе кода

обезьян, возможно, и нечто вообще немыслимое, что я и предположить не могу, но человеческий след угадывается как в создании Маркуса, так и в случае с филигонами.

Рядом тихохонько пропищало:

— Ваше величество...

Я кивнул, выныривая, как демон, из привычного огненного и бурлящего мира мыслей.

— Да-да, леди... мы на месте. Внизу королевство Монтегю, а это его столица. Видите королевский... то бишь императорский домик?..

Она охнула.

— Но... как?

— Вы исследователь? — спросил я. — Да вот так. Женщина-исследователь, что морская свинка... Главное, вы в безопасности. Никто не посягнет на вашу честь.

Она прошептала жалобно:

— Ничего не понимаю...

— Вам объяснят, — заверил я. — У нас объясняльщиков столько, деревьев во всех лесах империи не хватит, чтобы перевешать хотя бы половину.

Она вздрогнула.

— Любите вешать?

— Люблю, — признался я. — Но как сторонник демократии я стараюсь, чтобы все было по закону! К счастью, закон здесь я, так что нет мучительных размышлений насчет, насколько я тварь дрожащая и насколько тварь вешающая.

В стене появилась широкая щель, я взял Сюзанну за руку, а пандус под ногами чуть дрогнул и слегка неуверенно понес нас вниз по наклонной плоскости.

— Молодец, — похвалил я. — Ты все понял верно!

К счастью, Маркус в ответ на похвалу не завилял хвостом, иначе снес бы половину домов в столице.

Мы с Сюзанной сошли на землю, а навстречу уже бегут гвардейцы и люди Норберта, которые везде успевают первыми, а следом спешит встревоженный Альбрехт.

Маркус по моей мысленной команде прыгнул в небо и завис на уровне стратосферы.

Я сказал старшему в группе разведчиков:

— Это леди Сюзанна. Отведите ее во дворец, пусть местные дамы позаботятся. Да, сэр Альбрехт, вы правы. Поездка освежила мозг и помогла принять решение.

Альбрехт, как всегда, деловит и сосредоточен, взглянулся с холодноватым интересом на Сюзанну, но провожать взглядом не стал, обратил вопрошающий взор на меня.

— В самом деле недолго, — произнес он с одобрением. — Взрослеете, сэр Ричард. Что-то надумали? А надумали точно, вижу по вновь появившемуся в небе Маркусу.

— Надумал только то, — ответил я с раздражением, — что работы здесь даже больше, чем боялся.

— Это было видно еще на Севере, — заметил он.

— Это вам было видно, — огрызнулся я. — А я человек честный... ну, сравнительно. Далеко не заглядываю, хотя, понимаю, надо. Видеть будущее, как сказал Экклезиаст, умножать печали.

— Для себя?

— С ума сошли!

— Так и думал, — сказал он с удовлетворением. — Потому все так хотят увидеть будущее. А сейчас оно висит над головами. В этом случае, да, вся наша армия может и не понадобиться. Поздравляю.

Я сказал угрюмо:

— Не с чем. Не люблю с позиции силы!.. Но народ такой, других доводов не понимает. А если и понимает... то весьма хиловато.

— Значит, — спросил он на всякий случай, — не считаясь с побочными потерями?

Я огрызнулся:

— А с нашими кто-то считается?

Гугол там, в маркизате Черро, объяснял, что Великие Маги сильны только в своих неприступных башнях. Они их укрепляют всю жизнь, запасают в них собранную по крохам магию, в этих башнях каждый камень пропитан магией и готов отдать ее магу в любой момент.

Именно потому мне было так трудно справиться с Великим Магом Гатонисом, а в чистом поле или в городе я бы справился с ним и без армии демонов.

Колечко с крохотным камешком, как сказал однажды король Людвиг, тогда еще герцог, стоит недорого, имя демона на нем выгравировано самого мелкого и ни на что не способного, но дает мне допуск на любые багеры, что проходят через королевство.

Сейчас это право для меня ничего не значит, все багеры мои и никто не оспорит, а кто оспорит — разом потеряет рога и голову, так как багеры здесь почта, телефон, телеграф — захватить их, как сказал великий вождь, задача, требующая искусства... это олицетворение власти и контроля.

Оставшись в кабинете наедине с собой, я с силой потер пальцем по гравированным значкам.

— Серфик!.. Твой властелин и хозяин велит тебе предстать перед ним!

Через мгновение над ухом раздался счастливый писк:

— Хозяин!.. Как я счастлив, что служу такому великому властелину!

— Не бреши, — ответил я. — Подхалим, да еще и мелкий. Все вы тяготитесь службой у людей, что почетна и трудна... Ты где?

— Вот я!

Над серединой стола возникло красное существо размером с комарика, только потолще, крылышки выбирают часто-часто, превращаясь в некое марево. Мордочка и тельце вполне человеческих пропорций, только голова крупнее, а выпуклые глаза смотрят в меня так, будто крохотный демон в самом деле соскучился.

— Привет, — сказал я, — ну что же ты... так и не обзавелся ни рожками, ни копытцами?

Он сказал печально:

— Даже хвоста нет...

— А если велю обзавестись?

Он с печальным видом покачал головой.

— Не получится. У людей власть над нами только в своем мире, но не в нашем.

— Жаль, — сказал я, — рожки тебе бы к лицу. Как у козы.

— Ой...

Я взглядом указал на светильник, Серфик тут же скакнул в пламя, понежился там и вспыхнул:

— Приказывай, хозяин!

— Гад ты, — сказал я обвиняюще, — расист, не хочешь быть другом... В общем, мое державное, даже великодержавное повеление такое... как бы сформулировать, а то такое сказану, а с демонами нельзя бряк-

нуть лишнее, можно и голову потерять... В общем, мне нужно знать расположение башен всех Великих Магов!

Он ответил быстро:

— Я не знаю!

— А узнать?

— Не смогу, — ответил он, мне послышалась в его пищащем голоске искренняя печаль, Серфик слишком долго был в кольце на пальце герцога, успел усвоить оттенки человеческих эмоций. — Сожалею, мой хозяин.

Я спросил настойчиво:

— А кто сможет, таких знаешь?

Он подумал, кивнул.

— Да. Знаю таких... троих... нет, даже пятерых!

— А как-то можно будет их привлечь?

Он задумался, смешно подперев крохотной ручонкой пухлую щеку, что перекосилась от такого движения, хотя при таких размерах точно сделано специально.

— Я попробую. И хотя все демоны знают, как вы заключили с ними договор, а потом дали всем волю, но...

— Не решатся?

Он сказал печально:

— Да. Никто из магов не давал демонам свободы.

Напротив...

— А я?

— Мой повелитель, вы не маг... Но я попробую.

— На тех же условиях, — сказал я твердо. — Укажут все башни Великих Магов — сразу же вольную!.. Абсолютную. Никто, даже я, уже не призовет их на рабскую службу.

— Я попробую, — повторил он.

— Ладно, — сказал я, — переговори от моего имени.

Он пискнул и исчез в тот момент, как открылась дверь и вошел Альбрехт. Он окинул взглядом кабинет,

но смолчал, великие люди могут поговорить и с собой, если нет достойных собеседников.

Молча расстелил на столе две карты с внесенными разведчиками Норберта дополнениями.

— Здесь примерно треть, мой лорд. Остальные еще не вернулись, некоторые багеры ушли очень далеко. Что-то не так?

Я сказал с тяжелым вздохом:

— Откуда я знаю? Может, и так. Знали бы вы, какой я редкостной свиньей себя чувствую! Впервые, в самом деле впервые собираюсь напасть на тех, кто не причинил мне ни малейшего вреда!.. Потому и амбивалентничаю, вообще себя не узнаю.

Он с видом полнейшего равнодушия пожал плечами.

— Не вы первый, мой лорд.

— Но хотел бы стать последним, — ответил я. — И вообще не нападать... Но как все уладить, не представляю. Мы антагонисты! Либо наука, либо магия. С магией жить удобнее и беспечнее, но это тупик, а с наукой хоть и труднее, но путь бесконечен и опасен.

— Тогда бейте, — сказал он хладнокровно. — Пока все в пещерах, разрушьте их башни!.. А когда начнут вылезать из пещер, можно брать тепленькими.

— Да, конечно. Это я так, гамлетствую. Должен же как-то оправдаться перед собой?

Он вздохнул.

— Вы все еще не политик, мой лорд. Тем оправдания не нужны.

— А я крокодил, — сказал я с достоинством, — жру врага и плачу. Жру и плачу. Гуманист!.. Что там с армией?

— Подошла, — заверил он. — По большей части. Конница вся, ждет указаний. Из пехотных частей уже две трети на месте. Остальные двигаются ускоренным маршем, у них хорошо видимый издали ориентир.

Глава 14

Кольца маги взяли с собой в пещеры, но те практически бессильны без той мощи, что аккумулирована в стенах их башен. Заработают не раньше, чем маги сумеют выстроить башни из материала, что впитывает рассеянную в пространстве ману, а это не сделаешь ни за день, ни за год.

Суровый граф Келляве прибыл с последним багером, я встретил его во дворе, где отдавал распоряжения военачальникам.

— Сэр Ричард, — сообщил он ровным голосом, но с оттенком гордости. — По вашему приказу во всех пунктах, где багеры останавливаются у причальных пирамид, высажены десанты!

— Прекрасно, сэр Гастон...

— Теперь, — заверил он, — там все под такой же надежной охраной, какая была по вашему указанию обеспечена скардеру.

— С той задачей вы справились блестяще, — сказал я. — Благодарю вас, дорогой друг, за беззаветное служение добру с кулаками. Макс прибыл с вами?

— Остался со своей гвардией. Рассказывает что-то о новой тактике...

— Сэр Гастон, — сказал я, — разбейте небольшой лагерь там, где выйдет император. С шатрами и прочими удобствами. Неизвестно, сколько ждать, а нужно быть готовыми. Место вам покажут.

В дверь стукнули, заглянул часовой.

— Сэр Ричард, — сказал он быстро, — тут местный говорит, что знает, где император...

— Тащи, — велел я.

Он исчез, а через минуту появился, держа за шиворот крепкого парня в одежде императорской гвардии.

— Отпусти, — сказал я, морщась, вечно все понимают мои гуманные указания буквально. — Выкладывай!

Гвардеец выпрямился, сказал четким голосом кадрового военного:

— Я был в группе, что сопровождала его императорское величество в безопасное место!..

— В пещеры? — уточнил я.

— Да, — ответил он. — В пещеры, ваша Небесность...

— Покажешь, — велел я. — Не такие уж и безопасные эти пещеры. А почему не всю охрану дворца взял император?

Он ответил, глядя мне в глаза:

— Все не поместимся. Да и еды не хватит. Неизвестно, сколько там прятаться, а потом прокапываться наверх. Говорят, чаще всего люди там и гибнут. Еще неизвестно, где лучше.

Я поинтересовался:

— А почему только ты решился сказать, где император? Думаю, знают многие.

Он ответил с неловкостью:

— Я общался с вашими людьми, ваша Звездность. Даже знаю, что велите им себя называть просто сэром Ричардом... Так вот они сказали, что его императорское величество жаловало вам земли и титулы на той стороне океана, где продолжается великая империя его величества... А раз так, то вы не станете вредить сво-

ему сюзерену, такое у вас, северян, в Уставе о Долге и Чести.

Я покачал головой.

— Ага, вот и наглядная польза от репутации... Весомая даже. А что остальные?

— Не верят, — ответил он быстро. — Говорят, как не воспользоваться случаем? Конечно же, убьете императора и все семью, престол империи ваш...

Келляве воскликнул с негодованием:

— Как не стыдно!.. Хоть и Юг, но чтобы пасть до такой степени?.. А как же честь, совесть, верность?.. Или здесь вообще нет рыцарства, а только мужичье в доспехах?..

Гвардеец посмотрел на него с уважением. Я кивнул, сказал важно:

— Ты поступил правильно.

Когда его увели, Келляве поинтересовался:

— Почему не сказали, что уже знаете, где император?

— Зачем обесценивать его поступок? — спросил я. — Не стоит перебивать инициативу народа по сдаче своих лидеров. Глядишь, другие еще кого-нибудь заложат, о ком пока не знаем...

Он коротко усмехнулся, отвесил поклон и отбыл, но едва за ним захлопнулась дверь, в кабинете сильно и резко пахнуло озоном, как после сильной грозы..

Я быстро обернулся: из блистающего облачка вышел, как из душевой, человек в длинном халате и в надвинутой на глаза широкополой шляпе с длинным острым колпаком.

— Карл-Антон! — сказал я обрадованно. — Как вы меня напугали!.. Нельзя так исчезать, я начал беспокоиться...

Он сказал успокаивающее:

— Чем меньше ваши военачальники меня видят, тем лучше. А я, ничем здесь не связанный, успел увидеть многое, а узнать еще больше... Скажу сразу самое важное: незачем загружать демонов поисками башен Великих Магов. Давайте карту, я нанесу их все.

— Ого, — сказал я обрадованно. — По королевству или по всей империи?

— По всему континенту, — ответил он скромно. — Я же маг, а башни Верховных Магов горят для меня, как костры в ночи... И вижу их на любом расстоянии.

— Чудесно, — воскликнул я. — А здешние маги из младших тоже видят?

Он покачал головой.

— Нет. То ли недостаточно мощи, то ли Башни все же прикрыты от посторонних...

— То ли, — сказал я, — северная магия иная?

— Или мощнее, — сказал он скромно, — или я не настолько уж слаб...

Я расстелил на столе карту, а он быстро и очень уверенно начал отмечать точками места расположения башен Великих Магов. От него все еще пахнет озоном, халат потрескивает, отдавая последние электрические заряды, а сам Карл-Антон выглядит бодрым и донельзя счастливым, явно дорвался до каких-то сокровищ.

— Только не зарывайтесь, — сказал я. — Здесь полно неожиданностей. Я вот не схожу с места, и то напрыгивают.

— Сэр Ричард, — ответил он, — вы правы, но удержаться трудно. Я своих чуть ли не на цепи держу... Вот еще здесь и здесь... Все! Видите, не так уж и много!

На составленной разведчиками карте засветились крохотные точки, оставленные Карлом-Антоном, вообще-то многовато, я вздохнул, а он сказал утешающее:

— Ваше величество, посмотрите сюда!.. Большая часть королевств, независимых герцогств, графств, баронств и прочих земель, включая экзотические республики, вообще без башен Великих Магов!

— Да, — согласился я, — это хоть какое-то утешение...

— Их цитадели, — заверил он, — располагаются только в империях и наиболее зажиточных королевствах!

— Верно, — согласился я. — Хотя, конечно, все наоборот...

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Зажиточными и успешными те земли стали благодаря тому, что там поселились Великие Маги и выстроили те башни.

Он посмотрел на меня остро и очень внимательно.

— Похоже, ваше величество, вы снова знаете больше, чем я.

— Случайно, — сказал я скромно.

— Вот-вот, — согласился он. — Снова случайно и всегда случайно. Сейчас загружу своих помощников работой и вернусь к вам, вы просветите меня в ряде вопросов...

И, не дожидаясь моего ответа, исчез в короткой вспышке красного огня. Я поморщился, хотя все верно, я занят, а он так и подал свое исчезновение, что не решается отрывать меня от великих дел.

Часовой как будто прислушивался, что у меня в кабинете, отпрыгнул от двери.

— Сэр Ричард?

— Позови герцога Гуммельсберга.

Альбрехт явился моментально, доспехи сияют, из-за плеча выглядывает позолоченная рукоять рыцарского меча, шлем на сгибе левой руки.

— Мой лорд?..

— Ага, — сказал я, — чуете?.. Присядьте, герцог. Короткий брифинг, а дальше не столько сядем или ляжем. В данный момент начинается грандиозная высадка армии с багеров, руководят Норберт и сэр Келляве, Макс руководит вторжением в королевства, что оборвали с империей все связи, а вот нам предстоит нечто поважнее...

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Наконец-то решились? На упреждающий?

— Только маги на пути к абсолютной власти, — напомнил я. — Не думаю, что с ними можно как-то разделить полномочия. Не отадут.

Он нехорошо улыбнулся.

— А как вы сладко пели магам о сотрудничестве...

— Во-первых, — напомнил я, — политик говорит то, что сказать нужно. Во-вторых, как вам ни удивительно, пока никакого обмана. Младшие маги пусть работают. Пока работают. Нельзя, чтобы сельское хозяйство разом рухнуло. Людей будем приучать работать постепенно.

Он откинулся на спинку кресла, взгляд стал изучающим.

— Наконец-то, — произнес он медленно. — Наконец-то...

— Что?

— Вижу прежнего сэра Ричарда, — ответил он. — Промедление смерти подобно, да? Если есть возможность уничтожить башни Великих Магов...

— Вроде бы есть, — сказал я без особой уверенности.

— Тогда в чем дело? — сказал он с нажимом. — С ними наплачетесь! Вы бы ладно, не жалко, но и нам достанется. Как я понял, решение уже приняли?

Я ответил уклончиво:

— Не совсем, я же с вами советуюсь.

— Ну-ну, — сказал он саркастически, — ждете полного одобрения. А если не посоветую, то скажете, что я дурак и ничего не понимаю. И все равно сделаете, как решили.

Я возразил:

— Разве так не всегда? Но с одобрением лучше. Ладно, будем считать, что армия одобряет. Армия вообще-то любое разрушение одобряет. Особенно если без потерь в ее составе.

Он наклонил голову, не спуская с меня пристального взгляда.

— Маркус?

— Да, — ответил я. — Только надо подумать, как...

— А он не уничтожит всю землю?

— Не пугайте, — попросил я. — И так всего трясет. Как только подумаю, весь в гусиной коже!

— Ну хоть думаете, — сказал он с сарказмом. — Сэр Ричард... Вы в самом деле думаете о последствиях. Нам повезло. Правда-правда. А что трясет... Только дураков не трясет. Дураки вообще не знают страха. Это я вас так стараюсь ободрить... Хотя скажете, что не нуждаетесь, но все нуждаются.

Я посмотрел свысока, подумал, что ответить, но неожиданно для себя признался:

— Даже кошке ласковое слово приятно. Конечно, сэр Альбрехт, я завишу от доброго отношения ко мне, хотя я вроде бы и властелин.

— Держитесь, сэр Ричард, — сказал он очень серьезно. — Мне показалось, что вы как-то растерялись здесь на Юге...

— Мне это тоже кажется, — признался я.

— Хуже того, — сказал он, — другие тоже замечают. А это опасно. Вождь должен быть всегда уверенным, решительным и нахмуренно улыбающимся!.. Иначе пойдут разговоры не только среди местных.

Я рывком поднялся из кресла.

— Вставайте, герцог! Нас ждут великие дела.

Маркус высится всего в полумиле от завала, которым прикрыли вход в глубокие пещеры, где скрылся император. Я с высоты седла Зайчика оглядел каменный вал в три-четыре этажа высотой, широкая протоптанная дорога ударила в него с размаха и, пискнув, исчезла под его тяжелой массой глыб.

Но рабочие умело выбирают камни в нужном месте, глыбы вытаскивают и откатывают далеко в сторону, образовался узкий ход с неровными краями, стены с обеих сторон едва-едва не рушатся...

Приоткрылся краешек изысканной арки в каменной стене, красиво выбиты и украшены золотом имена императора, а в глубину ведут настоящие ступени, ровные, красиво и точно вырубленные в камне.

Альбрехт подъехал ближе, голос его прозвучал почти с завистью:

— Чувствуется, не один год рыли подземелье!.. А то и не одно десятилетие. Может, даже сотни лет.

Я буркнул:

— О здешних пещерах знали и раньше. Можно было без спешки и в ожидании Багровой Звезды назавозить

туда продовольствия, оборудовать места... Еще бы и ковры постелили!

— Кто знает, — заметил он, — может быть, дальше пойдут и ковры? Они готовились долго.

— Оставьте стражу, — распорядился я. — Да никто не вмешается в эти... раскопки. А у нас пока есть работа поважнее. К тому моменту, как выберется император, все должно быть сделано так, как в нашем генеральном плане.

Альбрехт промолчал, а я с тревогой подумал, что пока что не обнаружил у Маркуса ничего похожего на оружие индивидуальной защиты. Или нападения, неважно. Понимает и слушается меня идеально, как будто мой мозг — это его мозг, хотя, возможно, так в данном случае и есть.

Похоже, он пригоден только как транспортник. Хотя еще когда сильно испуган или, напротив, в ярости, может практически уничтожить поверхность целой планеты. Это единственное, что фиблионы сумели в нем обнаружить, так что, возможно, есть еще нечто, буду искать, но сейчас народ безмолвствует и ждет, ему нужны действия, а не мои размыслизмы, а я, как на зло, все больше погружаюсь в ступор...

— Сэр Ричард? — спросил Альбрехт.

Голос его прозвучал очень настойчиво. Я свистнул, Зайчик в сторонке вскинул голову, посмотрел в мою сторону.

— Пора, — сказал я.

Опередив арбогастра, первым примчался Бобик и сразу же запрыгал вокруг, требуя, чтобы погладил за такую резвость.

Я потрепал по башке, широкой и прочной, как танковая башня, в самом деле, Зайчика опередить непросто, поднялся в седло.

— Сэр Альбрехт... Пора.

Адский Пес, уловив, о чём речь, со всей прыти умчался к Маркусу. Зайчик рванулся было следом, но я придержал из вежливости перед Альбрехтом.

Огромная багровая громада приблизилась, закрывая полнеба, вход по моей команде уже открыт, а к нему ведёт широкий трап, по которому свободно пройдут стремя в стремя четверо конных рыцарей.

Макс, весь восторженный и с блестящими от возбуждения глазами, не приблизился ко мне, как надлежит главнокомандующему всеми пешими войсками, основой любой армии, а побежал, все такой же, с румяными щеками и широкой детской улыбкой.

— Дружище, — сказал я, — на твои плечи выпала самая тяжелая часть нашей миссии.

Он воскликнул ликующе:

— Все сделаем!

— Не спеши, — предупредил я. — Повторю еще раз: граф Келляве курирует захват и удержание всех опорных пунктов с причальными пирамидами. Если местные короли возжелают снова прервать отношения с метрополией, пошлешь ему военную помощь. Вплоть до лишения трона и полного истребления правящих династий.

Он спросил серьезно:

— А тяжелая часть?

— Отряды твоих воинов, — ответил я, — высажу в королевствах, где пирамид нет или разрушены. Там сотни лет, а то и тысячи народы развивались в отрыве от империи. Мы не знаем, что там... Потому тебе дано право действовать по обстоятельствам и по усмотрению. Но все же смотрите по обстановке. Если население встречает вас как освободителей, с восторгом, и в воздух чепчики бросает, то можете попытаться сесть

на трон или усадить кого-то из своих... не захватить, а сесть на свободное место!..

Альбрехт добавил строго:

— Но всеми силами старайтесь население привлечь на свою сторону. Если ввязжетесь в кровавую расплю, сэр Ричард от вас отвернется.

Макс в изумлении посмотрел на меня, я развел руками.

— Не отвернусь, а откажусь. Сделаю вид, что вы сами по себе. Самозахват. Я вам такого указания не давал! На самом деле и вправду не даю. Получится — берите трон и власть. Не получится — уходите. Их слишком много.

— Или удираете, — уточнил Альбрехт. — Дескать, поштутили.

Подошел Растер, как всегда в доспехах и с огромным топором за плечами, прислушивался сперва молча, потом сказал с неудовольствием:

— Сэр Ричард, а почему в самом деле не захватить везде власть? Пока короли в норах?

— А вы знаете, с чем имеете дело? — спросил я. — Южный материк втрое, если не впятеро крупнее нашего северного. И королевств здесь, как мух на дохлой корове. Пытаться все проглотить — подавимся. Поэтому королевства нужно захватывать так, чтобы там не приходилось держать армию.

— Которой у нас нет, — обронил Кенговейн. — А то, что есть, по местным меркам не армия, а передовой отряд. Я рад, что и здесь всего лишь помогаю сэру Гастону, как и тогда, когда обороняли скардер. Сэру Максимилиану не завидую.

— Лучше, — снова подсказал Альбрехт, — лучше вы там на местах сами сразу же начнете формировать вой-

ска из местных. До того, как короли вылезут из нор, не дождавшись апокалипсиса.

Митчелл пробормотал:

— И сразу начинайте отстаивать независимость своего королевства от гнусных посягательств тирана сэра Ричарда. Мол, он на ваши земли никаких прав не имеет.

Макс метнул на него пламенный взгляд, полный негодования, но оправдываться счел ниже своего достоинства.

— Пора, — сказал я.

Макс поднял руку, за его спиной сразу трое вскинули трубы. Звонкий чистый воздух разорвали требовательные звуки воинского призыва.

Конная рыцарская армия нескончаемой стальной рекой пошла вливаться в широкий зев Маркуса. Кое-где мелькают всадники без доспехов, но в яркой униформе императорских войск, это Альбрехт сумел договориться с сэром Джеральдером, теперь лордканцлером империи, что все имперские войска, оставленные Генрихом Третьим без командования, поступают в распоряжение властелина Багровой Звезды.

Он же умело распределил их крохотными отрядами среди нашего воинства, и теперь тоже идут в общем потоке укреплять и расширять власть своего императора Германа Третьего, как им объяснили.

— Надеюсь, — сказал Альбрехт с натужным оптимизмом, — Маркус поднимет всю эту массу народа. Вы знаете, что местных набралось на треть больше, чем наших?

— Нет, — признался я. — Даже тревожно как-то.

Он прервал:

— Вы в самом деле решитесь, мой лорд?

— Снести башни Великих Магов? — переспросил я. — Мой изысканный вкус бунтует при виде их уродства, портящего мирные пейзажи.

Он покачал головой.

— А вы их видели?

— Неважно, — ответил я с достоинством. — Они портят красоту, потому и принято решение снести. А те места замостить плиткой. В будущем.

— По всей империи?

Я ответил с надлежащей скромностью повелителя Багровой Звезды:

— По всему континенту. Герцог, что вас перекосило?.. В башнях пусто. Обойдемся без сопутствующих жертв и допустимого уставом обязательного ущерба, хотя когда в руке такой звездный молот, как Маркус, ущерб допустим любой.

Я не договорил, за спиной раздался быстро приближающийся конский топот.

Из-за деревьев выметнулся на легком поджаром коне молодой воин из разведки Норберта.

— Сэр Ричард! — прокричал он. — Рабочие разобрали завал!.. В проход бросились двое из людей Джеральдера. Остановить не удалось, те знают там все повороты!

— Наконец-то, — произнес я шепотом. — Началось...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	131
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	254

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ

Первый том первого сезона

ВЛАСТЕЛИН БАГРОВОЙ ЗВЕЗДЫ ЗЛА

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *М. Колесникова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Tereshchenko Dmitry, Dm_Cherry, Balate Dorin, Boris Stroujko, Slawomir Fajer,

Darren Whittingham / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

arfo / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндүрушүү: «Э» АКБ «Баспасы», 123308, Москва, Россия, Зорге көшеси, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгилүү: «Э»

Казакстан Республикасында дистрибутор және енбек бойынша арнис-талаптарды қабылдушының
екін «РДЦ-Алемит» ЖШС, Алматы қ., Домбровской күш., 3-ө, литер Б, оффис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 үн. 107.

Өткөмдөй хардамдылық мерзімі шектелгенген.

Сертификация турауда үзүлөт сайты Өндүрушүү «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндирген мемлекет: Россия

Сертификация қарастырылмаган

Подписано в печать 17.01.2017.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «NewtonCTT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 7000 экз. Заказ № 391

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЛитРес:
один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумагио-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).**

**В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.**

**В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.**

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

**В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.**

ISBN 978-5-699-94525-2

9 785699 945252 >

ISBN 978-5-699-94525-2

9 785699 945252 >

